

СВЯТОСЛАВ САХАРНОВ * ОСЬМИНОГИ ЗА СТЕКЛОМ

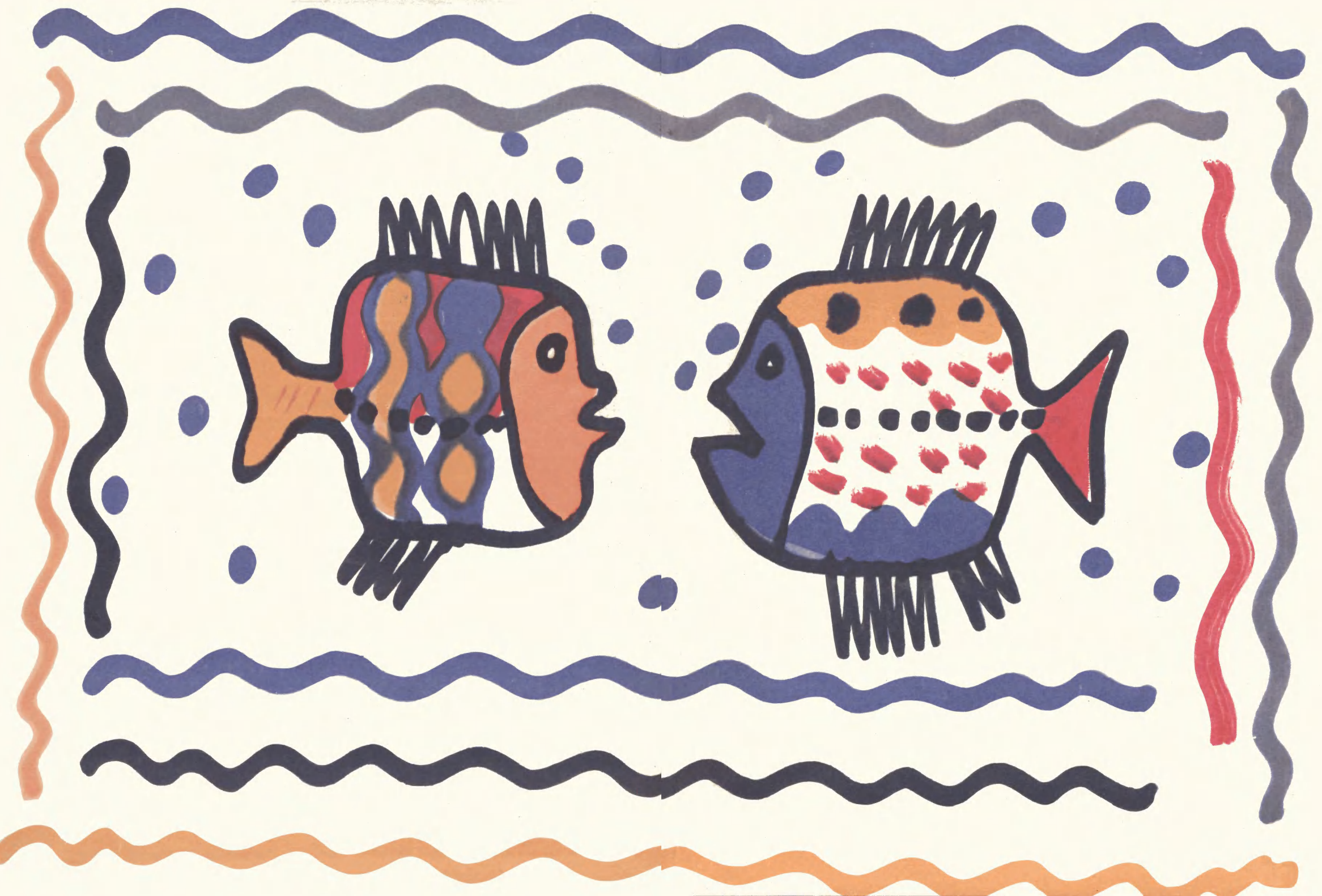
СВЯТОСЛАВ
САХАРНОВ

ОСЬМИНОГИ ЗА СТЕКЛОМ

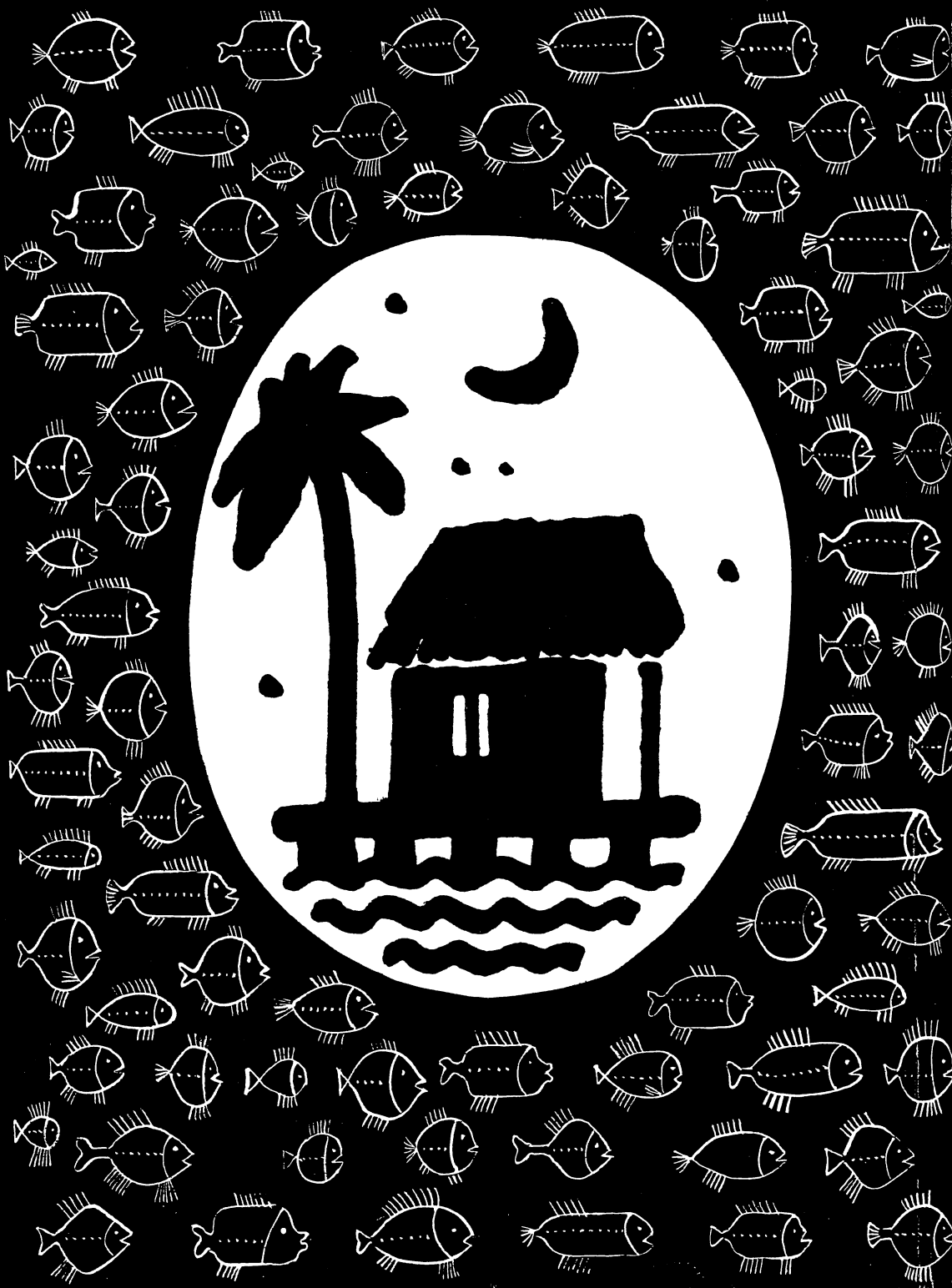

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1975

СВЯТОСЛАВ
САХАРНОВ

ОСЬМИНОГИ ЗА СТЕКЛОМ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1975

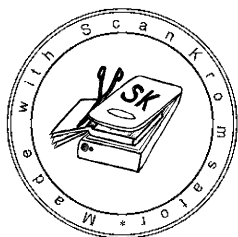
Научно-художественная литература

О Ф О Р М Л Е Н И Е

Э. БЕНЬЯМИНСОНА и

Б. КЫШТЫМОВА

В книге использованы
рисунки из путевых
дневников автора

Scan AAW

Это было в Ленинграде, хмурым летним днем, в огромном зоологическом музее на набережной Невы...

Мальчик прошел мимо застекленных полок с черепахами и змеями и остановился перед витриной, где на тонких проволочных нитях висели два причудливых осьминога.

Они висели за слегка запыленным стеклом, растопырив щупальца, словно два пестрых зонтика, а за ними громоздились раскрашенные в красный, бурый и желтый цвета странные камни, похожие на деревья без листьев.

Вымазанные яркими красками рыбки хороводили между камней.

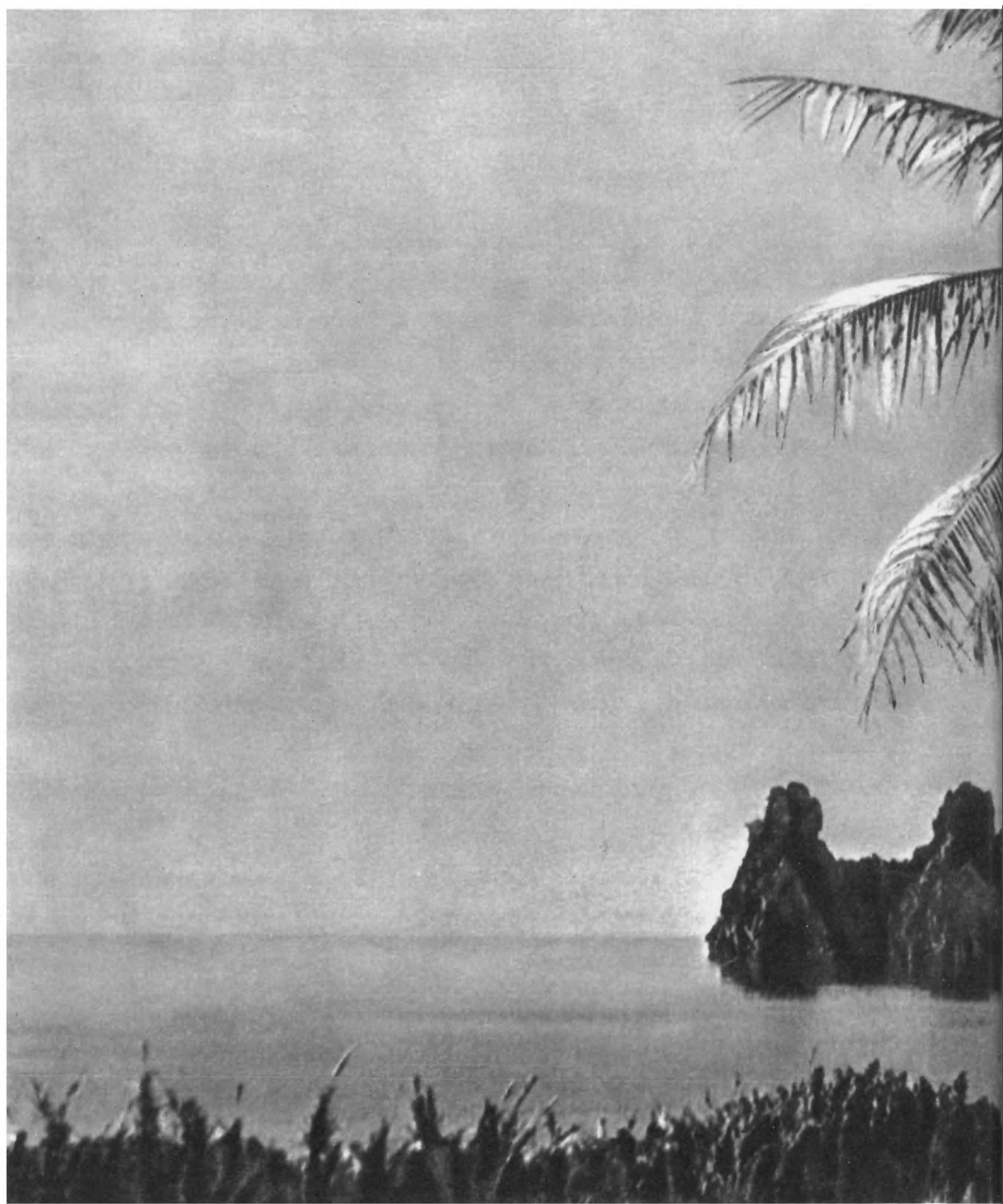
«Коралловый риф и его обитатели» — было написано на табличке возле витрины.

Мальчишкой, часами пропадавшим в зоомузее, был я.

Шли годы, а многоцветный мир кораллов так и оставался для меня воспоминанием детства — камнями и животными за стеклом.

Я складывал в ящик письменного стола вырезки из газет, выписывал на аккуратные картонные карточки все, что читал о море и тропиках, смотрел кинофильмы.

И все время безотчетно ждал встречи с чудом, которое называется коралловый риф...

Вот он — коралловый остров.
Зеленые шапки пальм,
белый песок,
ноздреватые, источенные водой
и ветром скалы...

КУБА — ОСТРОВ В ОКЕАНЕ

И вот — лето 1972 года. Куба. Столица острова — Гавана.

Я стоял на берегу океана и жадно смотрел на белый город и синюю с зелеными прожилками воду. Тускло просвечивало дно, берег был покрыт острыми, клыкастыми камнями, между камней поблескивали лужи стоячей воды.

Справа и слева шумел раскаленный на солнце город: многоэтажные здания, улицы — реки асфальта, зелень бульваров, пестрые, как птицы, автомашины.

За спиной, в оконных решетках старинного испанского особняка, гудел ветер. Меня привезли в этот дом прямо с аэродрома. В особняке — гостиница для советских людей, для тех, кто приезжает помогать молодой республике.

Дому сто лет. Высокие потолки и толстые стены. Посередине — закрытый дворик, кусочек голубого неба, две перистые пальмы, трава. Перед домом — бассейн: квадратная яма, вырубленная в скале. В ней, в непрозрачной зеленой воде, пуская пузыри, бродили невидимые ленивые рыбы.

— С вами поедет по стране Родольфо, — сказали кубинские товарищи, встречавшие меня на аэродроме. — Ихтиолог, учился в Советском Союзе. Поедете в кооператив к рыбам. Аста луэго! До свидания!

И они ушли.

В углу комнаты валялись мой чемодан и спортивная сумка. Из сумки торчали ласты и кончик дыхательной трубки.

Риф начинался у самых окон дома. Он неудержимо звал к себе.

КОРАЛЛОВЫЙ РИФ?

Я надел маску, звонко шлепая ластами, пересек дворик и спустился мимо бассейна к морю. Взяв в рот загубник, забрел в воду по пояс, лег и поплыл.

Серая, безжизненная пустыня растилалась подо мной. Наклонное дно, медленно опускаясь, уходило прочь и было все засыпано зеленовато-серой известковой пылью. Ямки, похожие на оспины, пятнали его. Мрачная, напоминающая фотоснимки лунной поверхности картина.

И ни одной рыбы.

Вот так риф, вот тебе и кораллы — великолепный сад под водой!

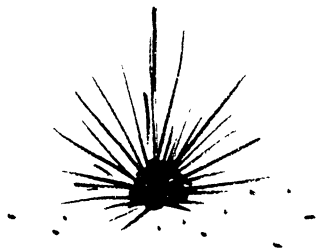
Наконец впереди мелькнул чей-то силуэт. Узкий и длинный, он возник на мгновение, прошел по краю каменной пустыни и исчез, растворился в черно-голубой дали.

Кто это?

Я вспомнил рассказы про акул. Стало неудобно.

Один в этом царстве безжизненного камня, в мире без красок, без теней, без солнца.

Я шевельнул ластами, перевернулся на бок, поплыл назад.

У самого берега, там, где входил в воду, я увидел наконец живое существо.

В углублении между камнями сидел еж с длинными-предлинными иголками. Я оплыл его стороной и, придерживаясь руками за клыкастые известковые плиты, выбрался на берег.

Знакомство с рифом не получилось.

СЕРДИТЫЙ КАМЕНЬ СЕБОРУККО

Скоро я понял: риф, над которым я плавал, был мертв. Кораллы, построившие его, умерли тысячи лет назад и превратились в серые камни, в огромную плоскую скалу, убегающую в океан.

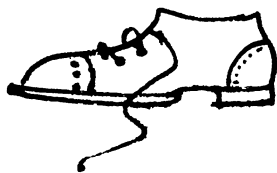
Часть этой скалы выходила на берег. Острые клыки, похожие на волчьи зубы, торчали над ее поверхностью.

— Себорукко! — говорили кубинцы, когда я спрашивал, как называется скала. И добавляли: — Очень сердитый камень!

Однажды я отправился побродить. На ногах у меня были туфли, привезенные из Ленинграда, модные, с широким носком и блестящей кожаной подметкой.

Я шел вдоль моря по себорукко, приседая и охая: острые камни ножами вонзались в подошву.

Нога подвернулась. Пришлось тащиться назад.

На пороге дома я присел и снял туфли. Их подметки превратились в лохмотья.

И верно — себорукко сердитый камень!

НЕ ТЕ РЫБЫ

Родольфо задерживался. Мне передали, что приехал болгарский ученый, который исследует повадки стайных рыб, и Родольфо ушел с ним в море.

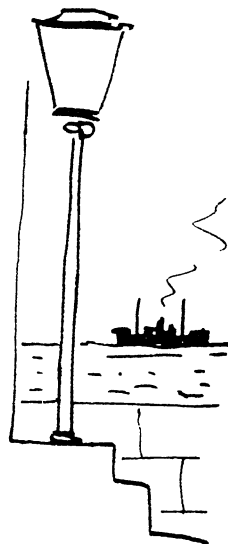
Я не сетовал. Я обживал берег.

Кто-то сказал, что у самого дома видел моллюсков с большими красивыми раковинами. Я отправился на поиск.

Я плыл спокойно и уверенно, пристально вглядываясь в серую, однообразную поверхность рифа. Бояться было некого. Книжки в один голос утверждали: в тропическом море, у берега, на плывущего под водой человека не нападает никто. Крупных акул у берега нет. Мурена может нанести глубокие, долго не заживающие раны только в том случае, если человек наступит на нее или схватит рукой. Барракуда нападает, если загнать ее в угол. В общем, рыбы как рыбы.

Плыву, беззаботно поглядывая вниз.

Вдруг на фоне дна появился силуэт рыбины: узкое, длинное, похожее на веретено тело, все в светлых и темных полосах, огромная, в одну треть тела, голова, белые зубы. Барракуда! Прекрасная морская щука метра пол-

тора длиной. Она плыла неторопливо и спокойно, не обращая на меня внимания, не собираясь ни нападать, ни бежать!

«Испугаем! Наведем на хищницу страх!» Я нырнул и, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами, стал догонять барракуду. Она ускорила ход — я заработал ластами сильнее. Щука увеличилась в размерах — я догонял ее.

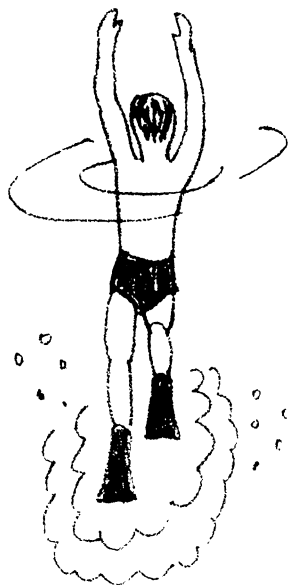
И тогда произошло нечто удивительное. Рыба повернулась. Вернее, она повернула лишь голову, как собака, которая огрызается на преследователя. Она повернула свою длинную голову и щелкнула зубами. Зубы как гвозди. Я отчетливо услышал под водой их стук. Потом барракуда повернулась целиком — вот-вот бросится! Я отдернул руки и, бешено работая ластами, стал всплывать.

Рыбина продолжила путь. Она уплывала спокойно и неторопливо. Черно-зеленые полосы мелькали на фоне белого дна.

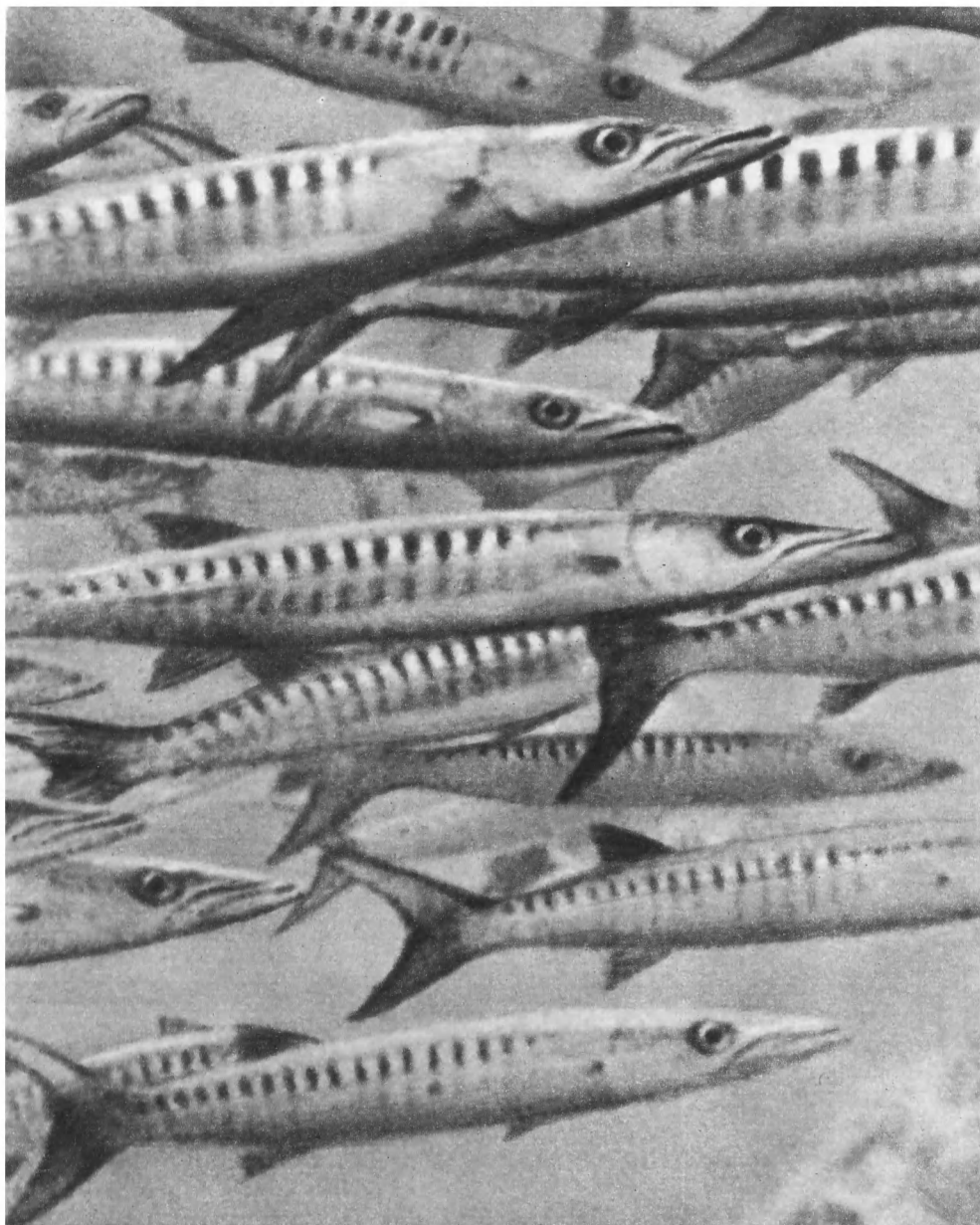
Ошеломленный, я выскочил на поверхность. Сердце отчаянно колотилось. Перед глазами стояли острые, с палец длиной зубы... Бр-р!

Только сидя в комнате, я понемногу пришел в себя и успокоился.

Конечно, барракуда на меня не напала бы. В конце концов, человек больше ее. Книги не врут. Но спасибо громадной щуке: в тот день я понял, рыбы тропического моря — это не рыбы наших озер и рек. С ними надо держать ухо остро.

Плывут барракуды... Крепко сжаты челюсти. Холодные,
без всякого выражения глаза устремлены вперед.

Рифы образуются на прогреваемых солнцем мелководьях из известковых скелетов мельчайших живых существ — кораллов. Риф — это сложное сообщество растений и животных, начиная от водорослей и кончая стайками ярко окрашенных рыб.

Мертвый риф у побережья Кубы.

Коралловые сооружения различны по форме. Самые знаменитые из них — атоллы — представляют собой кольцо. Оно окружено снаружи значительными глубинами, а внутри имеет мелководное пространство — лагуну.

Вход в некоторые лагуны доступен только шлюпкам, в другие могут зайти даже линейные корабли и авианосцы, третьи закрыты наглухо и давно превратились в озера.

Атоллы чаще всего это цепочки или гирлянды, которые тянутся на сотни миль.

Барьерный риф защищает берега материков и островов. Он похож на барьер, воздвигнутый неутомимыми строителями на пути свирепых океанских волн. Между таким рифом и берегом обычно остается проход, по которому, как по каналу, могут плавать корабли.

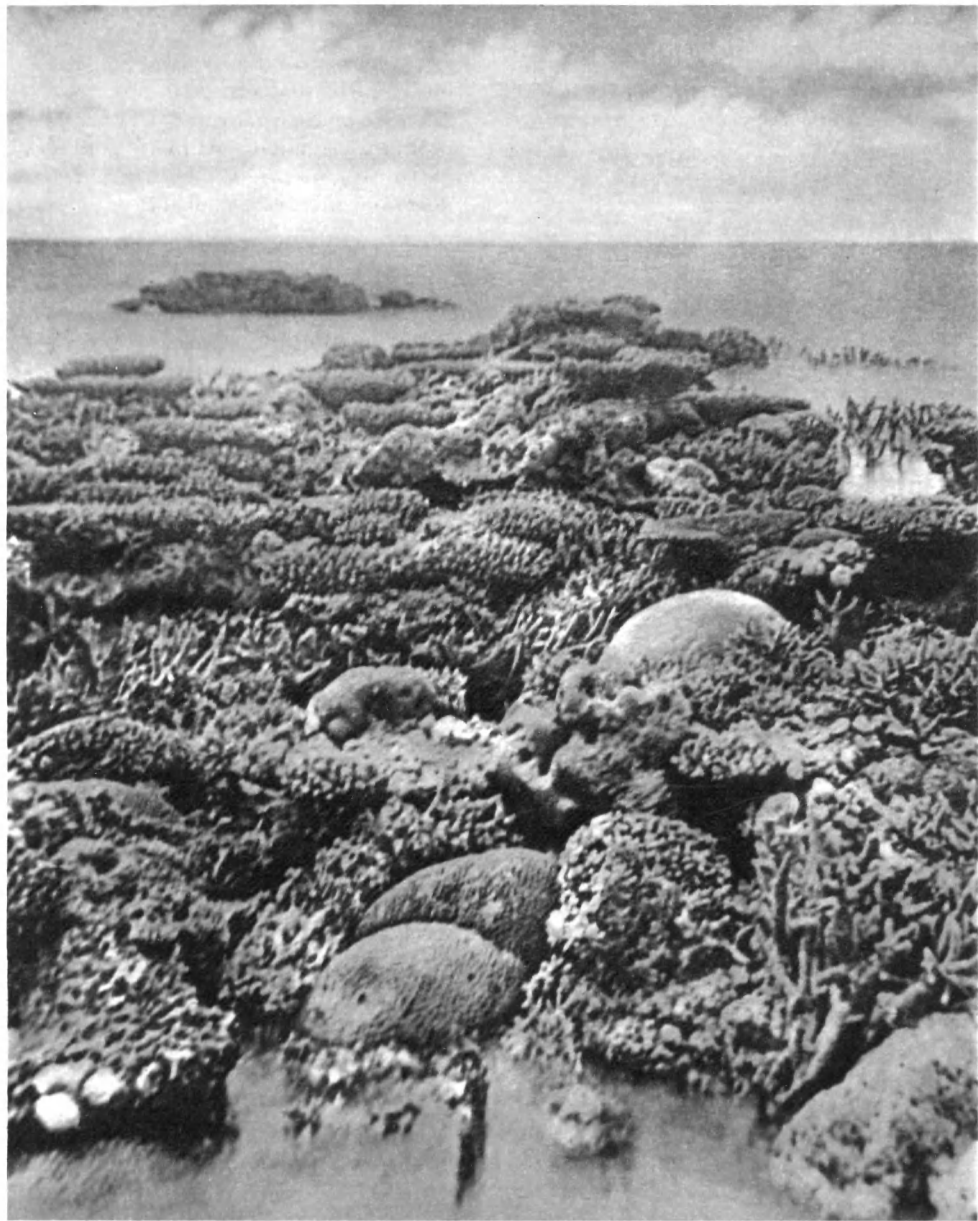
Большой барьерный риф Австралии начинается от широты 10° и тянется до 25° , почти три тысячи километров.

Во время прилива и при сильном прибое огромные массы воды перекачиваются через риф и стекают обратно, вызывая в проходах и разрывах рифа очень сильные течения.

Для многих портов риф служит защитой, волноломом. Дарвин написал о рифе Пернамбуку в Бразилии: «Я думаю, во всем мире не найдется

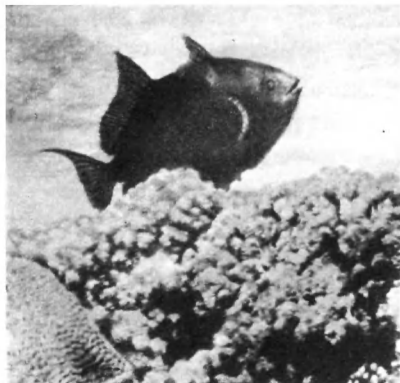

Следы катастрофы на рифе.

В отлив коралловый риф обнажается. Из-под воды показываются причудливые, пестрые глыбы, хаос каменных, перепутанных ветвей.

естественного сооружения, которое казалось бы столь искусственным по внешнему виду».

Баллиста (рыба-курок).

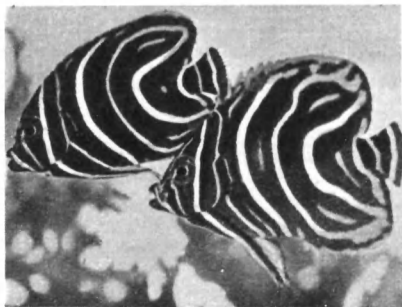
Одним из первых изучал «коралловые острова» и задумывался над их происхождением великий русский мореплаватель, исследователь антарктических вод Беллинсгаузен.

Дарвин, теорию которого до сих пор с оговорками принимают ученые всего мира, считал, что крутые стены коралловых построек возникли вследствие медленного опускания дна океана. Кораллы-строители не могут жить без света и на глубинах больше пятидесяти метров погибают.

Каждый атолл, считал Дарвин, вначале был островом, окаймленным кораллами. По

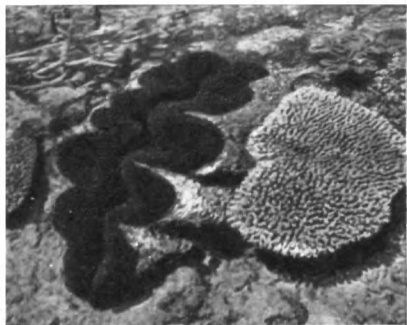
мере опускания острова в пучину океана кораллы надстраивали окаймляющее остров кольцо, а затем только оно и осталось видимым над поверхностью океанских вод.

В одном из последних писем Дарвин предложил для проверки своей теории пробурить на максимально возможную глубину коралловый атолл. В нашем веке ученые совершили этот эксперимент. Они пробурили на глубину 350 метров атолл Фунафути в Тихом океане. До самого дна скважины бур проходил остатки тех же организмов, которые воздвигли и продолжают воздвигать его верхнюю часть.

Рыбы-ангелы.

Коралловые рифы опасны для мореплавателей. 11 июня 1770 года корабль Кука, совершавший свое первое кругосветное плавание, в ясную лунную ночь наскочил на Боль-

Раковина тридакны и коралл.

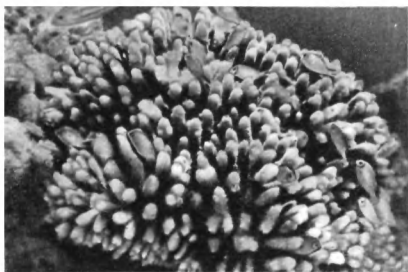
шой барьерный риф у берегов Австралии. Матросы 24 часа бесплодно пытались снять корабль с рифа. Только необычайно сильный прилив спас его.

Морские лоции, давая рекомендации, как плавать в районе коралловых рифов, предупреждают, что кораллы все время растут, рифы меняют очертания и поэтому данные гидрографических съемок, по которым составлены карты, быстро устаревают.

Много коралловых островов открыто в Мировом океане русскими моряками. На карте Тихого океана значатся: остров Барклай де Толли и остров Кузцова (открыты Беллинсгаузеном), остров Суворова (открыт Лазаревым), остров Римского-Корсакова (открыт Коцебу) и многие другие.

Многие атоллы и острова барьерного рифа возвышаются над уровнем океана всего на два — четыре метра. При ураганах или нашествии волн цунами, вызванных землетрясениями, такие острова оказываются под водой, бывают опустошены или вовсе разрушены.

Кораллы могут служить хорошим строительным материалом. Журналист, попавший на побережье Аравийского полуострова, написал: «Здесь преобладают одноэтажные дома, сложенные из обтесанных кусков белого коралла. Мне пришлось наблюдать, как разгружают большие лодки. В них были привезены громадные куски камня зеленого, розового, лилового цвета, присущего живым кораллам. Полежав некоторое время под палящими лучами солнца, кораллы утрачивали свою пеструю окраску и становились сверкающе-белыми».

У коралловой ветки.

Я корчился в кровати под двумя одеялами, заряжая кассеты фотоаппарата.

Кто-то постучал по спине. Красный, распаренный, я вынырнул наружу. У кровати стоял небольшой черноволосый человек и с любопытством разглядывал меня.

— Будем держать знакомство,— сказал он.— Меня зовут Родольфо. Я учился в Москве.

— А я из Ленинграда.

— Как устроились?

— Жарко у вас на Кубе. А как стайные рыбы?

— Ходят стаями.— Он рассмеялся.— Завтра уедем. Починят машину, и уедем. Вы первый раз на Кубе?

— Первый.

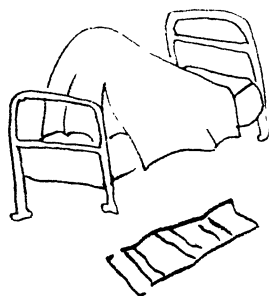
— Вам повезло. Поедем через весь остров на южный берег, к рыбакам. Поживем в лагуне Тесоро. Там водятся ламантины. А пока хотите, я покажу вам по пути аквариум?

Мы вышли на раскаленную полднем улицу.

По липкому от зноя асфальту шурша проносились автомобили. Девушка-регулировщик в бело-зеленых на рукавниках размахивала жезлом. Под огромным, развесистым, в десять обхватов деревом баньяном сидели темнокожие мамы. Около их ног копошились курчавые ребятишки.

Прячась в тени деревьев, мы дошли до каменной ограды.

— Аквариум! — сказал Родольфо.

Посреди сада, поросшего редкими пальмами, стояло круглое белое здание.

В стены его были вделаны прозрачные ящики с водой. Посередине, в небольшом мелком бассейне, плавали закрытые кувшинки лотоса.

Родольфо подвел меня к бассейну.

— Манхуари! — сказал он.

В бассейне, повернувшись мордами к струе воды, выбивавшейся из шланга, стояло несколько серо-голубых рыб, очень похожих по виду на наших щук.

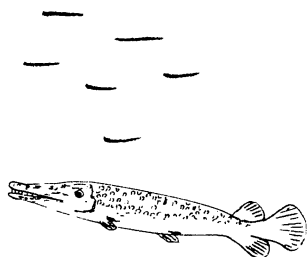
Я так и сказал.

— Щуки! — подтвердил Родольфо. — Манхуари. Жили раньше мамонта. Раньше бронто-завра.

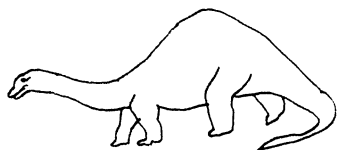
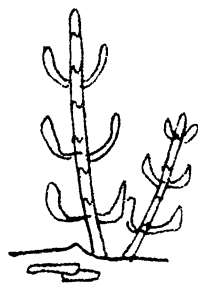
Слово «бронтозавр» у него получилось плохо. Чтоб было понятнее, он растопырил над головой пальцы и пошевелил ими, изображая ужасного ящера.

Я присмотрелся к рыбам. У каждой на боках была светлая сетка — будто проволоочки, переплетаясь, опутали все тело. Как кольчуга... Панцирные щуки — манхуари! Я вспомнил: эти рыбы жили на земле, когда не было еще никаких шерстистых носорогов, саблезубых тигров, когда не бродили по пустынным степям огромные ящеры, а в небе не парили на кожистых крыльях смахивающие на пеликанов птеродактили.

Панцирная рыба! Прабабушка наших карасей и акул.

манхуари

— Очень редкая, — сказал Родольфо. — Ваши ученые приезжают посмотреть на нее.

Панцирные щуки стояли не шевелясь.

Если струя, бившая из шланга, отклонялась, они тоже медленно поворачивались и застывали, ловя свежую воду ртом.

— Очень редкая, — повторил Родольфо, и мы пошли смотреть остальных рыб.

МНОГОУДОБНАЯ МАШИНА

На следующий день мы уезжали из Гаваны.

Автомобиль, на котором приехал Родольфо, сначала испугал меня. Он был высокий, квадратный, весь в следах электрической сварки и... с трубой.

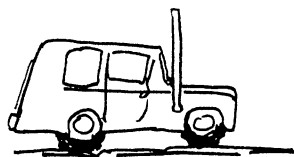
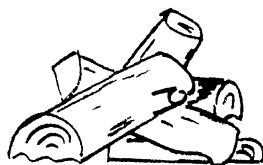
— Интересная конструкция! — сказал я. — Он что у вас, ходит на дровах?

— Зачем на дровах! — обиделся Родольфо. — На бензине. Некрасивый? Зато много... — он долго искал слово и наконец подобрал: — ...удобный. Сам собирал, — Родольфо с гордостью показал свои руки. — Ящики приварил — не утонет. Крепкий. Едет не очень быстро — тоже хорошо, больше увидим. Выхлоп — вверх!

Он показал на трубу.

— Ну что ж, едем.

И мы поехали.

Пофыркивая и громыхая, наш автомобиль покатился по набережной, мимо сияющих стеклами гостиниц, пробился сквозь толпу автомобилей на узких улочках старого города, выскочил на шоссе и деловито побежал мимо зеленых плантаций и рощиц тонких, как зеленые свечки, деревьев.

— Две остановки в пути, — объяснил мне Родольфо, — один день — мангры, два дня — лагуна.

— Мне бы скорее на риф... — вздохнул я.

— Будет риф. Все будет.

Под вечер мы прикатили в город на берегу маленькой бухты. Над городом возвышалась скала. На вершине ее белел замок.

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ

Я карабкался на вершину скалы. Узкая, мощенная камнем дорога упиралась в крепостную стену. На дне сухого рва желтела низкая, ломкая трава. Деревянный подъемный мост нависал надо рвом.

Полуголый, страдающий от жары сторож опустил мост. Осторожно ступая по шатким, полуистлевшим доскам, я вошел в замок.

Раскаленные солнцем камни источали зной. Серые ящерицы с закрученными, как у собак, хвостами бесшумно сновали меж известковых плит.

Замок сторожил вход в бухту. Когда-то в ней спасались преследу-

емые пиратами корабли. Пираты рыскали вокруг бухты, как волки...

Мимо запертых железными решетками окон я прошел к внешней стене. Между приземистыми зубцами торчали пушки. Я лег рядом с одной из них и высунул голову из бойницы.

Внизу море катило мелкие, как морщинки, волны. Воду прорезали черные зубчики. Они появлялись, стремительно чертили кривые, изогнутые линии и исчезали.

Это были акулы. Хищники ждали, не вынесет ли течением из порта какую-нибудь падаль.

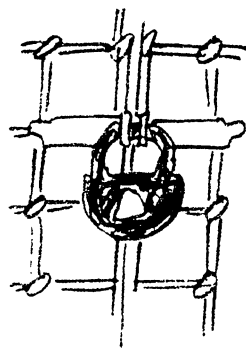
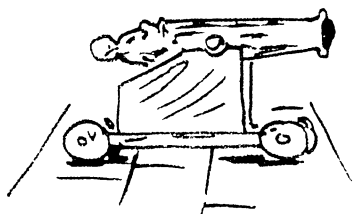
Уходя, я остановился около каземата — небольшого углубления в стене. Оно было закрыто решеткой. На решетке висел тяжелый замок, внутри виднелись табуретка и миска.

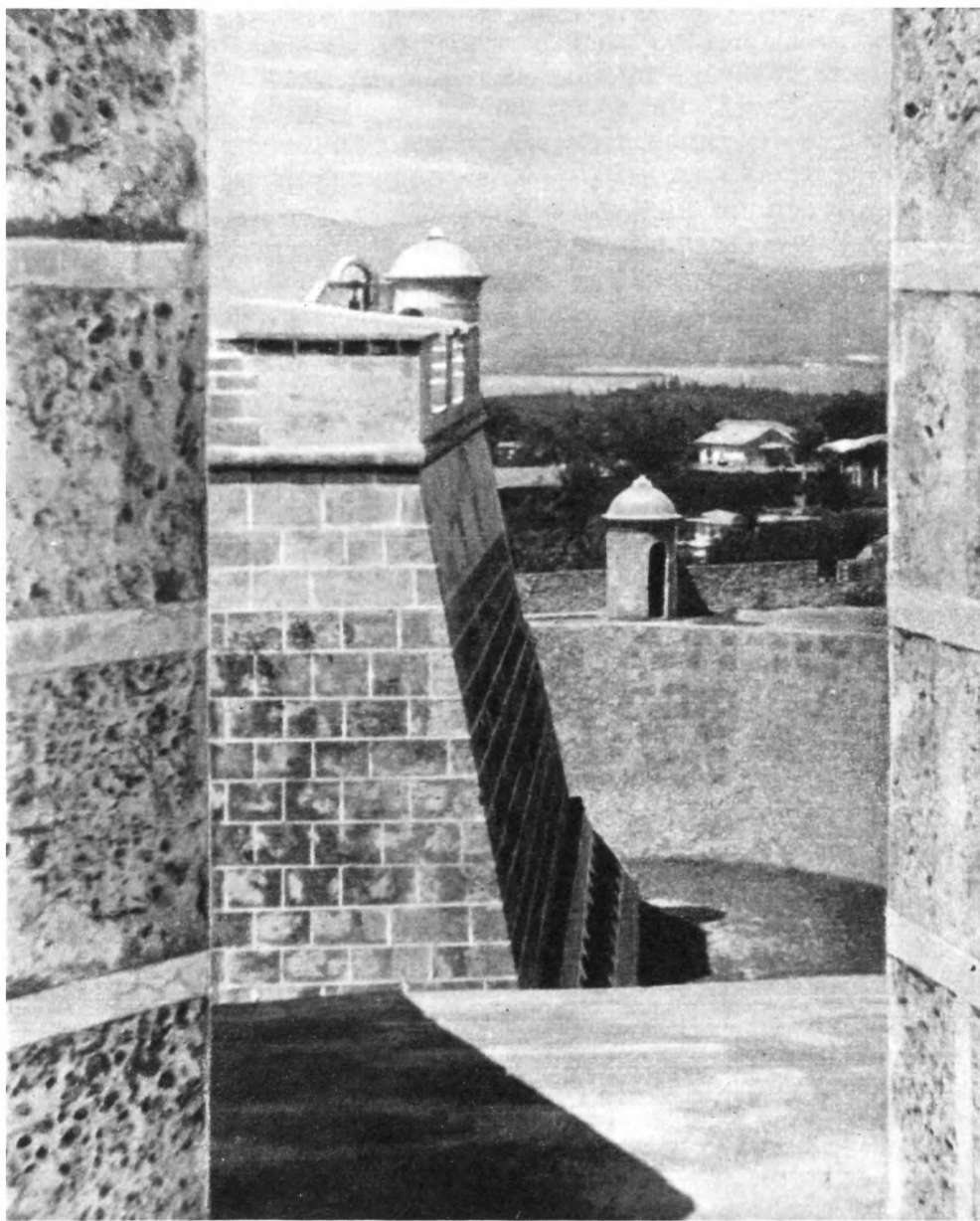
На Кубе часто вспыхивали восстания — народ боролся за независимость. Сто лет назад разгорелось пламя большой освободительной войны. Почти все его вожди погибли. Некоторых перед смертью держали тут.

Однажды крепость послужила и революции.

Это было в дни восстания против диктатора Батисты. Шел 1958 год. Глухой ночью на берег со шхуны «Гранма» высадились группа революционеров. Отрядом командовал Фидель Кастро.

Напрасно солдаты Батисты пытались поймать бойцов Кастро. Их прятал, им помогал народ. Вот тогда-то и укрыли за своими стенами старинные казематы отряд бойцов революции.

Старый замок на берегу Карибского моря, у самого входа в порт Сантьяго-де-Куба.

Огонь восстания охватил остров. Здесь на крайнем юго-востоке всё — даже камни — память и история. Где-то здесь, на атлантическом побережье, высадился Колумб. Здесь началась революция.

Я вернулся по каменистой дороге вниз к бухте. Около бензиновой колонки стоял ослепительно белый автомобиль.

БЕЛЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Он был как акула: никелированные клыки спереди, два наклонных плавника сзади...

Около автомобиля стояли двое — молодой парень в белой рубашке с расстегнутым воротом и толстяк с сигарой в зубах. На толстяке был клетчатый пиджак и брюки мешком.

Увидев меня, парень обрадовался.

— Абло испаньол? Говорите по-испански? — спросил он.

Я покачал головой:

— Йо абло руссо. Я русский.

Лицо парня расплылось в улыбке.

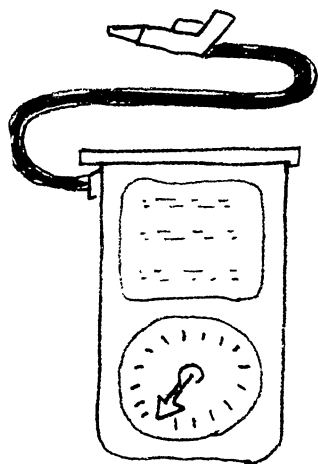
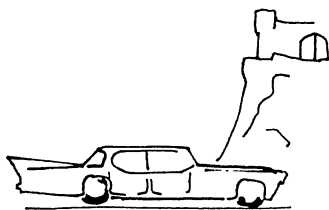
— Я знаю и русский, — сказал он без всякого акцента. — Я переводчик. Вот прикрепили меня к этому гражданину.

— А вы с ним на каком объясняетесь?

— По-итальянски. Итальянский турист. Собственно, объясняюсь один я. Он молчит.

— Бывает. Такой характер.

Парень вздохнул.

Толстяк спрятал в карман сигару, вытащил из машины роскошный фотоаппарат с толстой трубой-телевиком и нацелил трубу на бензоколонку.

«Стоило ехать за тридевять земель, чтобы фотографировать ее, — подумал я. — Мало их у него дома, что ли?»

К машине вернулся шофер. Он был маленький и чернявый. Шофер сел за руль. Переводчик и толстяк заняли места позади него. Неслышно заработал мотор, машина качнулась, стремительно набрала скорость и, как огромная белая ракета, унеслась вверх по дороге.

Мы покатали вниз, к морю.

Впереди на горизонте поблескивали две полосы: синяя — вода и зеленая — мангровый лес. За ними желтели домики небольшого городка.

— Тринидад! — пояснил Родольфо. — Есть интересная история.

Вот что он рассказал.

Дело было во второй половине XVIII века. Карибское море всегда печально славилось морскими разбойниками. Но грабить одиночные корабли хлопотно, и пираты решили захватить сразу целый город!

Выбор пал на Тринидад.

Разбойники высадились в мангровом лесу. Выйдя на грунтовую дорогу, их отряд тронулся в путь. Десятикилометровое расстояние они шли так медленно, что жители города успели связать в узлы свое имущество и уйти в горы.

Когда первые группы разбойников

Пиратский
отряд

вступили на мощенные булыжником улицы, в городе оставались только одни бедняки.

Начался торг. Между городом и пещерами, где спрятались купцы и гидальго, забегали взад-вперед посланцы. Пираты требовали выкуп, грозя, в случае отказа, поджечь город с четырех сторон. Жители упирались. Наконец все кончилось полюбовной сделкой: пираты получили требуемую сумму и вдобавок право... торговать на городском рынке!..

Эту историю мне рассказал Родольфо, пока мы добирались до берега. Там шофер, не сбавляя скорости, свернул с дороги прямо в гущу стоящих в воде деревьев. Хрустнули ломкие ветки, машина ухнула в воду и, ловко цепляясь зубчатыми шинами за дно, покатила дальше. Выхлопная труба над нашими головами стреляла, желтые волны разбегались по сторонам.

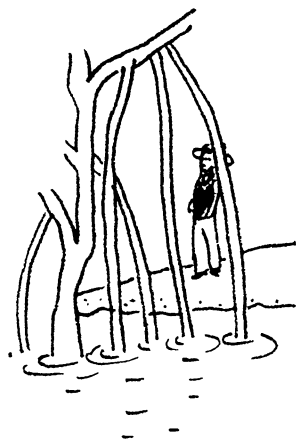
«И верно — многоудобная машина!»

Мы доехали до песчаного островка, покрытого деревьями, и там вылезли.

Весь остаток дня я бродил по мангровому лесу, осторожно перебираясь через протоки, с удивлением рассматривая мясистые темно-зеленые листья, путаницу воздушных корней над головой.

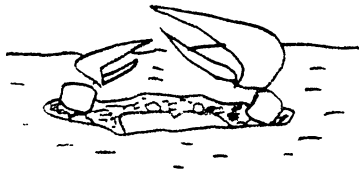
Деревья стояли по колено в море.

Из воды, как гвозди, торчали их острые побеги. Плотные, мясистые листья не шевелились.

Проваливаясь по колено и оставляя за собой коричневые облака ила, мы то углублялись в низкорослую чащу, то выходили в протоки, открытые со стороны моря.

Мелкие рыбы бросались из-под ног, поспешно скрывались в кустах белые тонконогие цапли, пуская пузыри и выбрасывая вверх комочки грязи, прятались в норы маленькие пестрые крабы.

НЕ ПОДХОДИ!

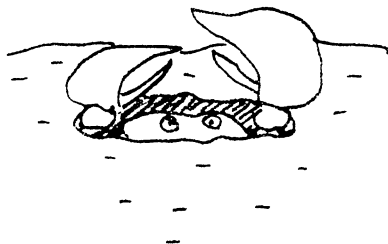
Крабы населяли все отмели и островки. Мангры были их заповедным царством.

Там, где над водой возвышались темные взгорбки песка, их жило тысячи.

Я уселся на обломок дерева, выброшенный течением, и стал наблюдать. На какое-то время суета, порождаемая движением крабов, прекратилась. Животные замерли, затем, видя мою неподвижность, засуетились с удвоенной энергией.

Одна клешня у каждого была маленькая, похожая на щипчики, вторая раз в пять больше — с пяточок.

Вот шевельнулся комочек песка, приподнялся, отодвинулся в сторону. Открылась норка. Высунулся из нее краб, вылез по пояс, поднял над головой большую клешню и ну ею семафорить. Вверх-вниз, вверх-вниз! Ходит взад-вперед фиолетовый флаг — далеко его видно.

Сначала я даже не понял, кому это сигналит мой «матросик». Потом, присмотревшись, понял. Невдалеке от него еще норка, в ней — другой краб, побольше. То ли норка ему узка, то ли место, где она вырыта, разонравилось, страшно хочется большому крабу вылезти из нее, подойти к соседу, может быть, даже и норку того захватить. Но не тут-то было! Только вылез он целиком, шаг вперед сделал — навстречу флаг машет: «Не подходи, мол, — занята норка, и земля вокруг нее занята! Подойдешь — буду драться!»

Видно, не так просто решиться на бой: потоптался, потоптался большой краб — и назад. На край норы сел, лапки свесил, раздумывает.

Сижу и я тоже. Под ноги себе смотрю.

Привыкли ко мне крабы, совсем перестали обращать внимание.

Вот бегут два, навстречу друг другу. Бегут, один другого не видят: ботинок им мой мешает. Выбежали из-за ботинка — и нос к носу. Остановились как вкопанные. Уставились друг на друга. Потом не сговариваясь клешни подняли и давай семафорить. Должно быть, выясняют, кто кому дорогу уступать должен.

Один говорит: я сильнее! Второй: нет, я!

Стоят друг против друга, лапки по песку расставили, машут клешнями. Один получше сигналит, другой — похуже. Верно, который похуже — тот и уступит.

Игуана лежала на стволе мангра, тесно, всем телом прижимаясь к дереву.

СТРАННАЯ ЯЩЕРИЦА

Меня ожидала еще одна встреча.

Я сидел на обрубке дерева тихо, и, наверное, поэтому еще одно животное выдало движением свое присутствие. Что-то зеленое шевельнулось в кустах, проползло по стволу, спустилось к воде.

Ящерица! Большая, вся в зеленых и коричневых точках. А может быть, в полосах? Играют тени, не разобрать. Только видно, что ящерица большая и что у нее тонкий длинный хвост.

Посмотрел я на нее. «Странно! — думаю. — Ведь куст на островке, вокруг — вода. Как она сюда попала?»

А ящерица из-под куста вылезла и замерла. Смотрит куда-то в сторону, мимо меня. Там жук бежит по песку. Черный, коленками кверху. Бежит, коленки подбрасывает.

Добежал до куста, ящерица его хоп — и слизнула!

Стоит, шею вытягивает, жука глотает.

«Не иначе, — думаю, — приплыла она сюда на бревне или на пучке травы. Вот только как теперь ей назад с острова?»

Только я подумал, а ящерица повернула голову, увидела меня да как прыгнет в воду! Помчалась — хвостом словно винтом работает, задними лапами помогает, передние в воздухе машут. Ненормальная какая-то!

Добежала до соседнего островка, зеленой стрелой по песку мелькнула, на дерево — и исчезла.

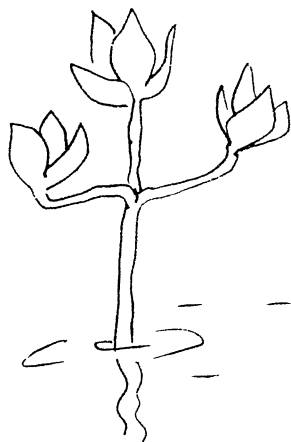

василиск

Стоит дерево, ветки в воду уронило. Толстые, мясистые листья не шелхнутся. В путанице воздушных корней — черные и зеленые тени. Поди разбери, где там ящерица!

Я встал и, шлепая по воде, побрел к этому островку. Ящерицы не было видно. Среди коричневых изогнутых веток мангрового дерева сидели крабики густо-лилового цвета. Непрерывно пощелкивая и суча клешонками, они состригали с поверхности ствола плесень и ловили на ней мелких, едва различимых глазом насекомых.

Мангровые растения — это несколько пород деревьев и кустарников, не всегда близких друг к другу, но одинаково приспособленных для существования на границе моря и суши.

Мангры обитают там, где сушу не разрушает прибой, где грунт и растительность защищены изгибами берега — в заливах, за барьером кораллового рифа. Или они растут за полосой речных наносов. Еще мангровые заросли окаймляют устья и берега тропических рек.

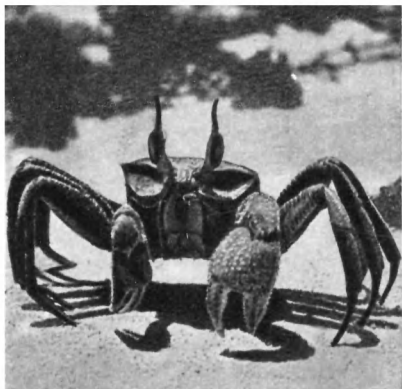
Чтобы прочнее удерживаться в грунте, мангровое дерево опускает от нижних ветвей воздушные корни, а от ствола опускает корни ходульные.

Ил, в котором растут мангровые деревья, зачастую лишен кислорода, пахнет гнилью и сероводородом. Чтобы дышать, растения выстреливают вверх дыхательные корни, торчащие из воды наподобие свечек.

Многие мангровые растения живородящи. Плод, когда он еще висит на дереве, прорастает длинным и тяжелым корнем и двумя листьями. Когда он падает с дерева, корень

вонзается в грунт, и новое деревцо начинает жить.

Проросший корнем и листьями плод, если он попадает в воду, может долго плавать, ожидая, когда морское течение или прибой выбросят его на берег.

Краб на песке.

Мангры наступают на море. Речные наносы, земля, смываемая дождем, опавшие листья, трупы мелких насекомых и моллюсков застревают между корней и стволов мангровой рощи.

Образуется плодородная почва, на которой поселяются другие растения. Так берег уходит все дальше и дальше, отесняя воду. В-тылу мангрового леса со стороны суши остается постепенно осыхающее болото.

Про атоллы, внутреннюю часть которых полностью занимают мангры, говорят, что мангры «съели» их лагуны.

Мангровые растения гибнут уже при морозе три-четыре градуса. Поэтому за пределы тропиков они не выходят.

В мангровых лесах Старого Света наибольшее впечатление на путешественников производит илистый прыгун — рыбка периофтальм, пучеглазое существо, великолепно лазающее по деревьям и прыгающее с ветки на ветку.

В манграх Индийского и Тихого океанов часто встречаются морские змеи. Среди них наиболее известны ластохвосты, длина которых достигает более двух метров, а сплюснутый хвост напоминает весло или руль.

Морские змеи, как правило, ядовиты. Их яд действует расслабляюще. Укушенная змеей рыба перестает сопротивляться, и змея глотает ее. Известны случаи смерти рыбаков, укушенных морскими змеями. Рыбаки, которые разбирают в тропических водах улов, должны иметь на руках перчатки.

Морские змеи избегают пресной воды, не поднимаются вверх по течению рек, впадающих в мангры, но они также и не заплывают далеко в море. Известен только один случай, когда ластохвост был пойман в 250 километрах от берега.

Морские змеи не так давно сами расширили область своего обитания: по Панамскому каналу они из Тихого океана проникли в Карибское море.

Крокодил в болотах Сапата.

Обычные жители мангр крокодилы. Они довольно сносно переносят пребывание в соленой воде. Там, где мангры образуют особенно густые заросли, крупные крокодилы прокладывают себе тропинки.

На этих тропинках их и стараются ловить с помощью веревочных петель охотники.

Причудливый обитатель мангового леса — ящерица василиск. Это довольно крупное животное замечательно не только внешним видом (некоторые василиски носят на голове кожистый гребень, похожий на шлем), но и способностью быстро плавать с помощью хвоста и лап, хотя последние у них лишены перепонки.

Сто — полтора столетия назад мангровые чащи служили местом, где работорговцы прятали перед отправкой на корабль «груз черного дерева» — невольников. Этот доходный вид торговли был рискован: если судно работорговцев захватывал военный корабль, коман-

Краб с плащом из водорослей.

да расставалась с жизнью — негодяев вешали тут же, на мачтах.

Мангровые заросли полны жалящих насекомых. Натуралист Клинджел, рассказывая о своей попытке преодолеть ночью вброд полосу мангров, пишет: «Мое ухо уловило легкое гудение: это жужжали москиты. Целыми тучами налетели они и облепили мне руки, лицо, плечи. Я отчаянно стряхивал их и давил десятками. На руках у меня образовалось месиво из раздавленных москитов и моей собственной крови. На место раздавленных немедленно садились другие. Они залетали мне в глаза, набивались в уши и ноздри... Я шел по колено в теплой воде, спотыкаясь о поваленные стволы, падая в ямы, поднимаясь и снова падая».

Мангры полны птиц: среди обычных их обитателей много видов цапель, пеликаны, фламинго, кулики, чайки, бакланы. Особенно много пищи птицы находят здесь в часы отлива.

Стволы мангровых деревьев (черный и красный мангр) издавна используются для получения высококачественного древесного угля. Углежюги собирают деревья в огромные

Мангры в отлив.

кучи, и там медленно горящий без доступа воздуха огонь превращает дерево в уголь.

Мангровая кора — хороший дубитель. В ряде районов, где произрастают мангры, производится сбор и вывоз коры. На небольших заводиках эта кора обрабатывается, вываривается, и из нее извлекают дубильные вещества.

Обилие насекомых делает мангровые рощи рассадниками малярии и желтой лихорадки.

Северная граница мангров проходит через Флориду и южную Японию. Самые замечательные массивы мангровых лесов покрывают берега Индо-Малайского архипелага (восточный берег Суматры и другие острова Индонезии).

После мангрового леса начались болота. Шоссе пересекало полуостров Сапата. Прямая, как натянутая нить, асфальтированная дорога врезалась в непроходимый, густой лес. Это было царство жары, зелени и влаги.

Дорожный знак предупредил — поворот! Промелькнул дорожный указатель — «Плайя Хирон».

Через три года, после того как революция на Кубе победила, на песчаный берег Плайя Хирон ночью высадились люди в зеленой, без знаков различия форме. Несколько танков, скрипя гусеницами, сползли с десантных барж на берег.

Это был десант контрреволюционеров, врагов республики, бежавших с острова.

Вражеский десант сбросили в воду. Его рассеяли по болотам, разгромили. Пробитые снарядами, обгоревшие, танки остались стоять у воды...

Мы проехали пляж, где разыгралось сражение с десантом контрреволюционеров.

Серая нить дороги сделала петлю. Из-за кустов вынырнули небольшая хижина, синий пласт озерной воды, причал с тремя лодками.

Оставив автомобиль, мы отправились дальше по воде и, пройдя канал, очутились на озерном плесе.

— Лагуна Тесоро! — сказал Родольфо. — Когда-то — морской залив. Здесь живут ламантины. Их называют «мамата».

Услыхав это слово, лодочник повернулся и, вытянув руку, указал на поросший тростником берег. Около него, то скрываясь в воде, то появляясь, плавали какие-то черные точки.

Берег лагуны, к которому мы шли, становился с каждой минутой четче. На нем уже различались кроны деревьев, остроконечные крыши хижин. Вынырнула из озера и заблестела зеленая полоска травы.

Мы подошли к ней. Озерный берег раскололся на части, извилистые протоки побежали в глубь него. На маленьких островках стояли бамбуковые хижины. Каждая — на сваях. Коричневые лужи блестели под домами. Острые, сложенные из пальмовых листьев крыши венчали постройки. Около хижин покачивались лодки.

Лодочник потянул ручку на себя, мотор сбавил обороты. Тарахтя, он потащил нас в глубь одной из проток.

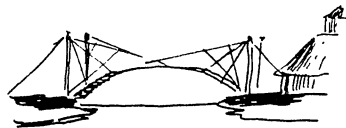
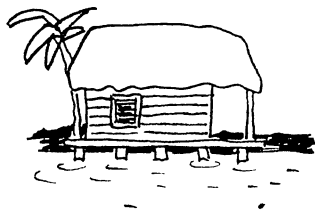
Сплетенные из древесных жердей, кружевные мостики поплыли навстречу. Низкая волна побежала по протоке. Лодки у домов запрыгали.

Мы подошли к помосту, на котором высилась большая, круглая, как барабан, постройка.

— Дом касика — старосты деревни! — объяснил Родольфо. — Касика давно нет. Дом остался.

Лодочник, не останавливая мотора, высадил нас, развернул лодку и ушел.

Вечерело. Оранжевые полосы тянулись по озеру. Скоро человек в лодке стал неразличим. Только сама лодка

синим шаром еще долго катилась по оранжевой воде.

Нас проводили на ночлег — каждого в свою хижину.

НОЧЬ

Я сполоснул водой из чашки лицо, погасил свет и улегся на низкую, похожую на диван, кровать.

Под домом тихо плескало. Через приоткрытые жалюзи светили крупные, как фонари, звезды. Вполголоса пели лягушки.

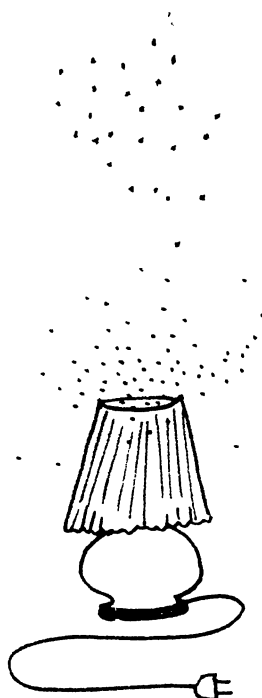
Что-то больно обожгло лицо. Хлоп! — я ударил себя по щеке. Острая иголка вонзилась в ногу. Хлоп!

Пришлось включить свет. Одинокий москит беззвучно кружил под потолком. Гоняясь за ним, я задел абажур настольной лампы. Из-под него вылетел целый рой.

Разогнав насекомых и закутавшись с головой в простыню, я снова лег.

Потревоженные москиты тотчас собрались надо мной. Одни летали молча, другие — с комариным писком, третьи — басовито гудя. Они проникали сквозь простыню сверху, лезли снизу, пробирались в каждую щель. Мои руки и ноги вспухли.

Не выдержав, я вскочил с кровати и вышел на крыльцо. Над свайной дереушкой торжествовала тропическая ночь. Огромное, похожее на паука созвездие пылало над крышами домов. Лягушачий хор окреп. Лягушки пели

по-птичьи. От звона их голосов дрожали верхушки пальм.

Вода в лагуне светилась.

Я вытащил матрац на веранду и постелил его на пол. Москитов здесь было меньше. Я объяснил это тем, что насекомые боятся лягушек. Я лежал, изредка взмахивая рукой.

Ночная ящерица прошуршала по стене и скрылась под крышей. Волоча за собой узкий длинный хвост, рядом с матрацем прошла водяная крыса.

Под полом что-то оглушительно плюхнулось. Какой-то хищник поймал добычу. Урча и чавкая, он начал ее грызть... Время тянулось бесконечно. Только когда часы показали семь, край неба начал светлеть. Вода заалела. Из-за зеленой стены тростников стремительно поднялось оранжевое, уменьшающееся на глазах солнце.

Это был конец моих мучений.

— А что же вы не натянули сетку? — спросил Родольфо, когда за завтраком я рассказал ему о перенесенной ночью пытке.

— Какую сетку?

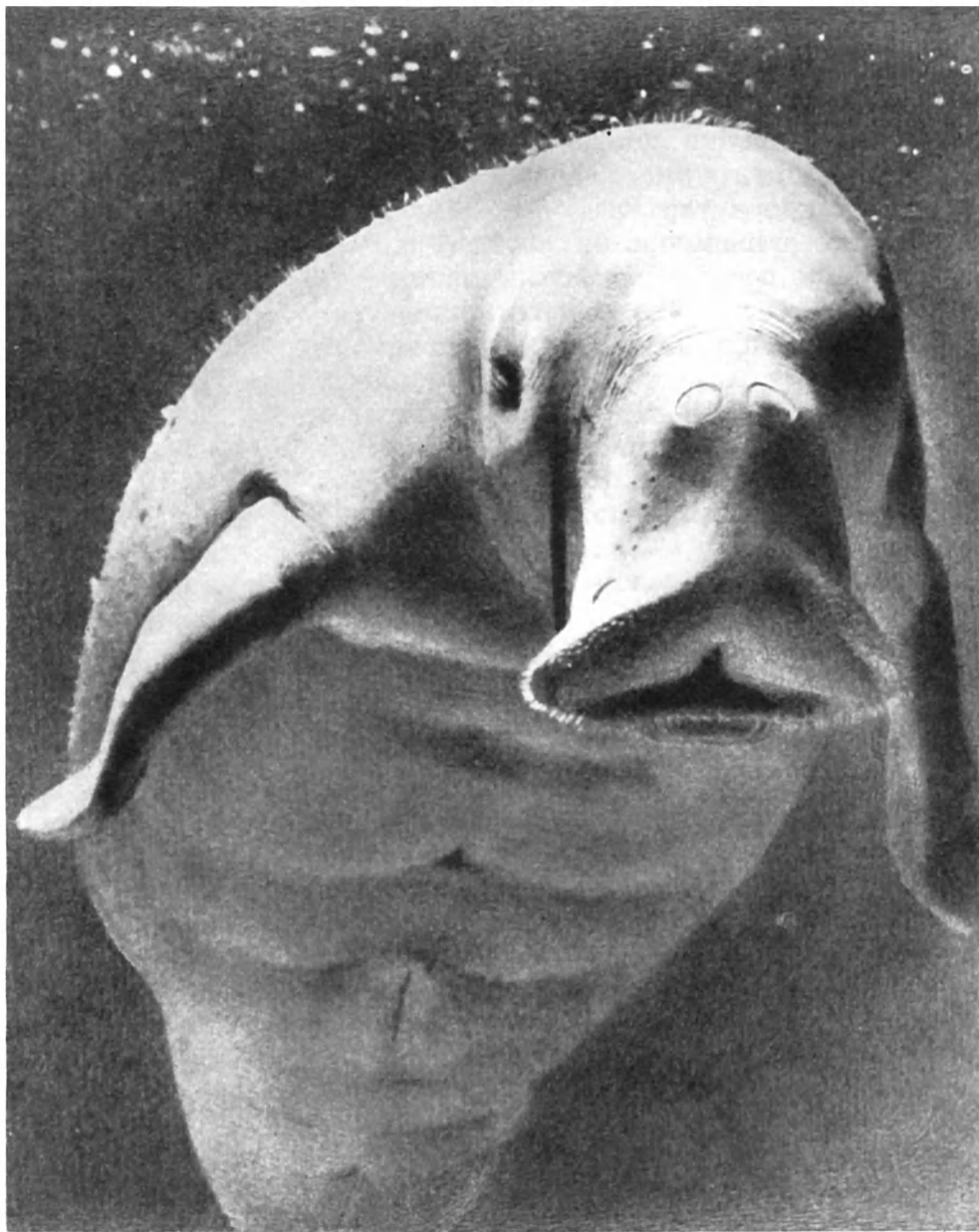
— Москитеро. В ящике около кровати лежит сетка. Идемте, я научу...

Сетка — широкий и плотный полог, пропускающий воздух и задерживающий всю летающую нечисть, оказалась превосходным изобретением. Она натягивалась над кроватью, а края ее плотно затыкались под матрац. Ничто жужжащее, летающее, жалящее не было в состоянии пробраться под нее.

Следующую ночь я уже спал спокойно.

Уж не улыбается ли этот губастый дюгонь?

Перед хижинкой на столбе в железном ящике висел телефон.

— Бенти бенти дос? — спрашивала телефонная трубка, когда я снимал ее и подносил к уху.

— Си, — отвечал я.

Это было все, что я знал по-испански. «Си» — «да», «бенти бенти дос» — «двадцать двадцать два», номер телефона.

На второй день нашего пребывания в свайной деревне из железного ящика донесся особенно длинный и тревожный звонок. Я подбежал к аппарату.

— Бенти бенти дос?

— Си.

— Зачем по-испански? По-русски надо, — сказала трубка голосом Родольфо. — Бегите сюда. Пришел рыбак, говорит, видел мамата.

— Где? Куда бежать? — заволновался я. Кругом была вода, бегать по ней я не умел.

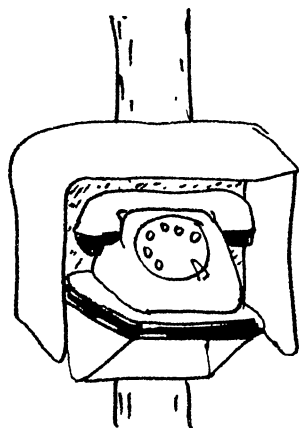
— Ах да, вы же на острове. Тогда ждите.

Через полчаса затарахтел мотор, и к хижине подплыла кургузая, с обрубленной кормой лодка, за которой тянулся лиловый хвост дыма.

— Вот он только что видел, — сказал Родольфо и кивнул на рыбака, сидевшего на корме.

— Мамата, — сказал рыбак и тоже закивал.

Я прыгнул в лодку, та, затарахтев, начала поворачивать. Но едва мы вы-

шли в лагуну, как меня начали одо-
левать сомнения.

Ламантины — очень чуткие и бояз-
ливые животные. Заслышав стук мо-
тора, они постараются или спрятаться
под воду или уплыть подальше. Как
же мы сможем увидеть их?

Лодка, кивая носом в такт мотор-
ному перестуку, неторопливо ползла
вперед.

Мы пересекли лагуну и приблизи-
лись к берегу, поросшему тростником.

Родольфо что-то спросил. Рыбак
ответил.

— Тут, — сказал Родольфо и при-
встал.

Лодка шла вперед, тарахтя мото-
ром, оставляя на воде радужные мас-
лянистые пятна.

— Мадре миа, — сказал я, — са-
мый глухой ламантин давно уже
удрал.

Родольфо почесал подбородок.

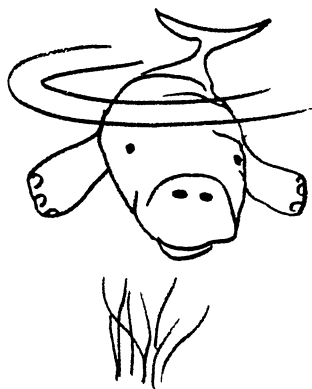
— Верно, — сказал он. — Заглу-
шить мотор?

Лодка остановилась.

— Подождем.

Мы простояли час. Слабое тече-
ние отнесло нас в узкий залив. Дно
его было покрыто густой травой.
Острые, похожие на лезвия ножей, ко-
ричневатые стебли поднимались к по-
верхности воды. Рыбак заволновался
и стал что-то быстро говорить, пока-
зывая пальцем за борт.

— Он говорит, — перевел Родоль-
фо, — что эта трава — любимая пища
ламантинов. Он говорит, что здесь
должны быть мамата.

Мы прождали еще час. Тонкая сиреневая струйка вытекала из мотора. Вокруг лодки расплывалось бензиновое пятно.

— Пошли назад, — махнув рукой, сказал я.

Родольфо понюхал пахнувший бензином воздух и кивнул.

Мы вернулись в нашу деревню на сваях.

— Я знаю, что надо делать, — сказал я. — Ведь тут есть лодки с веслами. Пойдемте на такой.

В ПРОТОКАХ

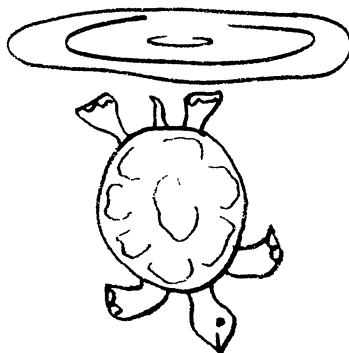
Мы плыли в лодке вдвоем по широкой болотной протоке.

Лодка двигалась бесшумно. Я медленно передвигал весла, Родольфо лежал на носу, свесив голову, и смотрел в воду.

Круглые, как тарелки, черепахи плавали в воде. Заметив нас, черепахи поднимали головы, начинали вертеть змеиными шеями, а затем, как по команде, скрывались.

Там, где они погружались, расходились кольца.

Мы шли в глубину болот. Море тростника разливалось перед глазами. Тростники — до самого горизонта. Лишь кое-где над светло-зеленой их стеной поднимались темные купы кустарников да торчали одинокие пальмы. Они непонятным образом сумели укорениться и выстоять в этом зыбком мире воды.

Раздался жалобный крик. Белая цапля, тяжело махая крыльями, поднялась и полетела прочь.

Изогнутые протоки сплетались в лабиринт. Я греб, то и дело оглядываясь и запоминая каждый поворот.

Ламантинов не было.

Дважды мы заметили крокодилов. Молчаливые и неподвижные, они лежали в воде, похожие на бревна. Стоило направить лодку в их сторону, как животные бесшумно и осторожно тонули. Не делая никаких движений, они уходили вниз, не оставив после себя на воде ни морщинки.

— Где же ваши мамата? — спросил я.

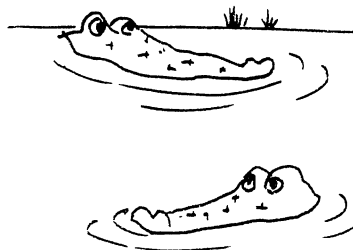
Родольфо пожал плечами.

Мы направили нос лодки прямо на зеленую стену. У бортов зашуршали жесткие звонкие листья. Лодка раздвинула тростники. Впереди заблестел узкий проход. Я встал и начал грести, опуская весло попеременно то слева, то справа. Мы двигались, бесшумно скользя по узкому коридору.

Под нами на небольшой глубине проплывал ковер кудрявых черно-зеленых водорослей. Кое-где лежали большие валуны.

Совсем рядом закричали и смолкли птенцы какой-то болотной птицы. Родольфо тоже встал и начал высматривать их.

В небе, то увеличивая, то уменьшая высоту, кружил красноголовый орел. Птенцы умолкли. Только стук срывающихся с весла капель нарушал тишину.

Вдруг Родольфо широко открыл глаза и, вытянув руку, показал на воду. Среди курчавых водорослей около большого коричневого валуна стояла манхуари!

Это был великолепный экземпляр — голубая, одетая в кольчугу из костяной брони щука, больше метра длиной. Когда тень от лодки упала на нее, рыба шевельнула хвостом и не торопясь пошла прочь. Она и сама двигалась как тень — доисторическая рыба, чудом сохранившаяся до наших дней здесь, в этом укрытом от человеческих глаз уголке земли, тщательно оберегаемом крокодилами и непролазными чащами тростника.

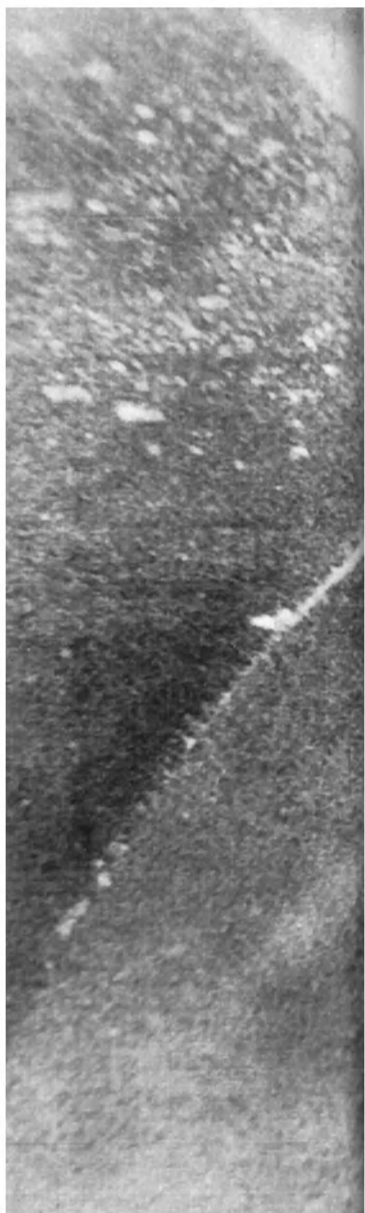
Не успела она скрыться, как я заметил вторую, затем третью... Мы насчитали около двух десятков манхуари — жителей этого, самой природой устроенного заповедника.

Мы не пытались поймать ни одной, хотя, может быть, удара веслом по воде могло оказаться и достаточно: щуки стояли на небольшой глубине, но ни у меня, ни у моего спутника не поднялась рука причинить вред этим странным красивым животным.

— Они немного похожи на крокодилов, правда? — спросил Родольфо.

Я кивнул. Панцирная рыба плыла у самой поверхности, прямые лучи солнца освещали ее. Костяная, голубоватая броня с желтыми желобками светилась. Щука плыла, вытянув узкую морду и едва изгибая хвост...

Мы так и не увидели ни одного ламантина. Хитрые мамата, скорее

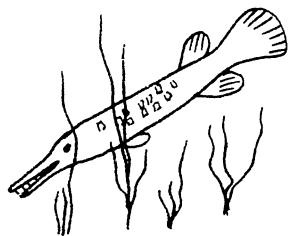

Ламантин всплыл, выставил из воды ноздри, шумно вздохнул.

всего, не рисковали забираться так далеко в узкие протоки, где им трудно избежать преследования. А может быть, в лагуне и в болоте разная трава?

Мы вернулись в деревню вечером. Закатное солнце обливало медью остроконечные крыши хижин, зеленые тени плавали в неподвижной воде.

Ну и что ж, что нам не удалось встретить в лагуне ламантинов? Мы наткнулись на манхуари — удивительных рыб, живших на планете раньше мамонтов.

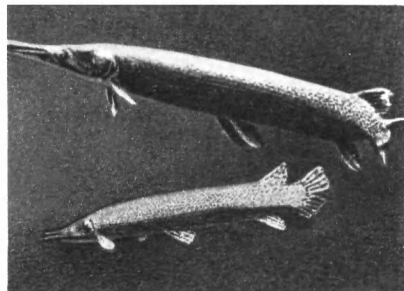
Панцирные щуки занимают среди рыб совершенно особое положение. Они выделены в отдельный отряд. Достигают в длину полутора метров. Их тело покрыто крепким панцирем из плотно примыкающих друг к другу чешуй. Пасть напоминает формой, а также зубами крокодилюю.

Панцирная щука — хищник. Незаметно подкрадывается к добыче и хватает ее зубами. Весной щуки собираются на мелкие места для нереста.

Ранее в болотах и реках южной части Северной Амери-

ки панцирных щук было такое обилие, что они наносили вред рыболовству и, по свидетельству натуралистов, так переполняли сети, что порой те было невозможно вытащить.

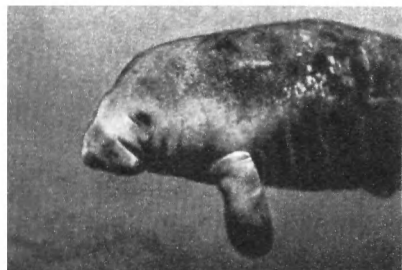
В ряде стран Центральной Америки и на островах Карибского моря, где эти щуки еще встречаются, они находятся под охраной.

Манхуари.

Судьбу исчезающих животных (или, по крайней мере, таких, кому грозит исчезновение) с панцирными щуками делят в бассейне Карибского моря ламантины. Ламантины — млекопитающие, подобно китам и тюленям живущие в море. Однако на этом их сходство с китами и тюленями заканчивается. «Двоюродные братья» ламантинов — сухопутные слоны: у тех и у других общие предки.

Ламантин.

Ламантины и их ближайшие родственники дюгоны (главным образом обитающие в бассейне Индийского и Тихого океанов) — жители прибрежных вод. Они проводят время на мелководье, в лагунах и устьях рек, никогда не вылезая на сушу. У ламантинов отсутствуют задние конечности. Плавают они с помощью сильного хвоста, очень похожего на хвост рыб.

Ламантины — травоядные. Их плоские зубы приспособлены только для перетирания растительной пищи. Часами бродят ламантины среди зарослей морской травы, срывая и пережевывая ее.

Это очень чуткие, пугливые животные. Не имея средств защиты и нападения, они избрали местом своего пребывания глубину, недоступную крупным морским хищникам, в то же время вода предохраняет их от нападения зверей с суши.

Именно дюгоны, обитавшие в районе Красного моря и в Индийском океане, вероятно, стали причиной возникновения мифов о морских девах — сиренах. Легенды о девах, живущих в воде, могли возникнуть у моряков древности, когда те наблюдали, как самки дюгоной кормят в воде детенышей, прижимая их к груди.

У ламантинов и дюгоной еще недавно был родственник — морская корова Стеллера. Это очень крупное животное, размером и весом со слона, которое, по утверждению моряков, «от пупка до хвоста напоминало рыбу, а от пупка до головы — тюленя».

Водилась морская корова только у острова Беринга в северной части Тихого океана. Но была очень быстро истреблена

зверопромышленниками и китобоями, которые заходили на остров пополнить запасы воды и свежего мяса.

Морда дюгоня.

Натуралист Стеллер, которому принадлежит честь открытия морской коровы, так описывал первую охоту на нее.

«Мы стали подумывать о способе, как бы нам добыть это животное, и, таким образом, извлечь из него пищу... В конце концов в исходе июня починили наш катер, столь сильно поврежденный о скалы осенью, туда уселись гарпунщик, рулевой и четверо гребцов, и дали первому острогу с очень длинной веревкой,

устроенной на манер китобойной; другой конец ее держали на берегу сорок человек. Затем стали грести, соблюдая полную тишину, по направлению к животным, которые стадом, с полной уверенностью в своей безопасности, паслись на берегах своего луга на дне моря. Как скоро затем гарпунщик зацепил одно из этих животных, люди, находившиеся на суше, стали тянуть помаленьку к берегу, тогда как находившиеся на катере подъехали к нему и своими движениями стали еще сильнее утомлять его... когда же оно, по-видимому, обессилело, его стали колоть во все места большими ножами и штыками, так что оно потеряло почти всю кровь, бившую из его ран как фонтан; таким образом, его вытащили при полной воде на берег и там привязали. Как скоро вода опять убыла и животное очутилось на сухом берегу... Вскоре мы увидели у себя такое изобилие пищи, что постройка нового судна, которое должно было послужить средством нашего спасения, могла идти вперед беспрепятственно».

Стеллерова корова была открыта для науки в 1741 году экспедицией Беринга, а уже в 1770 году морские коровы полностью исчезли.

Советский ученый А. Г. Томилин высказал мысль, что,

учитывая безобидный нрав и неприхотливость стеллеровой коровы, она могла бы стать первым морским домашним животным, первым обитателем моря, прирученным человеком и включенным в его хозяйство.

На полуострове Флорида несколько энтузиастов начали попытку одомашнивания ламантинов. Ими создана ферма, где в отгороженной от моря сетями части реки помещены отловленные животные.

Подводные пловцы, встречаясь с дюгонями или ламантинами, никогда не имели неприятностей. Есть фильмы, снятые под водой: медлительное животное плавает рядом с человеком, не воспринимая его как врага и позволяя играть с собой.

Некотрые ученые считают, что есть вероятность вторично открыть морскую стеллерову корову. В июле 1962 года с китобойца «Буран» наблюдали в районе мыса Наварин (Берингово море) в непосредственной близости от берега и на расстоянии 80—100 метров от судна группу животных необычного вида, чем-то напоминавших изображения морских коров на старинных гравюрах.

Дюгонь.

ТУТ БУДЕМ ЖИТЬ!

Наш автомобиль подпрыгнул, провалился в какую-то яму, ловко выбрался из нее и, шурша, покатил по песку. Дорога кончилась — мы ехали по берегу моря.

Прямо перед нами вспыхивали один за другим огни деревни.

Был поздний вечер. Мы подкатили к хижине с черепичной, освещенной фонарем крышей. Из хижины вышли несколько человек.

Узнав Родольфо, они повели нас в правление кооператива. Пришел председатель. Быстро решил, где нам жить.

Отведенная на этот раз мне под жилье хижина стояла на самом краю деревни. За стеной высились огромные пальмы — начинался лес.

Мы вошли в дом, Родольфо зажег свет.

— Электричество только вечером, — предупредил он, — час-два.

В комнате стояли низкая кровать и стол, сколоченный из грубо обработанных досок.

Когда Родольфо и провожатые ушли, я бросился на кровать, вытянулся и услышал ровный гул. Где-то вдалеке огромные, неторопливые волны накатывались на риф. Они опрокидывались, порождая мерный, как дыхание, звук. Звук достигал берега и замирал.

«Тут, совсем рядом, настоящий живой коралловый риф! — подумал я. — Наконец-то!»

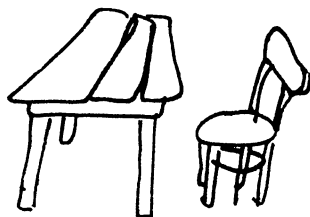
И уснул.

СКОРЕЙ!

Когда я проснулся, деревня еще спала. Восход красил небо в желтый цвет. Тяжелые листья пальм, простертые над домами, не шевелились.

Через открытую дверь виднелось застывшее, стеклянное море.

«Скорее!» — подумал я, расшнуровал свою сумку, вытащил из нее во-

долазное снаряжение и, не одеваясь, как был — в трусах и майке, побежал на берег.

Теплая, не успевшая остыть за ночь вода приняла меня.

Я плыл. Сейчас будет риф!

Светлый песок... Ровное, медленно понижающееся дно. Бугристые, похожие на следы тракторных гусениц ходы моллюсков.

Затем появились пучки черепаховой травы. Голубые островки ее превратились в сплошной ковер. Я плыл над этим нескончаемым полем водорослей до тех пор, пока не почувствовал, что устал.

Рифа все не было.

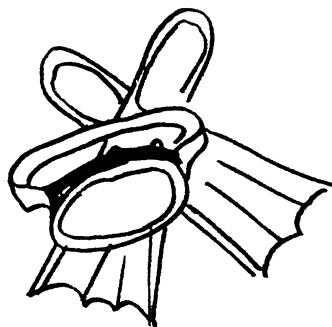
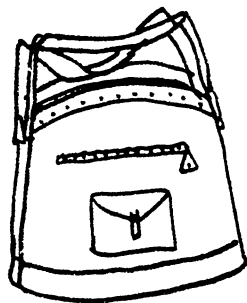
Я оглянулся. Далеко позади желтела полоска песка. Над ней поднимались острые крыши. Впереди — ровная морская синь, без волн, которые бы могли пеной и бурунами выдать положение рифа. Сколько еще плыть? Сто метров? Тысячу? Три?

Забираться одному так далеко в море, конечно, безрассудно. Но будь что будет! Я вздохнул и, работая ластами, продолжил путь.

Я плыл, вероятно, не больше получаса, но это время показалось вечностью. Наконец в зеленом ковре под мной появились разрывы. Блеснул белый песок.

Что такое?

Из песка торчали серые рога — мертвая коралловая ветвь! Чуть дальше — пологая возвышенность, причудливые очертания пестрых камней. Риф!

ПОХОЖИЕ НА ИГРУШКИ

Я медленно плыл вперед.

Со дна поднимались оранжевые, желтые, зеленые ветви, глыбы, шары. Каменный хаос, лес. Среди него стайками и поодиночке — разноцветные рыбы.

Сначала мне показалось — вода носит среди причудливых каменных фигур елочные игрушки. Ветер сорвал их на берегу, унес в море, игрушки утонули, и теперь течение движет их.

Одну за другой я узнавал рыб.

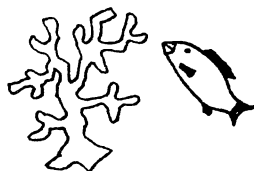
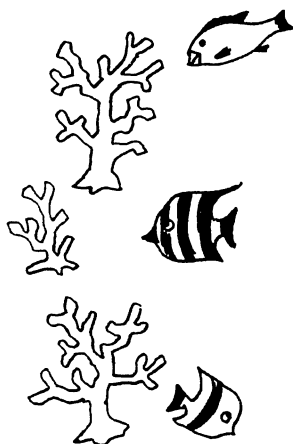
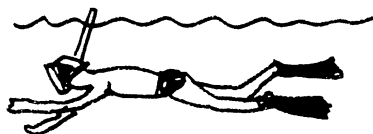
Вот проплыли высокие, похожие на каски пожарников щетинозубы — желтые бока разрисованы черными полосами. Серые с голубыми точками сераниды, серебристо-желтые кахи, черная-пречерная негрито с двумя узкими неоновыми полосками — рыбы переходили с места на место, высккивая что-то среди кораллов.

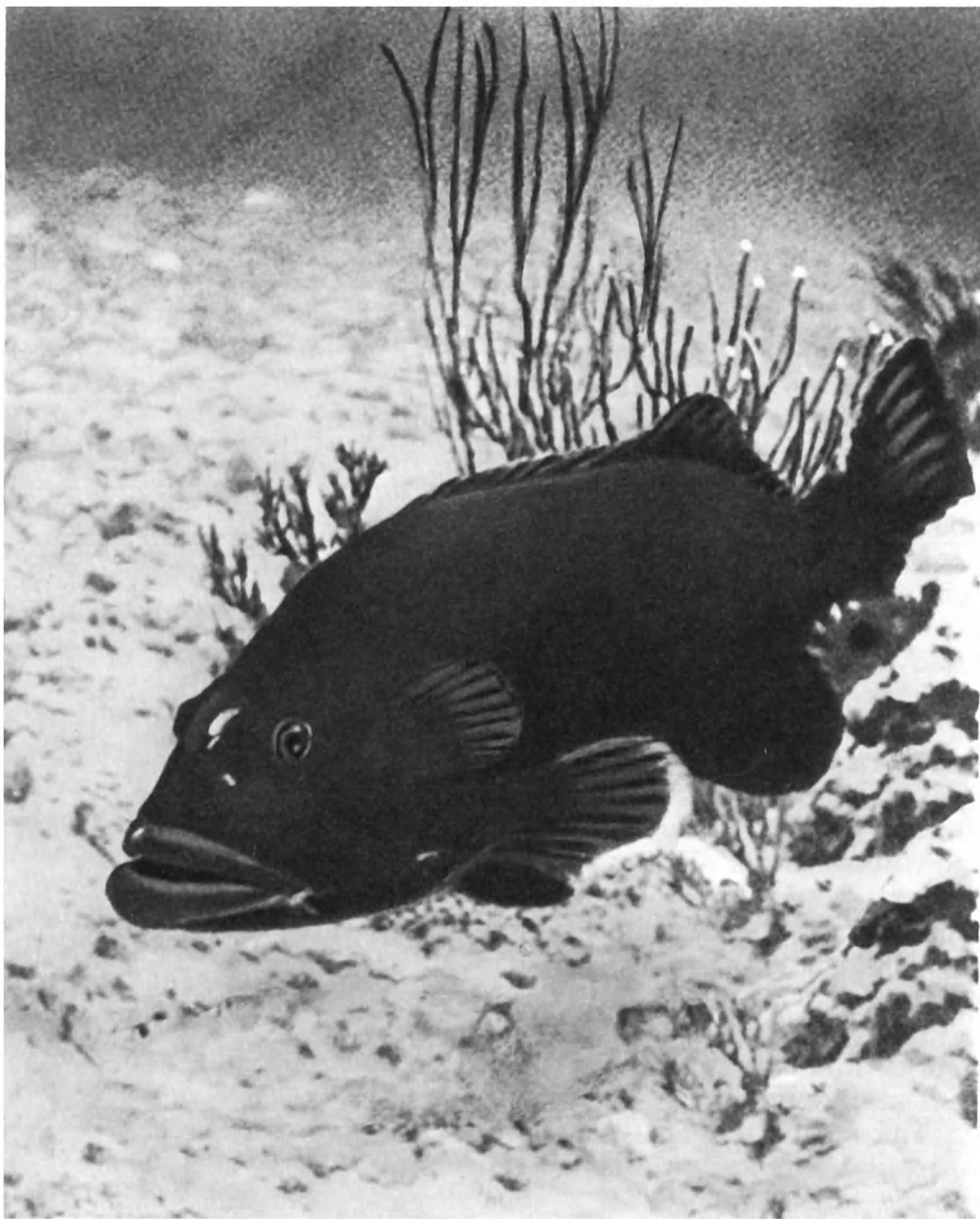
Стайкой проплыли голубые хирурги — на хвосте у каждого желтели костяные острия ножей.

Красная рыба-белка появилась из-под развесистого камня, вытаращила на меня большие выпуклые глаза, вильнула раздвоенным хвостом и снова скрылась.

Два бледно-зеленых попугая деловито общипывали коралловую ветвь. Они висели головами вниз и — крак! крак! — обламывали кусочки коралла массивными, изогнутыми клювами.

Около них, в надежде пожить-ся, вертелась мелочь: желто-синие

Этот желтоперый группер, как хамелеон, может менять окраску, порой подражая желтому цвету дна, порой темнея, как камень.

кардиналы, фиолетово-оранжевые лоретто, черно-голубые хромисы... Все они суетились, толкали друг друга, бросались на каждый кусочек, упавший изо рта попугая.

Низко, у самого дна, проследовал светло-коричневый, с черными точками кузовок, смешная рыбка — маленький сундучок, из которого торчат хвост, плавники да пара внимательных незлобивых глаз.

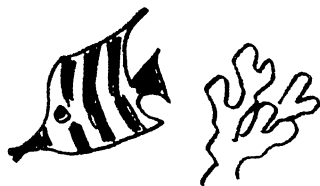
Вдали над покатыми верхушками оранжевых кораллов-мозговиков появились длинные голубые тени: какие-то хищники не торопясь шли на добычу. словно ветер подхватил разноцветных рыбок, закружил, завертел, унес. Риф опустел, рыбы исчезли.

Голубые тени пропали, и — как в кино один кадр незаметно для глаза сменяет другой — все пространство между каменными деревьями снова наполнилось веселой суетой. Красные, оранжевые, голубые рыбешки возникли из ничего и тотчас продолжили свое движение. Попугаи принялись ломать коралл, рыба мелочь около них — ловить крошки, голубые хирурги, поблескивая ножами, — сбиваться в стаю.

Из-под коралловой ветки снова выплыла красная рыба-белка и уставилась на меня.

Так вот он какой — настоящий живой риф! Вот какая она — заповедная страна кораллов!

С этого дня я стал постоянным ее посетителем, летописцем всех ее происшествий.

Щетинозубы

Со стороны берега риф был пологий, обломки его, мельчая, переходили в песок. Здесь было светло и тихо. Вместо разноцветной карусели рыб и буйства коралловых красок — спокойный, серовато-белый цвет. Ровная, как доска, поверхность дна, лишь кое-где тронутая холмиками, — их оставили, пробираясь в песке, моллюски.

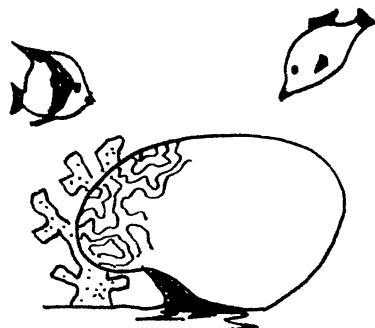
Я решил раскопать один холмик и поплыл к нему, когда внимание мое привлекло странное пятно.

Кто-то обронил на дно сковородку! Вот припорошенная песком ее ручка, вот и она сама — хорошо угадываются круглые края...

Коричневая тень возникла слева от меня, что-то тонкое и стремительное пронеслось сверху вниз и ударило в сковородку. И тогда случилось неожиданное. Песок разлетелся, как от взрыва, в дымном сером облаке показались очертания круглого плоского тела: большой скат, неистово размахивая плетью-хвостом, взлетел вверх, кинулся в сторону и повис, натянув белый шнур. В рыбу попал гарпун.

Я повернулся в ту сторону, откуда был сделан выстрел. Опустив голову и торопливо подбирая шнур, в воде висел мальчишка, смуглый, почти черный, одетый в рваную рубаху и трусы. На его ногах болтались разной величины и разного цвета ласты.

В два гребка я приблизился к нему и, не говоря ни слова, тоже ухватился за шнур.

Вдвоем мы едва удерживали рыбину.

Про острый шип на хвосте, которым скат может нанести глубокую рану, мальчишка, очевидно, знал: всякий раз, когда скат, описывая вокруг нас круги, приближался, он начинал торопливо отпускать шнур и что-то невнятно вздох выкрикивал, предупреждая меня.

Гарпун пробил жабры, и скат быстро терял силы. Когда он совсем перестал биться и повис на шнуре, мальчишка проворно поволок его к берегу.

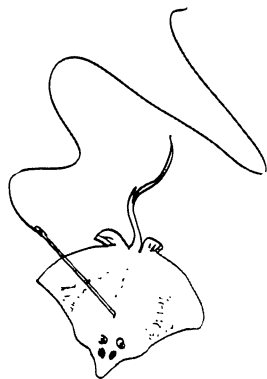
Я поплыл следом. Мы вдвоем вытащили ската на берег и сели рядом. Мальчишка снял ласты.

У него была большая голова с маленьким прямым носом и плотно свитыми курчавыми волосами. К правой ноге привязан большой нож с самодельной рукоятью.

— Как... тебя... зовут? — спросил я, собирая по крупицам свои знания испанского языка.

— Пако, — ответил он и нараспев добавил: — Франциско.

Это было все, что мы сказали друг другу. Но в этот час я приобрел друга, который целый месяц исправно делил со мной все радости и невзгоды.

ДИАДЕМЫ

Первая беда не заставила себя долго ждать.

Мне вздумалось полезть в воду не там, где мы с Пако делали это обыч-

но — на песчаном берегу против деревни, — а левее, за стоянкой лодок, где из моря выходила узкой полосой скала себурукко.

Здесь было много ежей — диадем.

Ежи были похожи на звезды. И еще — на подушечки, утыканные иголками. Они сидели в выбоинах и ямках. Черные, тонкие их лучи торчали над серым камнем, как пучки волос.

Был вечер. И был накат. Тяжелые низкие волны приходили со стороны океана, грузно взбирались на отлогий берег, отступали, оставляя между волчьими клыками блестящие разорванные лужи.

Я полез.

Мутная, темная вода захлестнула колени. Шаг. Кончик ласты зацепился, вода подтолкнула. Потеряв равновесие, я упал, оперся рукой о камень.

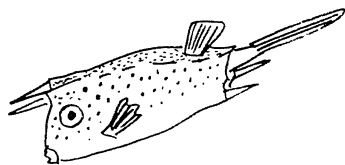
Острая, дикая боль!

Отдернул пальцы, падая, опустил под воду вторую руку. Еще укол! Будто сотни электрических искр вошли в ладонь.

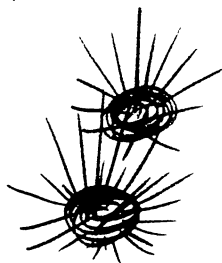
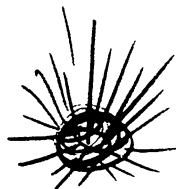
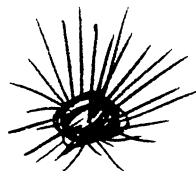
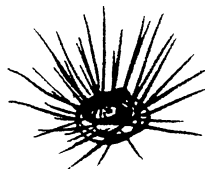
Сжав зубы, заывая от боли, я выскочил из воды и, ковыляя, побежал к дому.

В пальцах черными смоляными точками рябили обломки ежиных игл. Вокруг каждой медленно расплывалось белое кольцо. Пальцы немели. Тупая боль поднималась вверх по руке.

Я вспомнил все страхи, про которые читал в книгах, — о ранах, причиняемых неосторожным пловцам уко-

кузовок

лами ежей,— добежал до хижины и стал судорожно рыться в чемодане, отыскивая иголку, чтобы как можно скорее выковырять обломки. Руки тряслись — я никак не мог отыскать ее.

Тогда я натянул брюки и побежал к Пако.

Он сидел на деревянном стуле около дощатой хижины, крытой пальмовыми листьями, и, водя пальцем по странице, читал книгу. Я знаками объяснил ему, что ищу, и показал израненные руки.

Пако покачал головой. Он поднял свою ладонь, растопырил пальцы и начал легонько постукивать ими о спинку стула.

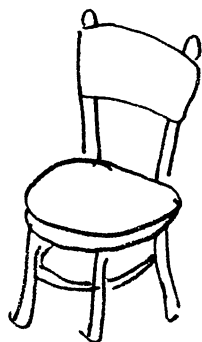
Что он хочет этим сказать?

«Надо только стучать пальцами, и обломки выйдут сами!» — втолковывал он мне. Жесты его были очень красноречивы. Взяв мою руку себе в ладони, он показал, как раздуются и опухнут пальцы, если я вздумаю ковырять их иглой.

Я смирился и принялся ходить взад-вперед, держа на весу руки и подставляя горящие ладони ветру.

Мало-помалу боль стала утихать. Через два часа она прошла совсем.

Теперь у меня было занятие. Целыми днями я постукивал пальцами. Я выгонял обломки игл. Поскольку скал и ежей было много, всегда находились и еж, и камень, и волна, из-за которых я натывался на проклятые иглы. Стучать пальцами вошло у меня в привычку.

Сидя за столом, я постукивал о доску. Стоя у какого-нибудь дерева — по ветке. Сидя в лодке — о ее борт.

Разговаривая с собеседником, я стучал пальцем о палец.

Не знаю, рассасывались ли иголки сами по себе или они действительно выходили от постукивания, мало-помалу черные пятнышки исчезли.

МОИ СОСЕДИ

В хижине я обитал не один.

В первый же день, стоило мне прилечь — солнце еще светило над головой, — послышался шорох.

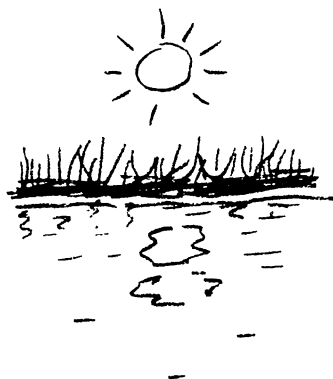
Держась лапками за бамбучину, заменявшую стропило, на потолке висела вниз спиной изумрудная ящерица. У нее была удлиненная, острая головка и сильный хвост, который был вытянут и крепко прижат к дереву.

Ящерица, повернув голову набок, с любопытством рассматривала меня.

Моя неподвижность внушила ей доверие. Осторожно перебирая лапками, зеленая красавица спустилась с потолка на стену, влезла на оконную раму и по ней приблизилась к кровати. По пути она успела схватить какое-то насекомое, неосторожно перебегавшее ей дорогу.

Добравшись до изголовья койки, гостья остановилась и, поводя бусинками черных, светящихся глаз, начала исследовать мою наружность.

Я лежал совершенно неподвижно. Волоча узкий, кнутиком хвост, ящери-

ца прошла по спинке кровати, перелезла на стенку, остановилась и стала внимательно рассматривать что-то в углу.

Я скосил глаза и увидел там еще одного обитателя хижины. Прижавшись плотно, всем телом к доске, в углу сидела капустного цвета, с темными полосками у глаз лягушка квакша. Она сидела совершенно неподвижно и спокойно смотрела на все, что происходит вокруг.

Оба животных вели себя с большим достоинством. Лягушка делала вид, что не замечает ящерицу, а последняя, задрав мордочку, разглядывала потолок, противоположную стену, кровать — словом, что угодно, только не квакшу.

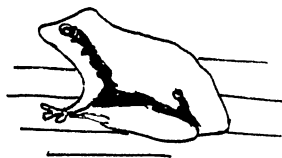
При этом обе нет-нет да косили глазом друг на друга.

Но я знал, что рано или поздно их интересы должны столкнуться!

По комнате летала муха. Басовито жужжа, она повертелась под потолком, села на стол, попробовала хоботком цветное пятнышко, перевернула лапой хлебную крошку, снова взлетела и, сев на стену, отправилась путешествовать.

Ящерица первой заметила муху и тотчас повернула в ее сторону острую мордочку. Муха бежала зигзагами, опускаясь все ниже, и наконец очутилась между обоими животными.

Ползущее пятно привлекло внимание лягушки. Она перебрала лапками, повернулась всем телом к мухе — и прыгнула. На ее беду, муху одновре-

менно решила схватить и ящерица. Она тоже рванулась вперед. Бац! Лягушка и ящерица столкнулись, полетели на пол, испуганная муха с гудением взмыла вверх. Я расхохотался и вскочил с кровати.

Зеленая молния сверкнула по стене. В кровле из пальмовых листьев прошуршало и смолкло. Ящерица удрала.

По полу ковыляла лягушка. Она добрела до стены, уцепилась пальчиками с присосочками за доску, подтянулась и, переваливаясь, поползла вверх.

Добравшись до своего угла, она замерла, то равнодушно поглядывая на меня, то внимательно смотря вверх, под потолок, где все еще гудела испуганная муха.

сюда
убежала
ящерица

ПАССАТ

Над островом дул ветер — пассат. Он дул все время с востока на запад.

Ночью ветер ослабевал. По звездному, похожему на чертеж, небу медленно проплывали белесые, с зелеными краешками облака. Шум моря становился все тише и тише. К утру море успокаивалось, умолкало.

До полудня было наше время, мое и Пако: мы плавали на рифе. Это было время рыбаков — их лодки молчаливо покидали берег и разбредались по стальной, стального цвета воде.

Когда солнце поднималось в зенит и горячие струи воздуха над островом

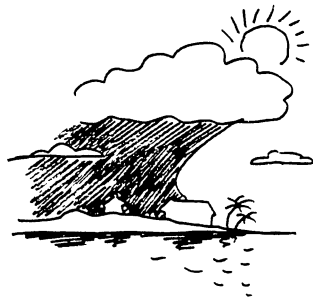
сливались в один могучий, восходящий поток, ветер усиливался. На воде появлялись мелкие, едва заметные глазом чешуйки. Они лепились в полоски, ветер дул все сильнее, и полоски превращались в волны, волны — в медленно передвигающиеся по водной поверхности валы. На рифе вспыхивали буруны. Белые точки сливались в пятна, и скоро все море становилось рябым от всплесков и пены.

На рифе возникал угрожающий, низкий гул. Он достигал берега и становился фоном, на котором только и могли звучать разговоры людей, голоса птиц, пение насекомых.

Там, где горячий воздух подхватывал и уносил вверх насыщенные влагой испарения болот, над островом рождались облака. Они росли, как мыльная пена, как огромные кучи ваты, сбивались в башни. Основания башен темнели. Пассатный ветер смещал облака на запад. Тонкие серые нити опускались с подножия облаков на землю. Начинался дождь. Он шел каждый день в одно и то же время между полуднем и закатом.

Дождь проливался над морем, солнце опускалось все ниже, гул прибоя на рифе ослабевал.

Когда оранжевое солнце стремительно падало за горизонт, небо наливалось чернильной синевой и пассат успокаивался. Огромное воздушное течение ослабевало. Среди ослепительных, похожих на фонари звезд снова двигались неторопливые, с зеленоватыми кромками облака.

НОЧНОЕ НЕБО

Звезды пылали над деревней. Они качались в черном небе и роняли на землю длинные, колючие лучи. Созвездия тлели над крышами домов.

Низко, у самого горизонта, теплилась Полярная звезда. Она была чуть видна. Тусклый черпак Большой Медведицы, как часовая стрелка, описывал около нее широкие круги.

Я выходил на дорогу и, задрав голову, следил за движением звезд. Красноватый Арктур пересекал зенит. Похожее на старинный герб созвездие скользило над морем — семь огней Ориона отражались в черной воде.

Купол неба поворачивался — и звезды, как зерна, сыпались за горизонт.

Душная тропическая ночь пылала над островом.

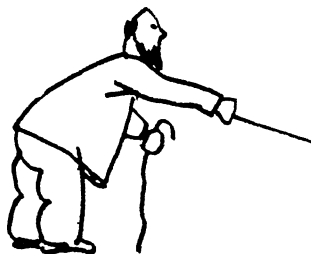

СТАРИК С СОБАКОЙ

Каждое утро мимо моей хижины проходил старик с собакой. Он вел ее на поводке, всегда в одно и то же время. Это был час, когда женщины отправляют коров на пастбище.

Он появлялся из-за соседнего дома и, неторопливо переставляя большие ноги, брел мимо моего окна. Собака рвалась вперед: она часто перебирала короткими сильными лапами и тащила за собой хозяина.

«Что за порода? — удивлялся я. — Шерсть черная, блестящая, как у спа-

ниеля, но короткая. Хвост, как у сибирской лайки, бубликом, но тощ. Уши торчком... Дворняга, что ли? Но тогда откуда у нее такой расплющенный нос?» Я смотрел старику во след и терялся в догадках.

Собака, повизгивая, волокла хозяина за угол. Они поворачивали, скрывались за живой изгородью из зеленых кустов исбикуса, а я отправлялся на берег, где меня уже поджидал Пако.

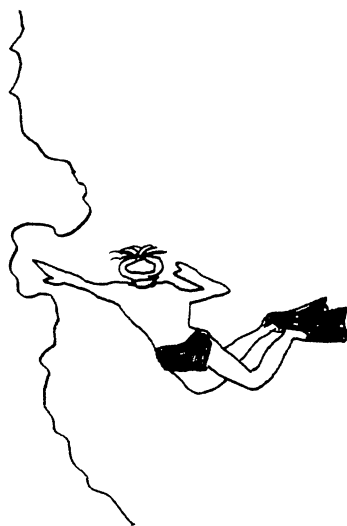
ТОЛСТЯК

В этот день мы плавали около внешней стороны рифа, там, где крутой склон, опускаясь, терялся в фиолетовой дымке. Склон густо порос оранжевыми кораллами. Обилие чистой воды, приносимой течением, и яркий солнечный свет делали его местом обитания множества рыб.

Здесь шныряли стаями плоские, с золотыми пятнышками рыбы-ангелы, копались в коралловых ветвях рыбы-попугаи, квадратные баллисты, каждая с рогом на спине, неторопливо бродили в поисках пищи, то приближаясь к склону, то отдаляясь от него.

Плавая около огромного каменного уступа, я заметил небольшое черное пятно — вход в пещеру. Несколько пестрых рыбок, с трудом удерживаясь против течения, вертелись тут же.

Одна из рыбок доверчиво приближалась к входу и вдруг, словно подхваченная вихрем, исчезла.

Что такое?

Я перестал работать лапами и, озадаченный, стал наблюдать.

Течение подносило меня все ближе, смутные тени внутри пещеры мало-помалу принимали очертания огромной головы, и вдруг я обнаружил, что нахожусь всего в пяти-шести метрах от исполинской рыбы, избравшей пещеру местом засады.

Серый, с черными пятнами лоб, толстые губы. В пещере ворочался большой группер, или, как его еще иногда называют, каменный окунь.

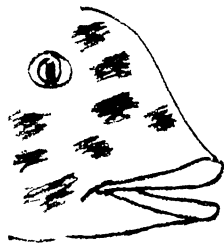
Группер подался вперед, и теперь его огромная губастая голова наполовину высунулась из-за камней.

Рыбы по-прежнему вертелись около каменной стены. И тут группер зевнул. Он распахнул похожую на сундук пасть — струя воды, увлекая ближайшую рыбешку, хлынула внутрь. Группер сомкнул губы, и всё приняло прежний вид. Это произошло настолько стремительно, что рыбы даже не успели разбежаться, а я, проплывая мимо, потряс головой, чтобы убедиться: не мерещится ли мне все случившееся?

Толстяк задумчиво пожевал губами, шевельнул жаберными крышками и, не делая видимых усилий, подался назад. Огромная пятнистая голова скрылась в пещере.

Невдалеке послышался стук. Это, привлекая мое внимание, стучал ладонью о воду Пако.

У него что-то не ладилось. Шнур с гарпуном, как всегда, запутался среди

группер

кораллов. Я подплыл к мальчику и взял у него ружье.

Пако набрал полную грудь воздуха. Нырнув и осторожно подергивая шнур, он стал освобождать его. В сетке, привязанной к обломку камня, белела добыча — длинный, похожий на большую селедку тарпон с подуздovатой нижней челюстью и крупной серебристой чешуей.

МУРЕНА

Как-то, распутывая шнур, Пако сунул руку в щель между двумя камнями и, неожиданно отдернув ее, ракетой взлетел вверх.

— В чем дело? — крикнул я.

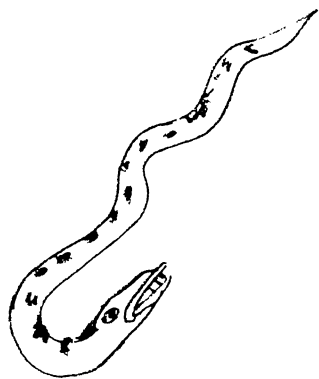
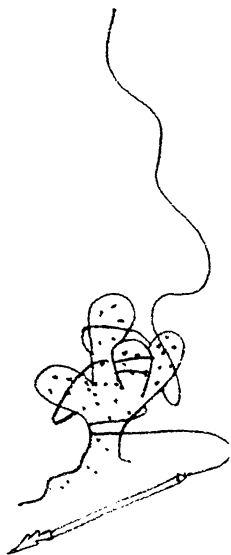
На лице у мальчика были написаны отвращение и страх.

— Рыба-змея, — сказал он по-испански. — Там, внизу, в щели... — Пако сплюнул.

Хищница не заставила себя ждать. Под белой, образованной шнуром петлей что-то шевельнулось, задвигалось, потекли черные и зеленые пятна, — над краем расселины показалась узкая голова мурены. Приоткрыв полный тонких, изогнутых зубов рот, рыба внимательно осмотрела камни. Холодные, крошечные глазки без всякого выражения скользили по дну. В них действительно было что-то змеиное.

Но гарпун-то надо спасти!

Не сговариваясь, мы с Пако нырнули. При нашем приближении рыба

мурена

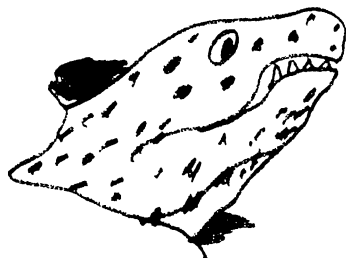
За кусок мяса мурена охотно согласилась позировать перед объективом фотоаппарата.

неторопливо убралась в щель. Поддержав шнур и отцепив его, мы всплыли.

Прежде чем плыть к берегу, следом за мальчиком, я еще раз посмотрел на убежище мурены.

Черно-зеленая, в мелких пятнышках голова снова торчала над камнем. Хищник высматривал добычу. Мелкие попугаи, до этого беззаботно вертевшиеся на рифе, сбились в кучу и настороженно ждали: что будет?

Рыба-змея наблюдала. Ее светло-зеленое горло вздувалось и опадало. Тяжело дыша, мурена продолжала сидеть в засаде.

Мурены — хищные угри тропических и субтропических вод — пользуются славой сильных и злобных тварей.

Голова мурены.

Раненные и пойманные человеком, они наносят неосторожному ловцу жестокие, рваные раны. Вцепившись в руку или в ногу бульдожьей хваткой, они не разжимают челюстей до смерти.

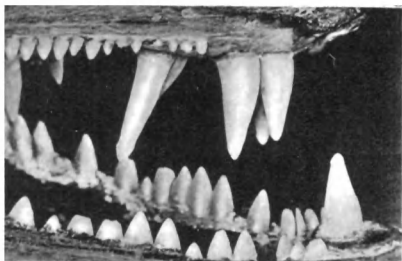
Некотрые крупные виды мурен достигают трех метров в длину при толщине до 30 сантиметров. Их плотное, мускулистое тело покрыто слизью, отчего мурену практически невозможно удержать в руках.

Сведения о том, насколько опасны барракуды, противоречивы, вероятно, оттого, что видов их много и они очень

различны по своей агрессивности. Большая барракуда может достигать двух метров в длину и, как всякий большой хищник, вероятно, способна при каких-то обстоятельствах напасть на человека.

Аквалангисты сообщают, что барракуду особенно привлекают ярко окрашенные предметы. Рыбы подолгу сопровождают подводных пловцов.

Больше всего они похожи на ножи! — сказал о зубах барракуды Холстед, посвятивший много лет изучению опасных для человека морских животных. Он же добавил: — Если вы плаваете в обществе большой барракуды, относитесь к ней с уважением и осторожностью!»

Пасть барракуды.

Обжигающий коралл, «огненный» коралл — так на языке рыбаков называется пальчатая акропора. Прика-

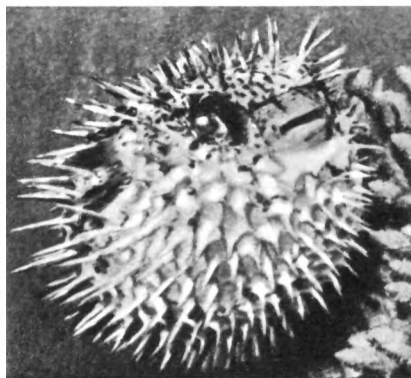
саясь к нему, человек задевает тысячи стрекательных клеток, расположенных на наружной поверхности коралла. Каждая выбрасывает маленькое спиральное копьё с пузырьком яда на конце. Ожоги кораллов похожи на ожоги крапивой, но если поверхность ожога велика, возможно общее отравление организма.

Известен случай гибели человека от укуса осьминога. Это произошло близ города Дарвин в Австралии. Нырлящик, поймав небольшого осьминога, пустил его ползать по телу, и животное, когда сидело на шее, укусило человека. Он умер через два часа.

Однако мнение всех, кто имел дело с головоногими, единодушно: осьминоги на людей не нападают никогда, а, наоборот, сами побыстрее стараются скрыться.

Причиной страха, который до сих пор внушают осьминоги некоторым подводным пловцам, следует, скорее всего, признать неприязнь, которую испытывали к ним первые водолазы. Водолаз в тяжелом снаряжении весьма уязвим — он дышит воздухом, который подается ему с поверхности через шланг. Многорукому противнику — это прекрасно понимали водолазы — ничего не стоило бы переломить или сжать шланг.

Длинноиглый черный морской еж — диадема — широко распространен в тропических водах. Он селится среди кораллов, на камнях, на защищенных от волн и течений песчаных участках. Благодаря острым кончикам его иглы легко проникают в тело, а из-за хрупкости легко обламываются. Извлечь обломок очень трудно: на конце каждой иглы сидит бородка-крючок. Считается, что иглы некоторых видов ежей ядовиты.

Рыба-еж.

Скат-хвостокол (скатов этой группы чрезвычайно много) — виновник большинства ранений, полученных неосторожными купальщиками. Только в Соединенных Штатах, пишет Холстед, каждый год регистрируется около 1500 случаев ран, нанесенных скатами.

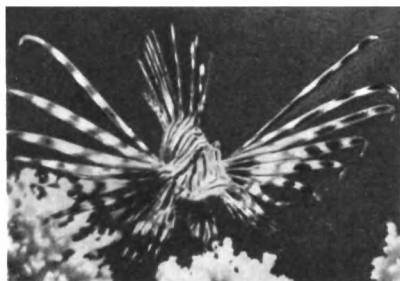
Хвостоколы закапываются в песок или роются в песке, в иле, отыскивая там червей, моллюсков, ракообразных. Если наступить на ската, он очень проворно наносит удар шипом, расположенным на средней части хвоста. Этот шип у большинства скатов ядовит, поэтому раны, нанесенные им, болезненны и долго не заживают.

Мелкие, зарывающиеся в мелкий грунт рыбы-дракончики или рыбы-змейки делят со скатами славу главных врагов купальщиков. Один из шипов спинного плавника у дракончика снабжен ядовитой железой. Рыба зарывается в грунт так, что снаружи торчат только ее глаза. Ими она высматривает добычу — мелких рачков и рыбок. Если наступить босой ногой на дракончика, он наносит укол, боль от которого не стихает целые сутки.

В водах Индийского и Тихого океанов, в районах коралловых рифов, водится одна из самых красивых и причудливых рыб — крылатка. Кроваво-красные, желтые с коричневыми полосами, розовые с черными, крылатки обладают длинными, веерообразными плавниками.

Кончики игл у плавников ядовиты.

Рыба-крылатка.

Крылатки из-за своего фантастического вида давно привлекали внимание рыбаков и пловцов. Пожалуй, ни одна рыба в мире не имеет таких пышных и разнообразных наименований. В разных местах Мирового океана ее называют: красно-огненная рыба, рыба-зебра, лев-рыба, тигровая рыба, рыба-скорпион, рыба-индюк, пламенная рыба, рыба, причиняющая боль, бамбуковая рыба, дьявольская рыба, рыба-бабочка, рыба-фейерверк, летающий дракон, мурлыкающая рыба.

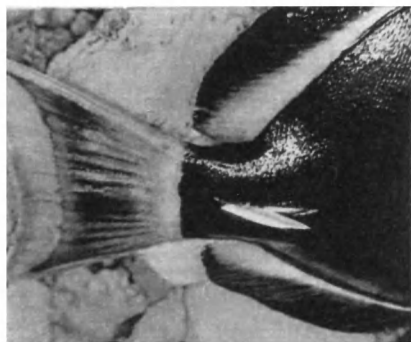
Родственница крылатки — бугорчатка, или бородавчатник, принадлежит к сильно жалящим или колющим рыбам. Безобразная, напоминающая кусок камня, эта рыба вся покрыта шипами и выростами. На спине ее тринадцать шипов с ядовитыми железами. Раны, нанесенные бородавчатником, могут привести к временному параличу руки или ноги.

Самыми опасными для человека являются, по общему мнению специалистов, не кусающие рыбы (они делают это редко) и не жалящие (для этого надо наступить на рыбу или взять ее в руки), а ядовитые (при употреблении в пищу).

Только в Японии от неумело приготовленной рыбы фуку в год умирают несколько десятков человек.

Отравление, вызываемое самыми различными тропическими (коралловыми или прибрежными) рыбами названо врачами болезнью сигуатера. Ее могут вызывать более чем 300 видов рыб.

Только в 1943 году случаи отравления сигуатера отмечены были на островах Мидуэй, Рождество, Джонсон, Пальмира...

Шипы на хвосте рыбы-хирурга.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Для защиты от акул Пако принес мне нож. Нож был широкий, длинный, с костяной рукояткой, и, когда я привязывал его ниже колена, он доставал до самой ступни. Пако улыбался и прищелкивал языком.

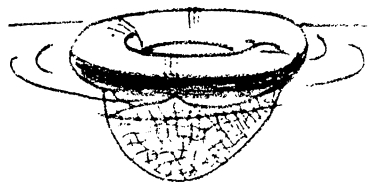
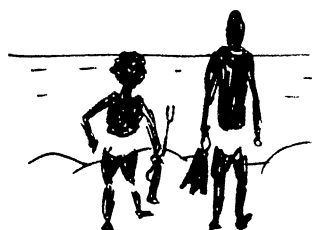
— Му бьен! Очень хорошо! — говорил он и показывал, как я буду убивать акулу. — Кх-хх!

Каждый день, вооруженные до зубов, мы отправлялись на риф.

Мы плыли не торопясь и по очереди тащили за собой надутую автомобильную камеру. Ее пожертвовал нам Родольфо. В середину камеры была ввязана сетка для добычи, в ней же лежало ружье Пако.

Я плыл, опустил голову в воду, и привычно отмечал для себя, как меняется облик дна. Песок, заросли черепашьей травы, прогалины... скоро будет риф, вот первые безжизненные, сорванные с него кораллы, а вот и он сам — оранжево-зеленая стена, переплетение причудливых камней, между которыми мелькают полупрозрачные силуэты рыб. Отдохнув на вершине огромного мозговика — он поднимался почти до самой поверхности воды, — я принимался за наблюдения. Для этого приходилось плавать очень медленно, изредка шевеля ластами и пристально вглядываясь в то, что происходит на дне.

Пако охотился. Он то и дело нырял, часто нажимал на спусковой крючок и потом долго распутывал за-

стрявший между кораллами шнур или разыскивал оборвавшийся гарпун. Его привлекала не добыча, а сама охота. Иной раз он начинал гоняться за рыбой, которую невозможно было даже взять на берег.

Так, его забавляли рыбы-ежи. Уверенные в своей безопасности, они лениво лежали под ветвями кораллов и неторопливо дышали, раздувая и сжимая бока. Их колючки, толстые и блестящие, похожие на крупные шипы роз, поднимались и опадали.

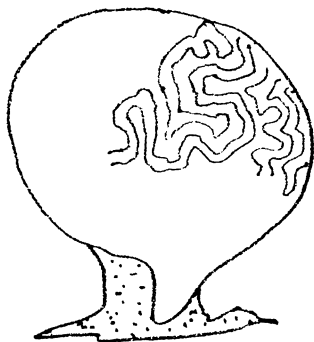
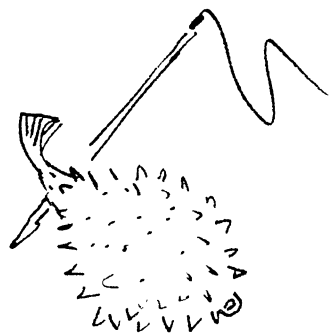
Пако нырял и, тщательно прицелившись рыбе в хвост, стрелял. Пробытый гарпуном еж бросался наутек, шнур останавливал его. Рыба судорожно начинала глотать воду, раздувалась и становилась похожей на футбольный мяч. Пако всплывал вместе с ней и, надев матерчатые отцовские перчатки, поднимал рыбу над головой. Хрюкнув, еж начинал выпускать изо рта воду. Бока его опадали. Когда рыба принимала обычный вид, Пако осторожно вытаскивал из хвоста гарпун и выпускал ежа. Ошеломленный, тот погружался на дно и тотчас же забивался в какую-нибудь нору.

— Они живучие, им ничего не будет! — жестами уверял меня Пако.

Я каждый раз качал головой...

— Давай договоримся, — сказал я наконец, а Родольфо — дело было на берегу — перевел, — ты будешь стрелять только ту рыбу, которая нужна для еды твоей маме.

Пако кивнул. Бедные ежи получили покой.

Корал-
мозговие

Как-то раз мое внимание привлекла рыба, которая упорно вертелась около дырки в скале. Собственно, это было просто углубление в камне, небольшая ниша.

Даже когда рыба заплывала в нее, она все равно была хорошо видна со стороны.

Прятаться рыбе приходилось раз по десять на час. Мимо то и дело проходили стаями полосатые барракуды, нет-нет следовал стороной серебристый тарпон, показывала из-под камня голову зеленая мурена.

И каждый раз рыбка входила в углубление, прижималась к скале, озабоченно поглядывая на хищника плоскими, бесцветными глазами.

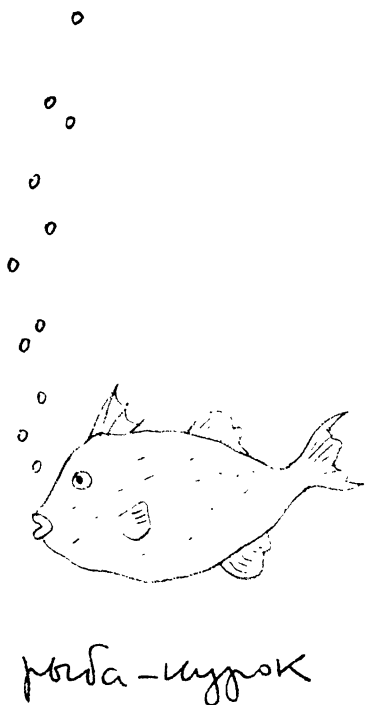
Ну какое же это убежище!

Но почему тогда рыбка так упорно держится около него? Заинтересованный, я набрал полную грудь воздуха и нырнул. Рыбка тотчас же спряталась.

Я подплыл к скале и, придерживаясь одной рукой за камень, сунул другую в углубление. Пальцы тотчас же ощутили скользкую рыбу чешую. Я попробовал выгнать рыбу — она не шевельнулась. Сдвинуть с места — она была неподвижна. Как приклеенная.

Я подобрался пальцами к самой рыбьей голове. Какая-то сила крепко прижимала ее к камню. Ничего не делаешь!

Я всплыл.

Рыбка знала какой-то секрет. Камень держал ее. Мелкая пещерка была надежным убежищем от врагов.

Тогда я лег на воду, затаился и стал ждать.

Вот из пещерки высунулась рыба физиономия. Рыбка долго осматривалась, потом, осмелев, вылезла на одну треть, наполовину... Но что это? На спине у рыбы торчал какой-то шип. Толстая костяная пластинка, похожая на курок.

Вдруг эта пластинка исчезла. Рыба опустила шип, прижала к спине и снова стала прежней.

И тогда я понял. Вот в чем разгадка странной привязанности рыбы к этой пещере. Большая, с высоким потолком ей и не нужна. Нужен низкий потолок, такой, в который можно упереться шипом!

Я представил себе: вот рыба входит в свое убежище, вот прижимается боком к стене, вот поднимает курок. Курок упирается в потолок — и стоп! Теперь ее из пещеры никому не достать.

Сидит рыбка в каменной нише, поглядывает оттуда хитрыми глазами: не ушел ли враг? Не пора ли опускать курок, выбираться на волю?

КАЧУЧА

Каждый день я учил несколько испанских слов. Я называл какой-нибудь предмет, а Пако или Родольфо говорили, как это звучит по-испански.

Моя велосипедная шапочка озадачила их.

— Как это сказать? — переспросил Родольфо. — Первый раз вижу.

— В ней ездят на велосипеде. Ну, а как просто «шапочка»? У нас смешные шапочки часто называют «чепчик».

— Шепчик...

Родольфо снова задумался и наконец, вспомнив что-то, заулыбался.

— Качуча! — твердо произнес он.

А Пако закивал и повторил, подпрыгивая:

— Качуча!

В это время около дома снова появился старик с собакой. Собака, как всегда, бежала опустив морду к самой земле и тащила старика за собой.

— До чего непонятное животное! — сказал я. — Никогда не видел таких длинных собак. И морда пятачком. Вот только уши как уши. Бульдог? Боксер?

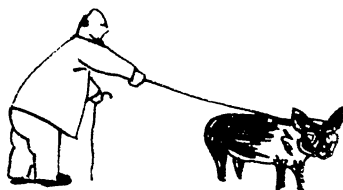
— Что? — не понял Родольфо. Он посмотрел на животное и произнес: — Кочиньо!

«Странно, — подумал я. — «Собака» — по-испански «канио» или что-то в этом роде. Канис Майорис — созвездие Большого Пса. А кочиньо... кочиньо... Если это не собака...»

Животное, бежавшее впереди старика, хрюкнуло. Свинья! Ну конечно, она! Какой же я болван: не смог отличить свинью от собаки!

Так вот почему у нее такой нос и закрученный в колечко хвост!

Эх я, качуча!

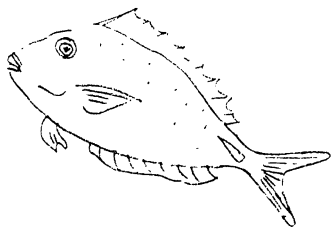
РЫБЬЕ ОБЛАКО

Рыбы на рифе вели себя по-разному. Одни бродили поодиночке, другие плавали стаями.

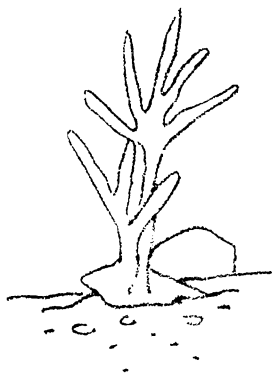
Вот из-за огненного, похожего на стол коралла выплывает пара лилово-серебристых хирургов. Плоские, похожие на блюдечки, с желтыми кинжалчиками на хвостах, они неторопливо плывут, строго выдерживая курс. За первой парой показывается вторая. Хирургов уже целая стайка. Они следуют в направлении, указанном первой парой. Стайка растет, из-за оранжевой коралловой глыбы показываются всё новые и новые рыбы. Их уже десятки, сотни. Огромная стая тянется, как облако тумана, как серебристый шлейф дыма. Рыбы плывут никуда не сворачивая. Они приближаются ко мне ближе... ближе.

Мое неосторожное движение — и по стае распространяется волна тревоги. Она достигает противоположного конца стаи: рыбы, плывущие здесь, хотя они и не видят меня, поворачивают в сторону, ускоряют ход. Словно листья, подхваченные ветром, рыбы несутся прочь. Образовалась струя быстро несущихся рыб. И вот уже вся стая изменила направление. Серебристо-лиловые хирурги мчатся, увлекаемые невидимым потоком. Страх и дисциплина гонят их.

Нет стаи, рыбы исчезли. Словно могучий вентилятор втянул, всосал висевший над рифом серебристый туман.

рыба-хирург

Старые коралловые глыбы, выступающие из воды, были покрыты какими-то странными дырками. Когда камни окатывал прибой, в них всегда задерживалась вода.

Однажды я решил исследовать подозрительные дыры. Для этого я сунул в одну из них палец.

Ай! Острая игла больно уколола кожу.

Я лег на живот и стал поочередно заглядывать в норки. В каждой под голубоватой пленкой воды мерцали короткие красные иглы. Ежи!

Я попробовал ножом достать одного. Лезвие только приподнимало животное. Я подтаскивал ежа вверх — иглы упирались в камень. Значит, выход уже, чем вся остальная нора?

Вот те раз! Как же они туда попали? Как смогли колючие и твердые ежи проникнуть через узкие, словно бутылочные горлышки, входы?

Эту головоломку мне бы не решить, если бы я не обнаружил норку, в которой свободно ходил вверх-вниз небольшой ежик. Вытащив его, я сунул в норку палец. Бороздки на стенках, неровности... И вдруг почувствовал — норка книзу расширяется! Так вот оно что! Маленькое животное, спасаясь от свирепых ударов волн, вгрызлось, всверлилось в камень, спрятавшись на дне узкой норы, а затем стало рассверливать свой дом в ширину, подготавливая его впрок для будущих времен. Но тем самым оно обрекало

Рыбы-ангелы — фантастически раскрашенные обитатели тропических вод.

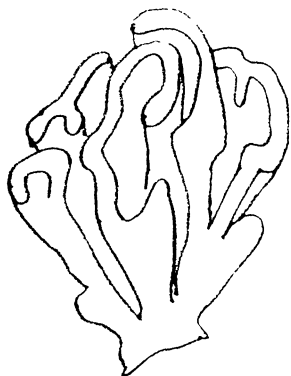
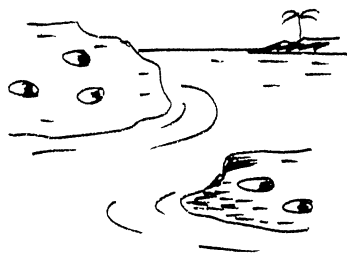
себя на вечное заточение: маленький еж вырастет и не сможет покинуть нору.

Солнце стремительно поднималось в зенит. Камень, на котором я лежал, раскалился. Я набрал воды в ладони, полил его, а затем снова лег и стал наблюдать причудливую жизнь колючих пленников. От своего заточения ежи не чувствовали никаких неудобств. Медленно шевеля иглами, они копошились на дне норок, поворачивались, выпускали тонкие ножки-щупальца, шарили ими.

От моего движения в норку упало несколько песчинок. Они опустились на ежа и застряли среди колючек. Тотчас ножки пришли в движение. Вытягиваясь и изгибаясь, они стали ощупывать иглы, хватать песчинки, отбрасывать их.

Я представил себе: прибой, камни покрывает вода. Перемешанные с пеной сюда несутся песок, ил, обрывки водорослей. Они оседают на камень, засыпают норки. И каждый раз, как только стихнут волны, в маленьких пещерках начинается работа. Чистятся, охорашиваются колючие обитатели норок, выбрасывают из своих домиков мусор, скоблят стены и пол, тащат в рот, жуют обрывки водорослей, мелкую живность.

И опять поблескивают, как голубые глаза, крошечные озерца на каменной плите, опять мерцают в глубине пещерок красноватые иглы. Домики чисты, их жители сыты — снова ожидают следующего прибоя.

КТО ТУТ БЫЛ?

Под водой есть все, что есть на земле.

Есть равнины — однообразные и унылые, есть горы — нагромождение скал и отвесных стен.

Есть пустыни — песок, песок, до куда хватает глаз.

Есть болота — вязкий полужидкий ил, в котором утопает нога тяжелого водолаза.

Наконец, есть леса — непроходимые заросли густых водорослей, обнаженные, как после пожара, стволы кораллов, медленное движение похожих на траву горгонарий.

И как в пустыне, как на болоте, как в лесу — всюду следы.

Вот на верхушке голой, побелевшей от времени коралловой глыбы круглое ровное колечко.

Кто-то тщательно вырезал его и ушел.

Здесь сидела раковина-блюдечко, с одной створкой, похожая на тарелочку или на формочку, какими дети лепят из песка куличики. Плотно притерся, присосался к известковой поверхности хозяин раковины, вертелся-вертелся, царапал острыми краями раковины камень — получилось колечко. Но чем-то не понравилось ему место — ушел. А может, сглотнул его кто? Отковырял от камня, перевернул мягкой ногой кверху — и нет хозяина раковины.

На боку зеленоватого кораллового бокала — белые рубцы: кто-то обгло-

дал бок. Еще курится голубоватый дымок — только что передо мной тут проплывали два попугая. Один клюнул на ходу, второй — и уплыли дальше по своим попугайным делам.

Остались на коралловом бокале отметины.

На белом песке у подножия коралловой глыбы — тоже след. Будто прошел трактор. Только странный — с одной гусеницей и маленький — весь след шириной в два пальца. Видно, никакой не трактор — был тут кто-то из обитателей песчаного дна.

И верно: проползал хозяин еще одной раковины — пестрой, свернутой в кулечек. Повертелся около каменной стены — не забраться! Дай, думает тогда, зарюсь! Забрался в песок, утонул, от всех врагов спрятался. Ползет вместе с раковиной под землей, ищет в песке добычу, чмокает, а над ним горбится песок, ломается на кирпичики.

Укладываются кирпичики в ряд: ни дать ни взять — трактор прошел.

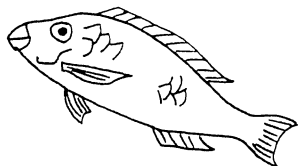
А вот еще след: яма в песке, посреди ямы крабья клешня.

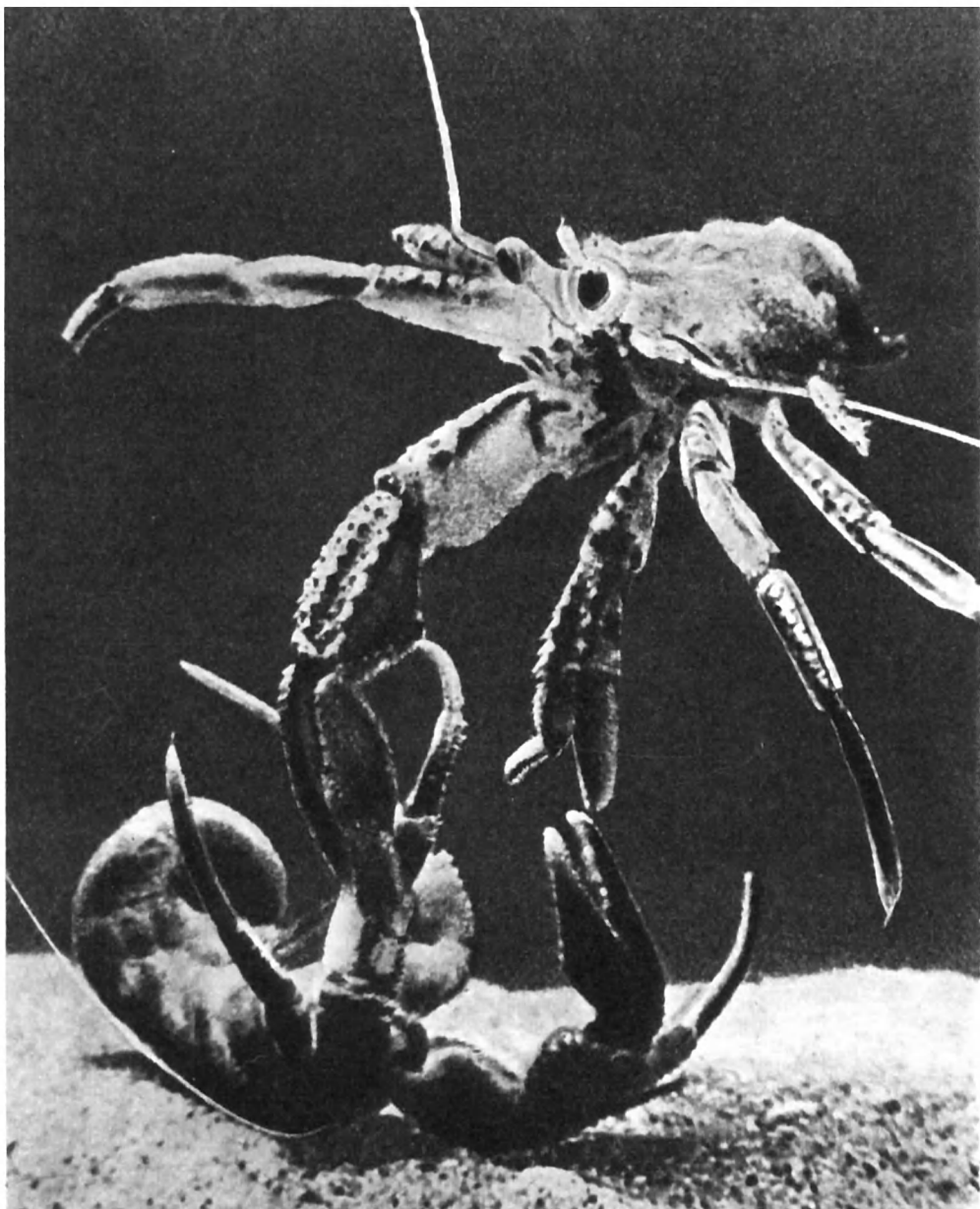
Здесь подстерег раззяву скат. Зарылся хищник в песок, забросал себя по самые глаза, хвост-кнутик спрятал, притаился.

Ждал, ждал и дождался.

Бежал мимо краб. Бежал, суставчатые ноги переставлял, не заметил, как взбежал на песчаный бугор. А бугор как лопнет! Лишь фонтаном взметнулся песок.

рыба-попугай

Драка из-за пустой раковины для двух отшельников не пустяк. Это борьба за жилище.

РАКОВИНА НА ПЕСКЕ

Тут же на песчаной полянке еще один след.

Ямка. Рядом — блестящая, словно вылизанная изнутри, двустворчатая раковина.

Видел я уже не раз такие ямки.

Шла здесь морская звезда. Шла, упиралась в податливое дно оранжевыми ножками.

Стоп! Почуяла звезда под собой поживу. Остановилась, потрогала песок.

Так и есть, закопался кто-то в него.

Припала к песку всеми пятью лучами, давай ножками песок копать. Хватают ножки песчинки одну за другой, друг дружке передают. Летят в сторону песок, мелкие камешки. Все глубже под звездой ямка, все ближе добыча.

А вот и она — моллюск. Спрятался в свою раковину, створки захлопнул. Зарылся — думает, от всех убежал.

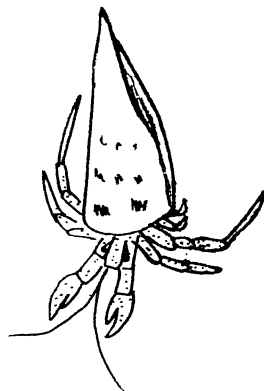
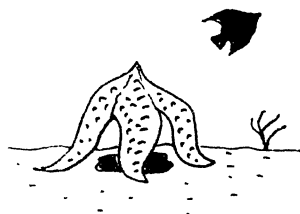
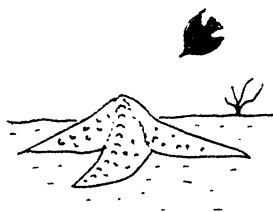
Обняла звезда раковину, присосалась к ней, на все пять лучей приподнялась — вытащила беглеца. Раскрыла, принялась есть.

...Плыву над песком, смотрю вниз. Над коралловой рощей поплыл, тоже смотрю.

Повсюду на морском дне — следы.

Каждый след — случай, приключение, загадка.

Только примечай да разгадывай.

Лежу на койке. Ноги, руки за день устали. Пальцы ног, натертые ластами, горят. Сон подбирается, вот-вот сморит.

Вдруг бух! — за стеной. С пальмы упал орех.

«Какие-то непонятные орехи! — подумал я как-то. — И чего им вздумалось падать по ночам?»

Подумал и решил на всякий случай проверить: не замешаны ли в этом лесные обитатели? Какая-нибудь тропическая птица. Или летучая мышь. Или еще кто-нибудь, кто умеет лазать по деревьям и любит орехи.

Стоп! А ведь есть такое существо. Сухопутный рак-отшельник, которого так и называют «пальмовый вор». Может быть, это он залез на дерево? Чем черт не шутит.

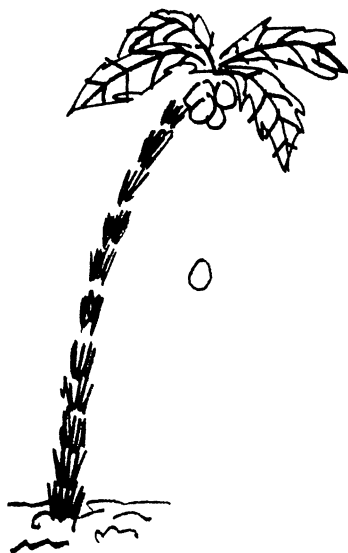
Сижу в постели, слушаю. Ничего.

На следующую ночь, только солнце зашло, только я в постель забрался, снова — бух!

Я — из хижины. На цыпочках — к пальме.

Тихо. Дует пассат. Наверху над моей головой поскрипывает, постукивает листьями дерево. В траве кто-то тихонько возится.

Включил фонарик, ткнул себе под ноги. Орех! А около него действительно рак. Рак-отшельник. К земле прижался, весь в домик-раковину ушел. Только одни глаза, как зеркальца, блестят. И клешни от удивления разведены.

Тут мой фонарик мигнул и погас. Пока я его налаживал, включал — нет рака. Один орех.

Поднял я его и понес домой. Днем, думаю, дырку проделаю, выпью. Во время жары ореховый мутный сок ох и хорош!

Третью ночь я решил караулить под пальмой. Забрался под нее и стал ждать.

Вот на крыше моей хижины пропела квакша. Вот вскрикнул и замолчал кто-то на берегу у самой воды. Пропелестела крыльями летучая мышь.

И наконец скрип! — у меня над головой. Свись! — у самого уха. Бац! — около ног. Упал орех, чуть не по голове. За ним второй, третий.

Но сколько на этот раз я ни включал свой фонарик, ни шарил желтым лучом по траве, больше никаких раков-отшельников не видел...

Когда я рассказал Родольфо про свои ночные похождения, тот поморщился.

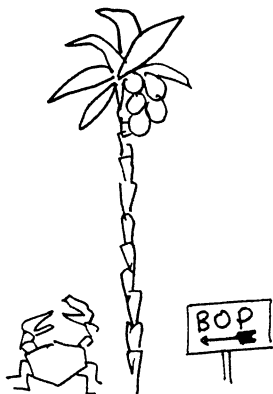
— Пальмовый вор живет в Тихом океане. На островах, — сказал он. — И раковины у него нет... А ночью спать надо.

— Надо-то надо... Но как могло случиться, что этот рак-отшельник оказался как раз около упавшего ореха?

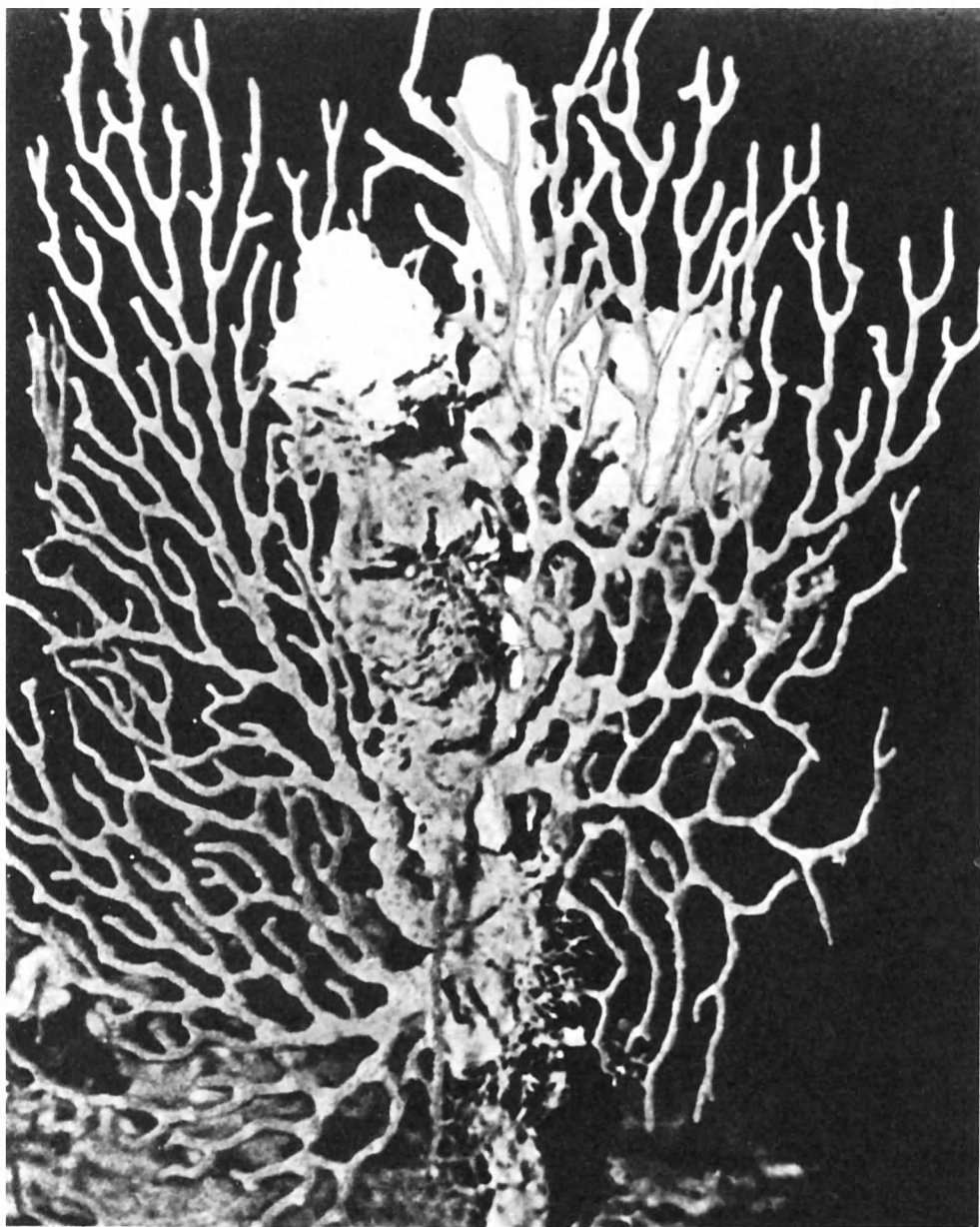
Этого Родольфо объяснить не мог.

Так я и не узнал, отчего падали ночью около моей хижины плоды кокоса.

Должно быть, их просто срывал ветер.

На старом корабельном якорю поселился гибкий коралл — горгонария.

Около пещеры, где проживал Толстяк — так я прозвал группера, — всегда крутилось несколько невзрачных рыбешек. Я как-то раз подумал, что рыбешки сильно рискуют — аппетит Толстяка им, вероятно, не был знаком.

И ошибся.

Однажды в полдень, когда большинство рыб прячется в укрытия, мне довелось проплывать мимо пещеры.

Рыбки были тут как тут. Мало того, в отличие от своих сородичей, которых сморил полуденный сон, эти были необычно возбуждены. Они сновали взад-вперед у входа в пещеру, словно ожидая чего-то.

Я остановился.

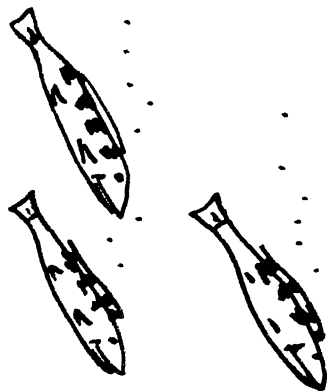
В этот момент в глубине черного входа шевельнулась тень и показалась огромная морда Толстяка.

Каменный окунь не торопился, он высунулся до половины и замер.

Рыбешки совсем посходили с ума. Они то отплывали от группера, то бросались к нему. Самые неосторожные ухитрялись прошмыгнуть у самых его губ.

«Сейчас распахнет пасть — и все провалится в глотку!» — подумал я.

Толстяк действительно широко разомкнул губы. Но сделал он это так осторожно и медленно, что ни одна рыбешка не была затянута в его рот. Группер высунулся из пещеры и, приподняв тяжелые каменные крышки жабер, замер.

У него был очень странный вид. Огромная рыбина стояла распахнув рот и топорща жабры, словно удивляясь.

И тогда произошло неожиданное: ближайшая рыбка сама отправилась ему в пасть!

Не успел я подумать: «Одна есть!» — как рыбка выплыла из-под жаберной крышки и тотчас юркнула туда вновь. За ней в пасть к великану отправилась вторая. Рыбешки отважно заплывали в огромный рот, копошились там, расталкивая друг друга, и выскакивали, неся в зубах белые крошки...

Так вот оно что! У Толстяка был полуденный туалет. Добровольные дантисты и санитары чистили его.

Толстяк терпеливо ожидал конца процедуры. Только когда последняя рыбешка покинула пасть, он осторожно свел губы, опустил жаберные крышки и, не поворачиваясь, задним ходом забрался назад в пещеру.

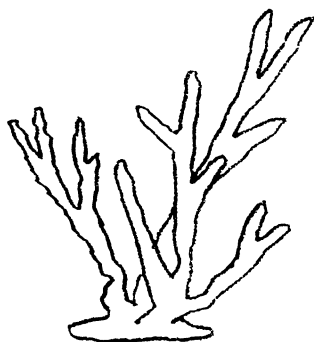
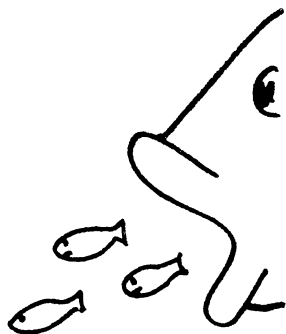
В глубине ее колыхнулась и замерла черная тень.

Рыбья мелочь не сговариваясь поплыла прочь.

Может быть, этих дантистов и санитаров уже ждал кто-то другой?

БЕСКОНЕЧНАЯ ЦЕПЬ

Через стекло маски видны беловатые точки. Они снуют взад-вперед, неподвижно парят, уносятся течением. Эти прозрачные существа — рачки.

Некоторые из них подрастут, превратятся в ногастых, пучеглазых, с тяжелыми каменными клешнями крабов.

Снуют рачки, охотятся за чем-то невидимым.

И вдруг — рыбка, маленькая, желто-синяя, как язычок пламени. Метнулась, клюнула белую точку, пожевала губками, поплыла дальше. Нет одного рачка.

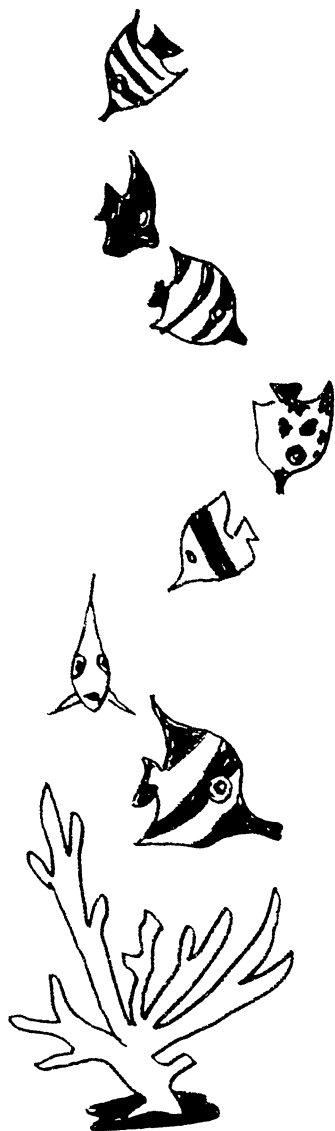
А из-за коралловой зеленой глыбы уже выплывает рыба-свинья. Морда пятачком, длинные кривые плавники загнуты назад. У каждого глаза — паутинка из оранжевых тонких линий. Подплыла, распахнула рот — провалилась в него рыбка.

Неподалеку от меня охотится Пако. Вот блеснул его гарпун, ударила стрела рыбу-свинью, не пробила, отбросила на дно. Пако не видел этого, подобрал шнур с гарпуном, уплыл.

А около раненой рыбы уже колышутся тени. Два колючих краба выползли из-под камней, размахивают клешнями, торопятся урвать по кусочку от добычи.

Я неподвижно сижу на плоской вершине коралла. Трубка над водой, лицо в маске опущено под воду. И словно тянется перед моими глазами цепь жизни: сильный поедает слабого, быстрый догоняет неторопливого, каждый на коралловом рифе — ловец и каждый — добыча.

Куруется рыба кровь, вытекает из ранки, еще сильнее раззадоривает крабов.

Только в ней и опасность. Вот и новый участник драмы: почуяв рыбью кровь, мчит издалека скат, торопится, машет черными плавниками-крыльями. Летит над самым дном. Тенью прошел над рыбой, на лету схватил одного краба.

Только мелькнули белые крабьи ноги, только завертелась в воде, упала на дно откушенная скатом клешня.

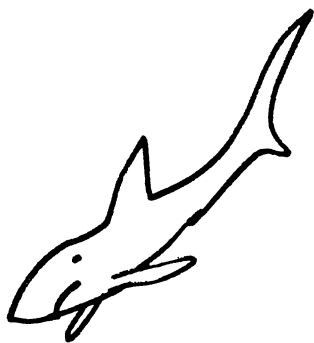
Мчится скат, бьет изо всех сил крыльями. Глаза выпучил. Да и как тут не лететь, как не бежать сломя голову? Чуть дрогнула вода, а уж он слышит — беда! Круто вниз опускается на него тупоносая акула. Не уйти скату...

Акула небольшая. Акуленок. Я даже не кричу Пако, не предупреждаю об опасности. Моя маска по-прежнему под водой.

Вот и еще одно звено в цепи жизни — все крупнее и крупнее хищник, — скоро ей оборваться.

А впрочем, нет. Не оборвется цепь. Вырастет акула, умрет, опустится на дно, столпятся около нее крабы, приползут морские звезды. Растащат, растерзают большое обмякшее тело. Растреплют. Желтым дымом рассеется акуля плоть, смешается с водой, с песком. Маленькие, не видимые глазом существа поглотят то, что останется от хищника. За ними снова начнут гоняться похожие на белые точки рачки, вновь завертится колесо...

В бесконечную цепь связал все живое риф.

Риф и сам похож на живое существо. Медленно, год за годом растет он, поднимается к поверхности моря, умирает, рушится. То вспыхивает яркими красками, то превращается в безжизненный, серый камень.

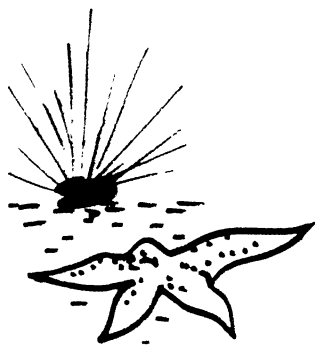
Риф всегда в движении. Между изогнутыми разноцветными телами его кораллов хороводят рыбы, ползают по дну ежи и звезды, копошатся крабы.

Он полон звуков. Стоит опуститься под воду — и сразу в ушах тихий, неназойливый шум. Плещут на выступающих из моря камнях волны, ровно стрекочут крабы, пощелкивают клешнями неутомимые рачки-алфеусы. Вот послышался еле слышный хруст — это принялись за еду клювастые рыбы-попугаи. Чу! — барабанная дробь. Плывут мимо горбыли. Развешаются черные хвосты, движется мимо рыбий полк, играет полковой оркестр.

Риф пуглив. Стоит потянуть шквалистому ветерку, нагнать туч, мрачнеют коралловые рощи. Исчезают рыбы, прячутся в щели крабы, забиваются в траву креветки. Прошла непогода стороной — и снова заблестал риф, заиграл красками, наполнился звуками.

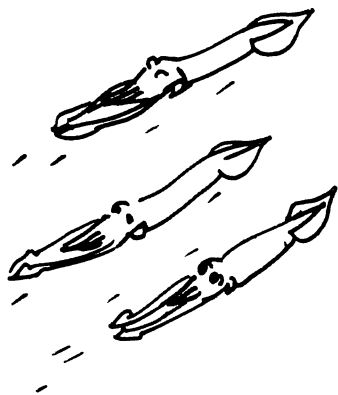
Он умеет бодрствовать и отдыхать.

Вот закатилось солнце, синие сумерки наполнили его гроты и ущелья. Уплыли дневные рыбы, замерли в черной траве стаи рачков. Но это за-

тишье обманчиво. Риф только задремал. Пройдет час — и на смену пестрым дневным обитателям выплывут, выползут бесцветные и темные жители ночи. Покинут свои щели осьминоги, выберутся из пещер мурены. Из океана приплывут стаи кальмаров. Длинные и прозрачные, станут они носиться над коралловыми притихшими рощами, часто работая плавниками и устремив вперед сложенные щепотью, похожие на стрелы, щупальца. Молча и угрюмо будут носиться до рассвета.

Днем и ночью бурлит риф. Убивает и дает жизнь. Восхищает и пугает. Изменяется и остается все таким же прекрасным.

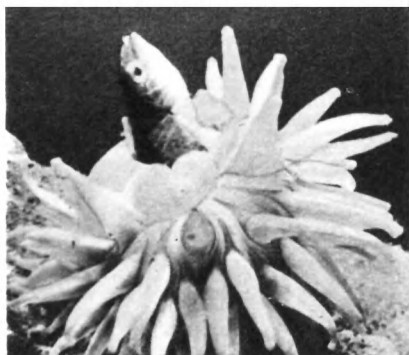

Кальмары

Обманчив вид живущих на рифе актиний. Это животные, похожие на яркие, однотонно окрашенные цветы. Красные, зеленые, коричневые — они селятся у подножия кораллов или на открытых каменистых участках дна. Актинии хищны и ядовиты. Похожие на ниточки, их щупальца усажены стрекательными клетками. Стоит неосторожной рыбке или рачку приблизиться к «цветку» — бросок щупалец!

стрекательные клетки сотней отравленных копий вонзаются в тело жертвы, и она падает в рот актинии.

Актиния с добычей.

Около актиний имеют обыкновение держаться пестрые рыбки-клоуны из семейства помоцентрид. Рыбки очищают щупальца актиний от застрявших в них крошек пищи, а приближается опасность — прячутся среди щупалец. Характерно, что хищная актиния никогда не употребляет щупальца во зло и не атакует ими рыбешек.

Для этих рыб щупальца актинии — защита.

Непременные члены общества, обитающего на рифе, — раки-отшельники. Самые сильные и предприимчивые из них не удовлетворяются тем, что находят пустую раковину и забираются в нее. Подыскав

раковину, рак-арросар, например, отправляется на поиск актинии нужного размера. После долгих и серьезных «переговоров» заключается союз. Или рак пересаживает актинию на раковину, или та заползает на нее сама (мнения наблюдателей в этом пункте расходятся), но рак-отшельник далее уже следует с раковиной, украшенной ядовитым «цветком» и, следовательно, защищенный вдвойне.

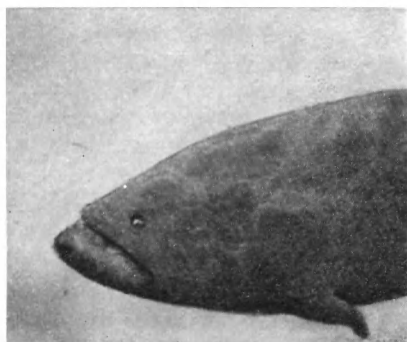
На коралловых островах и атоллах водятся несколько видов сухопутных раков-отшельников. Некоторые из них, даже выйдя на сушу, сохранили привычку носить на себе домик-раковину. Некоторые обходятся без нее.

Самым известным и крупным из таких раков следует признать «пальмового вора».

Название «пальмовый вор» — пример неосторожности и поспешности в выводах. Первые европейцы, посетившие острова Тихого океана, часто наблюдали этих раков, поедавших разбитые кокосовые орехи. Родился миф о том, что раки взбираются на пальмы, сбрасывают оттуда орехи, а затем клешнями вскрывают их.

Понадобилось почти столет, чтобы натуралисты убедились в ошибке. «Пальмовый вор» не способен лазать по деревьям.

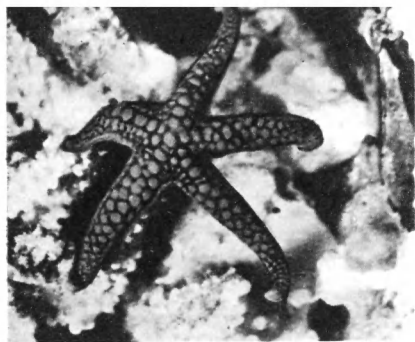
Голова группера.

Много разногласий существует среди ученых и подводных пловцов относительно того, каких размеров может достигать группер. Кларк, рассказывая о своих погружениях на рифах Цейлона, сообщает, что видел там трехметрового исполина, облюбовавшего для своей резиденции затонувший корабль. Вес такого великана — триста — четыреста килограммов!

Кларк описывает посещение района, облюбованного крылатками. Более двадцати пестрых рыб поселились внутри старого, наполовину разрушенного водой и временем буя. При приближении людей крылатки, вместо того чтобы прятаться, все, как одна, высыпали из буя наружу, словно им великолепно известно действие их ядовитых игл.

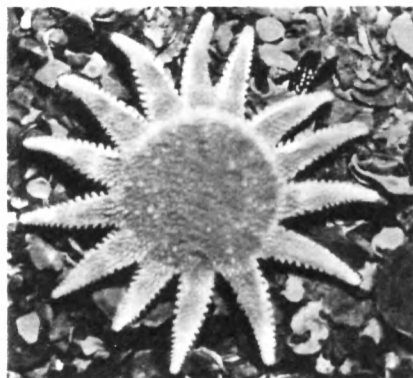
Морские звезды, живущие на рифах, издавна славятся как враги устриц и других моллюсков. Для того чтобы съесть обитателя двустворчатой раковины, звезда наползает на раковину и присасывается многочисленными ножками лучей к ее створкам. Затем она начинает растягивать створки, развивая при этом силу в четыре-пять килограммов. Мускул, закрывающий створки, в конце концов расслабляется и между створками образуется щель. В эту щель звезда вводит свой желудок (он может высовываться изо рта звезды наподобие языка) и постепенно переваривает тело моллюска... внутри его раковины!

Известны случаи, когда из-за опустошительных набегов звезд промысел съедобных моллюсков за два года снижался в четыре-пять раз. Ущерб, наносимый звездами,

Морская звезда.

бывал столь велик, что снаряжали специально оборудованные суда для вылова и уничтожения звезд. В заливе Базардс судно, оборудованное сосущей драгой, за три года выловило и уничтожило более шестидесяти миллионов звезд.

Многолучевая звезда.

Морская звезда «терновый венец» питается главным образом коралловыми полипами. Звезды ползают среди рифов, оставляя позади себя белые полосы начисто обглоданных кораллов. В конце 60-х годов в районе Большого Барьерного рифа, у берегов Австралии, наблюдалось буквально нашествие этих звезд, что вызвало тревогу среди натуралистов. «Если дело продолжится так и дальше, звезды съедят наш знаменитый риф!» — писали они. Но когда правитель-

ство согласилось объявить «терновому венцу» войну, оказалось, что еще не придуманы средства борьбы. Всех звезд в открытом океане не выловишь, химические средства погубят риф, а попытка любителей крошить звезды на кусочки привела к казусу: из каждого кусочка... вырастала новая звезда!

Причудливым обитателем рифа является рыба-флейта. У нее несоразмерно большая голова и тонкое негнущееся тело. Чтобы передвигаться в нужном направлении, рыбе приходится отчаянно работать плавниками. При этом ей все равно как плыть — горизонтально, головой вверх или вниз. Непонятно и многое в поведении рыбы. Французский исследователь Кусто наблюдал, как рыба покидала убежище и стремглав кидалась к проплывающему мимо судaku или окуню. Пристроившись рядом, она упорно старалась не отставать, хотя такое соседство могло кончиться для нее печально: великану ничего не стоило проглотить беззащитную рыбешку. Преследование кончалось обычно тем, что судак или окунь увеличивали ход и скрывались, а покинутая рыба возвращалась в свою каменную щель, откуда торчали, как карандаши в стакане, ее товарки.

Странную привычку плавать хвостом вперед имеют некоторые щетинозубы. У таких щетинозубов на хвосте с каждой стороны по круглому черному пятну, напоминающему глаза, а сами глаза замаскированы темными вертикальными полосами. Щетинозуб, плывущий задом наперед, не вызывает никакого подозрения у хищника, но если тот бросается хватать растяпу «с головы», щетинозуб дает полный ход и удирает, к изумлению атакующего, «настоящей» головой вперед.

В Черном море, где нет никаких кораллов, тем не менее водятся несколько видов рыб, характерных для коралловых рифов. Это зеленушка — пестрая зеленовато-голубая с малиновыми точками или полосами и черная бархатная рыбка-ласточка, или монашка. Ласточкой рыбку прозвали за характерный хвост — вилочкой.

У Крымского побережья целые стаи ласточек порхают над известковыми валунами, поросшими коричневым ковром водоросли цистозир.

На коралловых рифах уже организованы первые национальные заповедники. У берегов Флориды и Австралии

Голова морской собачки-блениды.

отмечены буями, нанесены на карты и охраняются участки с наиболее густыми и красивыми коралловыми джунглями. Здесь действуют те же правила, что и в заповедниках, где сохраняют зубров, бобров, слонов. Подводные пловцы в таком заповеднике имеют право только плавать, наблюдать, фотографировать и снимать кинофильмы.

Во флоридском заповеднике в охраняемую акваторию попали и несколько затонувших средневековых кораблей, лежащих на дне со времен англо-испанского соперничества на море.

ПОХОЖАЯ НА ПТИЦУ

Я спросил Пако: водятся ли в здешних местах морские черепахи?

В ответ он заулыбался, кивнул и стал размахивать руками, как крыльями. Я понял — он изображает черепаху.

Но что общего между быстрокрылыми летуньями и медлительным, закованным в костяную броню пресмыкающимся?..

Я фотографировал горгонии — гибкие, похожие на перья кораллы. Их лимонные и фиолетовые заросли покрывали весь внутренний склон рифа.

Цепляясь кончиками ластов за выбоины в камне, я приседал и, медленно приблизив объектив камеры к развесистому перу, осторожно нажимал спуск.

Щелк!.. Щелк!

Мое внимание привлекла небольшая, ярко окрашенная горгония правильной сердцевидной формы. В рассеянном солнечном свете она казалась яично-желтой. Перо покачивалось, то вспыхивая отраженным светом, то тускнея.

Ниже склона, поросшего горгониями, лежал плотно сбитый течением и волнами песок. За ним начиналось дно, поросшее коричневой и голубой черепашьей травой.

Привычно нащупав кончиками ластов выступ в камне, я обхватил его ступнями и присел. Однако при этом, вероятно, повернулся и, когда поднес

Черпаха плыла, равнамерна взнахивая ластамі.

к глазам видоискатель, в нем, вместо горгонарии увидел песчаное дно и странный камень, до половины засыпанный песком.

Если бы не его правильная форма — он напоминал огромный ольховый лист с зубчиками по краям, — мое внимание на нем не задержалось бы. Но эти зубчики меня смутили.

Кому понадобилось так причудливо украшать подводный камень?

Чем дольше я присматривался к нему, тем больше проникался убеждением, что камень не простой. Надо осмотреть его!

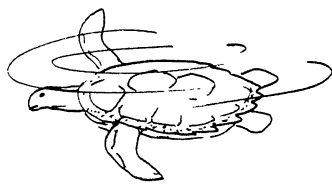
Я поплыл к камню не соблюдая осторожности, шумно, а когда приблизился, произошло неожиданное. Камень подпрыгнул — во все стороны полетели фонтаны песка, привсплыл и оказался большой черепахой.

Изогнув шею, черепаха уставилась на меня черными пуговичками глаз, а затем двинулась вверх. Медленно всплывая, она достигла ярко освещенных слоев воды, и тогда щит ее вспыхнул коричневыми и зелеными красками. Выпуклые костяные бляшки оказались покрытыми, как мхом, пучками тонких, нитевидных водорослей.

Теперь черепаха напоминала не камень, а цветочную клумбу.

Выставив из воды кончик носа, животное шумно вздохнуло и, наклонив тело вперед, снова погрузилось.

Мои движения — я плыл следом — испугали его. Взмахнув огромными,

Горгонария

похожими на крылья передними лапами, черепаха быстро поплыла прочь.

Она двигалась, то опускаясь к самому дну, то поднимаясь, равномерно взмахивая лапами-крыльями, вытянув голову и плотно сжав короткие задние ноги.

Она то парила в воде, то стремительно неслась вперед, похожая на большую, величественную птицу.

Я проводил взглядом это причудливое существо, вздохнул и вернулся к своей горгонии.

Легкое течение колебало перо. Поверхность его мерцала. Желтые солнечные блики бродили по кораллу.

ССОРА

У подножия старого коралла-мозговика мне довелось увидеть смешную ссору.

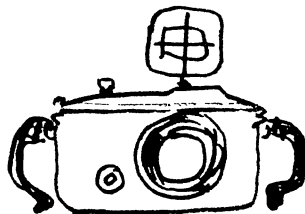
Пако поцарапал острым кончиком гарпуна руку и решил, что лучше надеть на гарпун какую-нибудь трубку. Пластмассовая оказалась скользкой — все время слетала. Он выбросил ее и нацепил резиновую.

Выброшенная пластмассовая трубочка осталась лежать около камня.

Здесь-то я и подсмотрел эту сцену.

Около трубочки появился рак-отшельник. Ему, видно, стала тесной раковина, которую он до сих пор таскал, и он шел на поиски нового домика.

Трубка ему понравилась. Рачок обошел вокруг нее, сунул в трубку

усы, потом одну клешонку, вторую... Еще раз обжег кругом и, пристроившись к трубке спиной, начал пятиться — осторожно вползать брюшком в трубку. Может быть, края трубки царапали мягкое, слабое, не защищенное броней тело — рак ежился, вертелся.

В это время около трубки появился второй рачок. Этот был тоже без домика, и трубка ему тоже приглянулась. Осмотрев ее, рак принял решение. Когда первый отшельник только забирался в пластмассовый дом, второй уже сидел в нем.

Затем оба рачка решили, что пора в путь. Оба высунули ножки, уперлись спинками, приподняли трубку и, цепляясь лапками за камень, пошли.

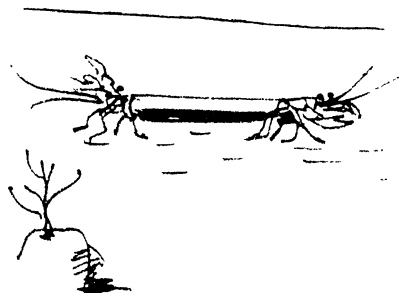
Трубка заерзала. Она дергалась из стороны в сторону, катилась то вправо, то влево, поворачивалась, замирала и снова начинала двигаться. Рачки ничего не понимали. Им, наверное, казалось, что кто-то держит трубку и хочет утащить ее. Они барахтались изо всех сил, цеплялись ножками за камни. Никто не уступал.

Если бы один отшельник оказался намного сильнее — может быть, все решилось само собой. Он утащил бы трубку вместе с соперником, а потом, поняв, в чем дело, прогнал бы его.

Но, на беду, рачки оказались одной силы. Они долго таскали друг друга, выбились из сил и одновременно пришли к решению — бросить затею. Оба вылезли — каждый из своего конца трубки — и, не оглядываясь, отправились восвояси.

рак-отшельник

КРАБ-ТЯПИЧНИК

Я сидел на верхушке сглаженного водой мертвого коралла и, то и дело опуская лицо в воду, рассматривал через стекло маски, что делается внизу.

Там не было ничего интересного: пара лилово-оранжевых лоретто вертелась у подножия коралла, мерно покачивалось желтое перо горгонарии, шевелилась мелкая травянистая зелень.

Внезапно мое внимание привлекли два пучка травы. Вместо того чтобы стоять на месте, как полагается водорослям, они двигались! Покачиваясь и развеваясь, зеленые пучки совершали путешествие по дну.

Это было странно. Я взял в рот загубник дыхательной трубки, сполз с коралла и осторожно погрузился. При моем приближении загадочные пучки остановились. Они замерли на месте, не подавая никаких признаков жизни.

Так, так, так!.. Я подплыл и осторожно тронул один пучок пальцем. Пучки подпрыгнули. Они оба привстали, двинулись было в сторону и снова припали к камню, прижались, слились с ровным ковром водорослей.

Однако я заметил, что на мгновение под одним мелькнули... ножки! Суставчатые, красненькие ножки.

Осторожно взяв двумя пальцами пучок, я поднял его. Открылась спина небольшого краба. Убран второй пучок — теперь виден весь краб.

Хозяином пучков оказался маленький красноватый крабишка, пучегла-

зый, с небольшими острыми клешонками.

Лишенный своего украшения, он отбежал в сторону, спрятался было за кусок известкового камня, потом, сообразив, что его никто не преследует, осмелел и показался снова.

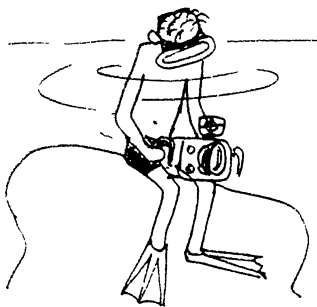
Я был уже в стороне — опять сидел на верхушке коралла — и внимательно наблюдал за десятиногом хитрецом.

Тот раздумывал недолго. Вернувшись на зеленый ковер, который в одном месте образовали водоросли, он принялся за работу. Острой клешонкой крабишка срезал пучок зелени и начал старательно прилаживать его себе на спину. Это удалось — водоросли зацепились за щетинки, которыми была покрыта крабишкина спина. Тогда крабик отрезал от зеленого ковра еще полоску и, смешно вскидывая клешнями, укрепил и ее.

Его снова не было видно. Он постукал ножками, точь-в-точь как боевой конек перед дорогой, и в путь.

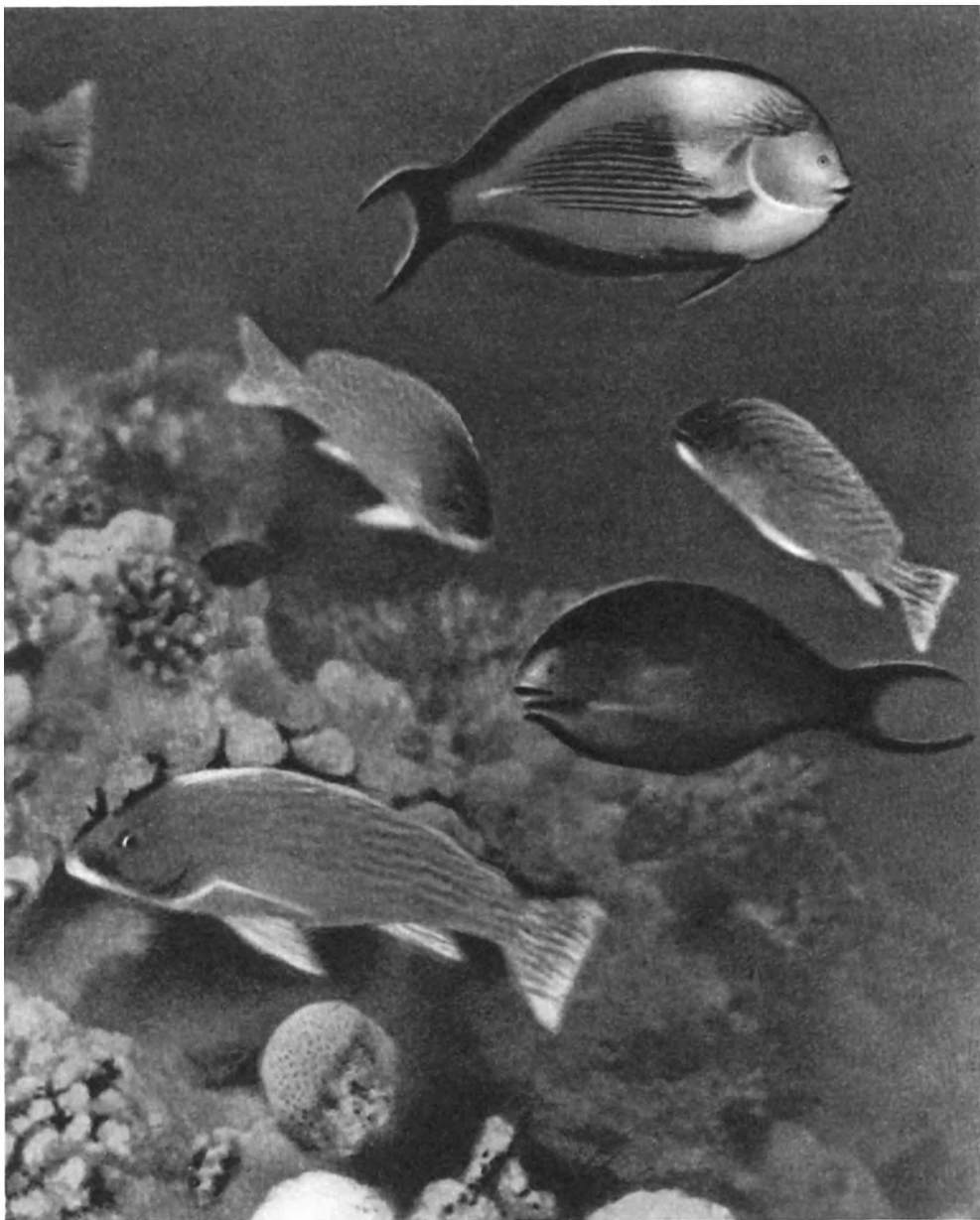
Зеленые тряпочки развевались над ним и, когда краб останавливался, накрывали его с головой.

Низко над самым дном проплыл скат, не заметил крабишку — и ушел.

ТЕРЕМОК

Однажды мы с Пако подобрали на дне у самого берега причудливую ветку коралла, похожую на обломанный лосиный рог.

Вертятся у кораллового рифа, плавают взад-вперед
яркие, как птицы, рыбы-хирурги и попугаи.

Этот кусок я приволок домой и бросил в таз с пресной водой.

Коралл, понятное дело, не был живым. На известковом его теле отсутствовала оранжевая слизистая пленка — он был ноздреват, порист, кое-где запачкан и оббит.

В таз я положил его для того, чтобы промыть, а затем высушить на солнце.

«Пусть полежит! — решил я. — Таз закрывать сверху ничем не буду — мертвый камень, что от него ждать?»

Но тут мое внимание привлекла одна из дырочек. Кто-то старательно пытался выбраться наружу. Порск! — из норки выскочила черная с голубыми искорками рыбка хромис — одна из самых маленьких рыб кораллового рифа.

Из другой норки показались мохнатые ножки краба. Малыш вылез наружу, перебрался на эмалированную стенку, попробовал бежать по ней, сорвался и замер на дне, испуганно тараща глазки.

Выплыла креветка. Она тоже пряталась в какой-то дырочке. Показался червь — ярко-красный, с пучком усилов-щупалец на голове. Червь повертел головой, хлебнул пресной воды да так и замер, пораженный ее вкусом.

Таз наполнялся с каждой минутой. Из всех щелей, дырок, впадин лезли, выкатывались, выбирались усатые, колченогие, головастые обитатели кораллового дома.

Терем-теремок, кто в тереме живет?..

Я торопился к Родольфо, который должен был ехать в тот день в город. Подняв таз, я отнес его на берег и осторожно вылил воду вместе с ее беспокойным населением на клыки себорукко. Очутившись на мокрых камнях, рачки, рыбки, черви запрыгали, заметались. Легкая волна накрыла их. Когда вода сошла, никого из беспокойных обитателей теремка на берегу не было.

Я отнес таз назад в комнату, снова налил его пресной водой и плотно накрыл листом фанеры: «Может, там еще кто-то — в теремке?»

БЫВАЕТ И ТАК

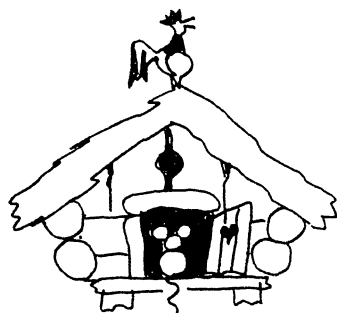
В море так: у кого зубы больше, тот и прав.

Ну, как камбале от акулы уйти? Мчится камбала над самым дном, к песку, к камням прижимается — не отстает от нее мучительница. Голова — с ведро, рот — во всю голову.

Каждый зуб — что твой нож.

Считай, нет камбалы.

...Случилось мне плавать около мертвой рощицы оленерогих. Маленькие строители-кораллы не рассчитали, подвели свои домики чересчур близко к поверхности воды. Прошел шторм — переломал, переколотил хрупкие известковые ветви. Остались лежать на дне побелевшие стволы, путаница сучков... Как бурелом в лесу.

Впереди забелело, замельтешило — прямо на меня плыла стая серебристых рыб. У каждой желтые галунчики — плавники. «Кахи» — называл их Пако.

Кахи плыли не торопясь, каждая соизмеряя свое движение с движением всей стаи. Они тянулись нескончаемой процессией, медленно, как проходит улицей пестрый, уставший на параде полк. И вдруг среди ближайших ко мне рыб произошло движение.

Круто набирая высоту, к стае приближалась большая зеленоватая барракуда. Не обращая на меня никакого внимания, она проплыла рядом. Подуздовая нижняя челюсть приопущена — желтые, торчащие вверх зубы обнажены.

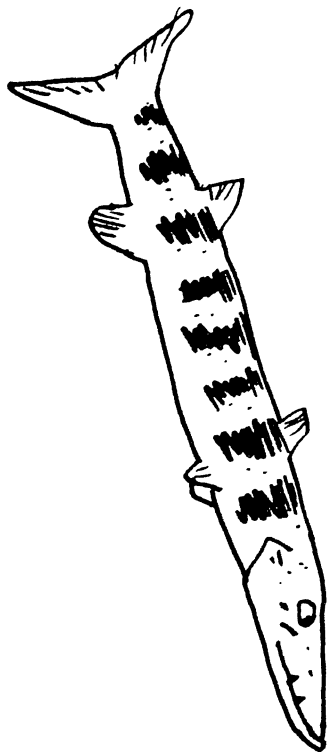
Я не успел пошевелиться, как барракуда атаковала стаю.

«Ну, конец! — подумал я. — Сейчас полетит брызгами чешуя!»

Но произошло неожиданное. Щука промахнулась. Когда она врезалась в стаю, та расступилась. Хищница сделала бросок вправо. Щелкнули зубы — промах. Жертв было слишком много! Они суетились перед глазами щуки, появлялись под самым носом и исчезали, сбивая прицел.

Барракуда выскочила из стаи, описала крутой вираж и бросилась в повторную атаку. Снова расступилась перед ней серебряная стена, замелькали-завертелись желтые плавнички. Еще промах!

Огромная стая повернула и стала отступать. Обескураженная хищница

сделала еще одну попытку — неудачно! — и остановилась. Тяжело раскрывая рот и приподнимая жаберные крышки, она смотрела вослед удаляющейся стае. Кахи исчезали, поблескивая желтым и белым. И только тогда барракуда вспомнила обо мне. Она изогнулась, посмотрела бесцветными, холодными глазами на странное существо, застывшее у поверхности воды, и пошла прочь.

Она плыла, едва заметно двигая хвостом, постепенно приходя в себя и набирая скорость.

Большие зубы на этот раз не помогли. Все случилось как в лесу у того волка, который погнался за двумя зайцами.

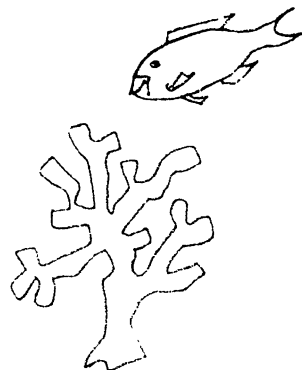
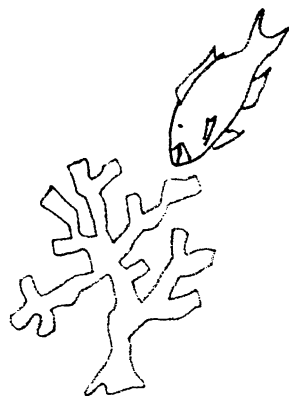
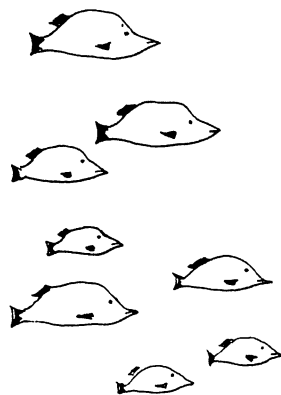
БЕЛЫЙ ПЕСОК

Плавая у коралловых скал, я всегда удивлялся: откуда около их подножия белый песок?

Неоткуда взяться тут белому песку!

На опушке коралловой рощицы я заметил как-то стайку попугаев. Бледно-зеленые, с розовыми крапинками рыбы деловито суетились около раскидистых оленьих рогов.

Оленерогий коралл — если он, конечно, живой — желто-зеленого или горчичного цвета; умирая, коралл сереет, и на нем появляются красноватые пятна. Затем исчезают и они, и причудливая роща стоит, поднимаясь со дна бесформенной кучей хво-

роста, а океан неторопливо засыпает ее порошинками ила.

Эти кораллы были живыми. Попугай то и дело подплывали к ним и, сунув головы между ветвей, застывали, занимаясь каким-то своим важным и непонятным для меня делом.

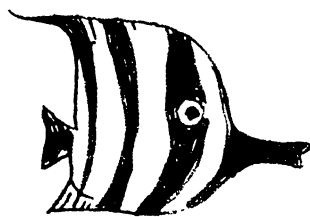
Я подобрался поближе и стал наблюдать.

Большой попугай, обманутый моей неподвижностью, подплыл и начал обследовать ветку. Он тыкался губами-клювом в желтые липкие отростки, ухватывал их, повернувшись на бок, отламывал кусочек и начинал, смешно подергивая головой, жевать.

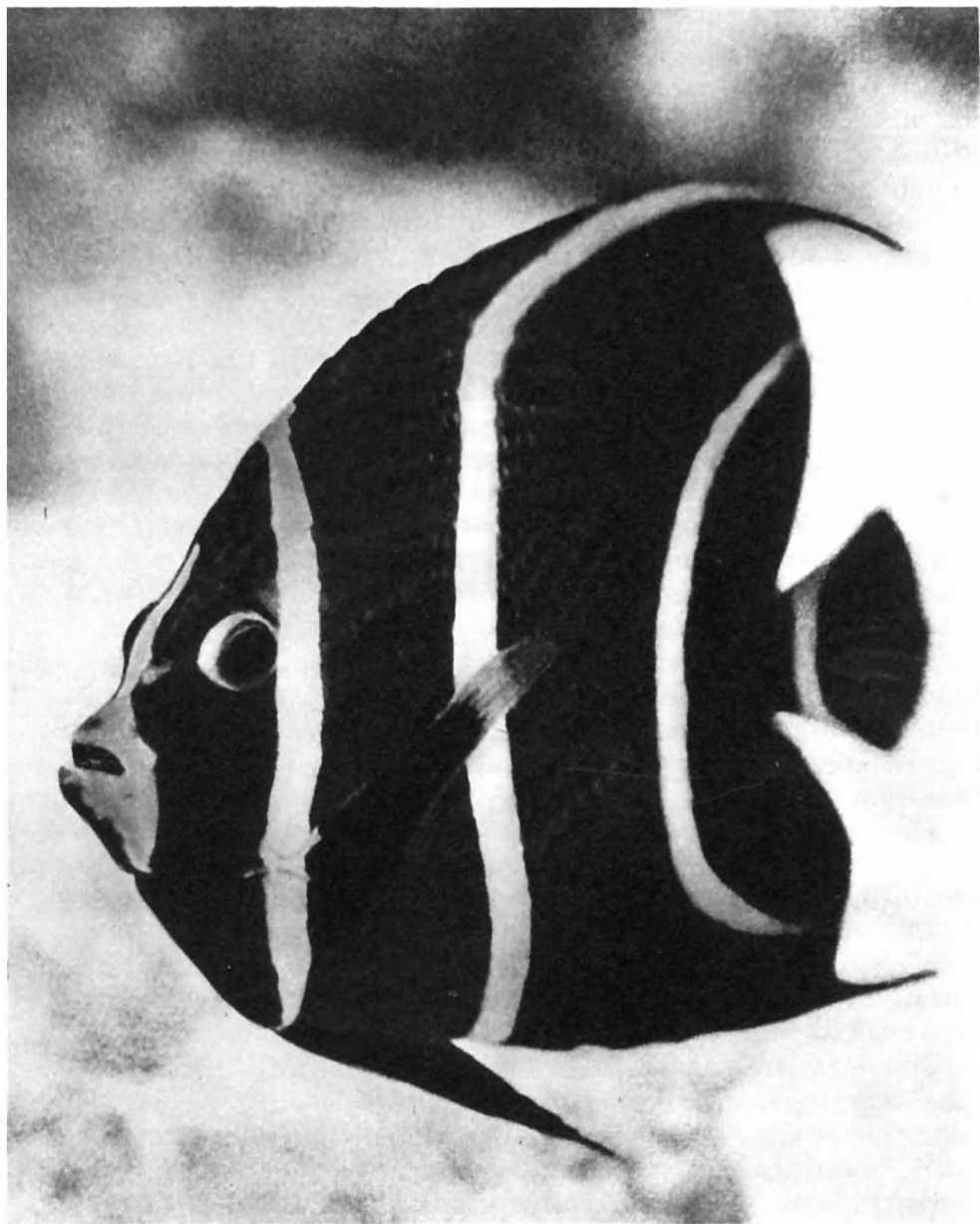
Пожевав, попугай сплевывал. Желтое мутное облачко, клубясь, опускалось на дно. С завидным проворством рыба налетала раз за разом на это облачко, что-то выхватывая из него. Облачко вытягивалось. Раньше других на дно опускались светлые каменные частички мертвого коралла.

Так вот в чем разгадка белого песка! Это перемолотый рыбами известняк из затейливых коралловых построек.

Я осмотрелся. Вокруг меня кипела неустанная, хлопотливая работа. Сотни рыб набрасывались на причудливые оленьи рога, на изогнутые чаши, перетирали-пережевывали кусочки камня, отделяя от него крошечные комочки вкусной слизи. Желтые облачка, клубясь, опускались на дно — падал, падал белый коралловый песок, который так удивлял меня раньше.

Рыба-ангел — синего цвета с белыми четкими полосами — одна из самых ярко окрашенных рыб тропического моря.

ОПЯТЬ ЧЕРЕПАХА

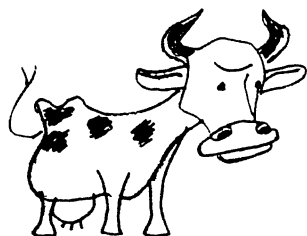
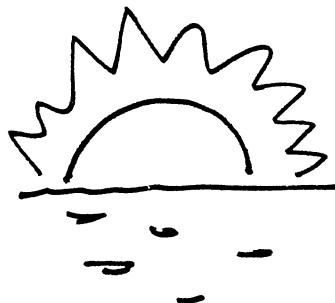
В тот же день, возвращаясь с рифа, я снова встретил черепаху.

На этот раз она бродила в зарослях талассии.

Черепаха копошилась у самого дна, лапами подминала под себя траву и, вытягивая шею, щипала ее, кончик морды ходил вверх-вниз. Не переставая жевать, черепаха подняла голову и настороженно посмотрела на меня. Я висел над ней, раскинув ноги и опустив лицо в воду. Черепаха поняла, что бояться меня не надо.

Несколько минут мы смотрели друг на друга. Потом она опустила голову и, набрав полный рот травы, принялась снова жевать.

Я поплыл прочь. Вот еще на кого похоже это морское животное! В тот момент, когда черепаха щипала траву, она была похожа на обыкновенную медлительную корову.

НАХОДКА

Километрах в пяти от деревни был пляж. Тусклый, серый песок, неглубокая, изогнутая серпом бухта.

Мы попали туда с Родольфо душным полднем, после того, как тропический ливень остановил на дороге нашу машину. Он начался внезапно. Белая пелена упала на рощи и поля. Свет померк, стена водяной пыли отделила машину от остального мира. На автомобиль с ревом надвинулся

вал, в котором попеременно бесновались брызги воды, сорванные с деревьев листья, мусор, подхваченный с дороги. Обочина дороги стала невидима.

Хлесткие струи били в ветровое стекло. Внутри автомобиля все покрылось влажной, липкой пленкой.

Ливень кончился так же неожиданно, как начался. Белая пелена дождя разорвалась. Наша машина стояла посреди огромной лужи коричневого цвета. Дождь превратил дорогу в жидкое месиво. Вязкая, перемешанная с водой земля пузырилась.

Родольфо включил сцепление, колеса с натужным чавканьем завертелись. Мы поползли по воде со скоростью улитки.

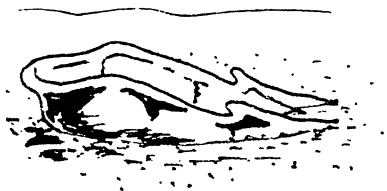
Кряхтя и переваливаясь с боку на бок, машина выехала на пляж, мы покатали по нему, то и дело замедляя ход, чтобы перебраться через русло очередного ручья, рожденного только что закончившимся ливнем.

Эти ручьи рассекали однообразную поверхность берега, прорезали пласты песка, обнажали то, что еще недавно было скрыто от глаз.

На дне одного ручья я заметил черепаший панцирь и попросил Родольфо остановить машину.

Это были останки довольно крупного животного. Черепаха лежала спиной вниз, полузанесенная песком. Маленький череп с пустыми глазницами, отделенный от шейных позвонков, валялся поодаль.

Шагах в трех ниже по течению из песка выступал красноватый камень.

Я присел и стал руками откапывать его.

Камень оказался панцирем второй черепахи. Он тоже был перевернут.

Меня окликнули — Родольфо нашел еще несколько черепах. Они лежали, беспомощно раскинув остатки лап, спинами вниз, панцири полны мокрого песка.

— В чем дело, Родольфо? Почему они перевернуты? Что случилось? — спросил я. — Шторм? Звери?

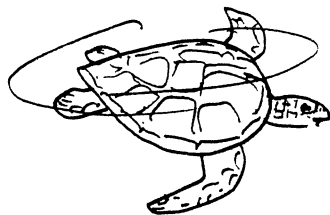
— Человек, — ответил мой спутник.

И всю дорогу, пока наш автомобиль, буксуя и скрипя шинами, преодолевал песчаные завалы, он рассказывал мне о том, как еще полстолетия тому назад на песчаные пляжи острова каждый год приплывали тысячные стада черепах. Закованная в панцири армия по ночам бороздила песок, и сотни тысяч белых, похожих на шары для пинг-понга яиц сыпались в ямки, вырытые нежными лапами самок.

...Он был тогда мальчишкой и жил на южном берегу острова. Там еще сохранялись остатки черепаших пляжей, но ловля черепах во время кладки яиц была уже запрещена.

Рано утром Родольфо и увидел на берегу трех больших черепах, перевернутых на спины. Они лежали на полпути от воды до того места, где кончались их следы, оставленные ночью во время кладки.

Мальчик присел около одной. Животное лежало опрокинутое навзничь,

медленно шевеля лапами, тщетно пытаясь зацепиться когтями за рыхлый песок. Утреннее солнце уже начало раскалять панцирь. Мальчик заглянул черепахе в глаза. Они были полны влаги.

Тогда он присел на корточки и попытался перевернуть черепаху. В ней было больше ста килограммов.

Послышался скрип колес. Родольфо отбежал к ближайшим кустам и спрятался в них.

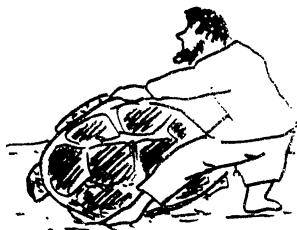
На пляж выкатилась повозка, запряженная лошадью. Человек в соломенной шляпе, надвинутой на глаза, спрыгнул с повозки. Торопясь и поминутно оглядываясь, он стал нахлестывать лошадь. Та сдала повозку назад и остановилась около одной из черепах. Подошли еще два человека. Втроем браконьеры погрузили на повозку черепах.

Увязая в песке, лошадь потащила груз...

— Они ловили ночью черепах и переворачивали их,— закончил Родольфо.— А утром забирали...

Он рассказал, что на дальних пляжах, откуда черепах можно было вывести только лодкой, браконьеры оставляли черепах лежать по нескольку дней. Если случалась непогода или кто-то мешал им, браконьеры не приходили. И черепахи перестали класть яйца на этих пляжах. Они ушли в океан, искать безлюдные острова...

Мы обогнули бухту и возвратились на дорогу в том месте, где снова начинался асфальт.

Когда в XV веке каравеллы Колумба впервые пересекли океан, одним из чудес Нового Света, глубоко поразившим моряков, были бесчисленные стада морских черепах, встреченные ими в Карибском море.

Черепах было так много, что порой их стада преграждали кораблям путь.

След черепахи на песке.

В настоящее время на земном шаре осталось пять видов морских черепах: зеленая, или суповая, черепаха, черепаха ридлея, бисса, кожистая черепаха и логгерхед.

Было время, когда в Мировом океане обитали огромные черепахи. Самая большая

из них достигала в длину четырех метров.

Панцирь такой черепахи — это целый плот или крыша небольшого дома.

Вся история освоения европейскихцами Американского континента, как это ни странно звучит, тесно связана с морскими черепахами, а точнее, с одной из них — зеленой, или суповой. Мясо этого животного очень вкусно и питательно, а сама черепаха выдерживает пребывание на корабле без пищи в течение нескольких месяцев. В средние века ни один капитан, достигнув островов Центральной Америки, не упускал возможности пополнить запасы мяса за счет черепах. Тысячи и десятки тысяч их ежегодно становились живыми консервами для открывателей новых земель, авантюристов, рыбаков, китобоев, купцов и работорговцев.

Черепахи размножаются, откладывая яйца в песок на пустынных пляжах. Для этого самки покидают море, выходят (обычно ночью) на берег и, отойдя достаточно далеко от берега (песок должен быть сухим и теплым), роют ямку, в которую затем самка кладет около ста яиц. Солнце и время довершают остальное. В яйцах

Лучший способ покормить гиганта группера — это обнять его одной рукой, а второй преподнести ему корм.

развиваются черепашата, которым, для того чтобы вернуться в море, надо проклюнуться из яйца, пробежать несколько десятков метров по суше и, преодолев прибой, скрыться в океане.

Численность морских черепах во всем мире особенно быстро сократилась из-за того, что и яйца черепах тоже оказались деликатесом. Только на севере острова Калимантан в течение 1929—1936 годов было собрано для продажи свыше двух миллионов яиц зеленой черепахи. Кроме человека, за черепашьими яйцами охотятся лисы, шакалы и собаки, которые в огромных количествах собираются ко времени кладки яиц на пляжах.

Не меньше опасностей ждет и маленького черепашонка. Если ветер нанес над его яйцом толстый слой песка, черепашонок может не выбраться наружу. Выберется — наверху его подстерегают те же хищники, которые охотились за яйцами. И птицы. А если отважная маленькая черепашка и достигнет воды, то ей надо миновать еще один кордон — из рыб, которые, тоже следуя таинственному расписанию, собираются в воде у черепашьих пляжей точно в назначенный природой срок.

С жизнью черепах до сих пор связано много загадок. Например, не известно, где проводят свою жизнь некоторые виды черепах после того, как они вылупились из яиц и вернулись в море. Известно только, что снова они появляются у берегов уже годовалыми.

Ласты черепахи — почти крылья.

Загадочны и причины, которые приводят взрослых черепах для кладки яиц точно к тем пляжам, где они когда-то родились. Черепахи, вышедшие из яиц на острове Вознесения (в средней части Атлантического океана), уплывают от него к берегам Бразилии (около двух тысяч километров по прямой), а спустя год-два предпринимают обратное путешествие. Они находят крошечный остров, проделав длительное и трудное плавание, с точностью, которой могут позавидовать самые искусные штурманы!

Поймали черепаху.

Для того чтобы узнать секрет черепах-навигаторов, ученые пускались на разные хитрости. Они метили черепах, прикрепляли им на спину ярко окрашенные воздушные шарики и даже укрепляли аэростаты с радиостанциями. Всерьез рассматривается и такой проект — организовать слежку за черепахами с помощью искусственных спутников Земли.

Черепахи, вероятно, плывут, ориентируясь по солнцу и звездам, а также с помощью запахов, которыми так богата морская вода.

Проблема сохранения морских черепах уже поставлена на повестку дня. В ряде стран категорически запрещена всякая охота на черепах во время кладки ими яиц. Взяты под охрану пляжи, где черепахи откладывают яйца.

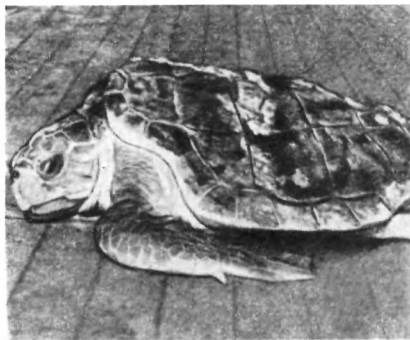
Делаются опыты выращивания черепах в инкубаторах, а также на специальных фермах.

Решено также попробовать восстановить некогда знаменитые черепаховые пляжи.

Для этого собранные в других местах яйца привозят на самолетах и закапывают в песок.

Есть первые данные о том, что черепахи, рожденные в таких условиях, возвращаются для кладки яиц на этот пляж.

Охрана черепах и восстановление их стад представляет международную проблему. Ведь черепахи во время своих миграций пересекают многие границы, а некоторые — путешествуют на расстояния, равные четверти дуги земного шара.

Морская черепаха.

КУСОЧЕК КАМНЯ

Остановив автомобиль около обрывистого берега, мы с Родольфо решили искупаться.

Тропинки не было, и мы совершили спуск на собственных штанах.

— Это есть теперь большая работа! — грустно проговорил Родольфо, осматривая лохмотья, в которые превратились его брюки.

— Ничего, зашьем! — утешил я его.

Мы сидели на валуне и прикидывали, как бы получше и побезопаснее сползти с него.

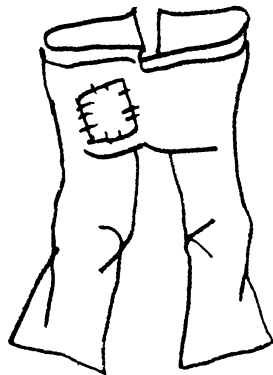
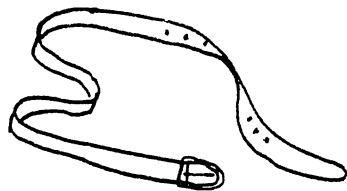
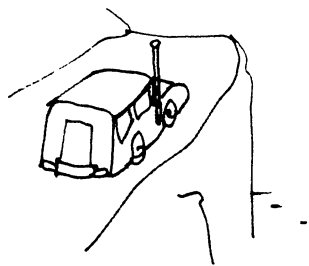
Вода оказалась прозрачной, как стекло. Нырнув, я увидел огромный камень, с которого прыгнул, и уходящие вдаль подножия береговых утесов, и тучи рыб.

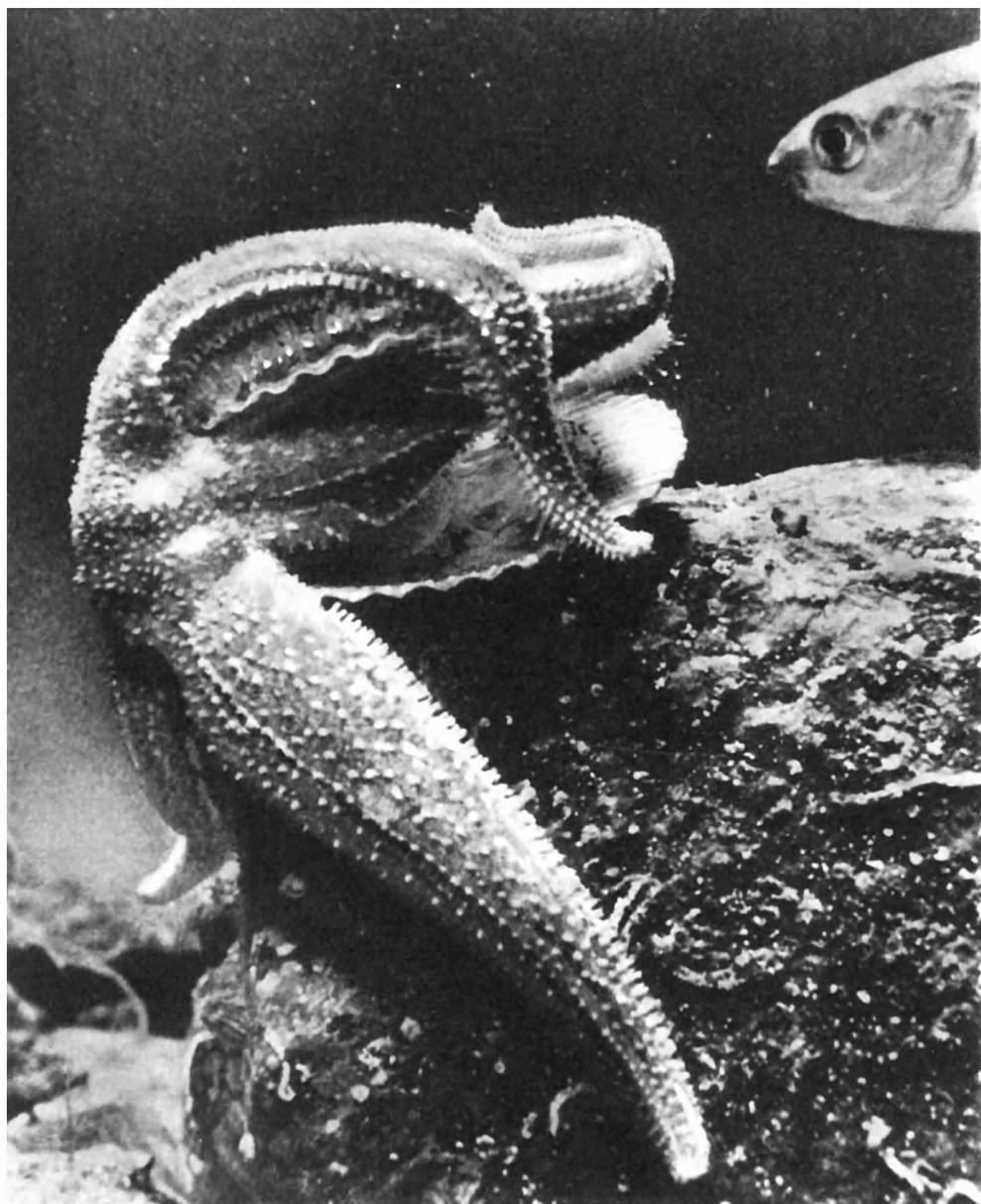
В облаке пузырей в воду свалился Родольфо.

Пока он шарил у подножия валуна, я подплыл к самому берегу.

Ниже уровня воды — метрах в пяти — виднелась темная ниша. Она тянулась вдоль берега, прерываясь и возобновляясь. Каменный карниз нависал подобно козырьку.

Здесь когда-то было море. С размаху ударяя о скалы, вода выдолбила нишу. Бесконечный и могучий прибой распылил камень, превратил его в песок и щебень. Потом море поднялось, и каменная ниша оказалась на глубине, у дна, где бродят молчаливые рыбы и шевелятся, как тени, колченогие крабы...

Обитатель известкового дома — моллюск обречен: морская звезда уже с силой развела створки его раковины.

На белом песке у подножия ниши лежал обкатанный морем известковый голыш. Правильной формы, как яйцо. Я схватил его и всплыл...

Исцарапанные и грязные, мы поднялись наверх, туда, где стоял автомобиль.

Родольфо стал заводить мотор, а я, присев около колеса, стал ковырять свой голыш отверткой. Камень развалился пополам, и из него выпал кусочек белого, рыхлого металла. Я лизнул его. Кисловатый вкус свинца растекался по языку.

— Смотри, Родольфо, пуля! — закричал я.

Автомобильный мотор уже гудел. Мой товарищ вылез из кабины.

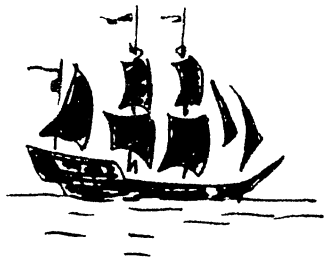
— Пуля, — равнодушно согласился Родольфо.

Я повернулся. Внизу, у моих ног, неподвижно синело море. Круто падали коричневые, в белых потеках скалы. Это было море войн. Сотни лет воды его бороздили вооруженные до зубов парусники. Испанские чиновники везли в трюмах галеасов отнятое у индейцев и переплавленное в слитки серебро. Английские и французские пираты подстерегали отбившиеся от «серебряных» флотилий суда. Североамериканские броненосцы рыскали в поисках противников-южан. Грязные, без роду и племени баркентины крались вдоль берегов, тая в своих трюмах «черное дерево» — рабов, вывезенных из Африки.

Пули. Свинцовые пули свистели над этим морем.

пуля

КЕМ ТЫ БУДЕШЬ, ПАКО?

Подбирая с трудом слова, я спросил Пако, кем он собирается стать.

Мы сидели на красных клыкастых камнях, подложив под себя ласты, и смотрели, как возвращаются с моря рыбаки.

Паруса, покачиваясь, двигались вдоль рифа.

Пако задумался.

— Врачом или учителем, — сказал он.

— Твой отец врач?

Он покачал головой.

— Он механик. Он дает деревне свет. У него в сарае мотор и машина, из которой выходит электричество.

— А почему ты не хочешь стать механиком, как отец?

Пако долго искал ответа.

— У нас в деревне есть еще один механик... — наконец сказал он. — А врача нет. Мы ездим к врачу далеко, вон за тот мыс.

— А учитель?

— Один. Но он старый. Он скоро умрет.

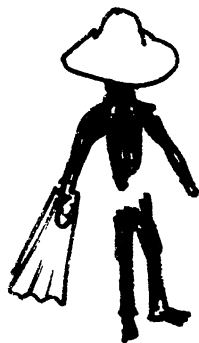
— Ты еще в начальной школе?

— Кончаю. Осенью меня увезут в город. В секундарию...

Секундария — школа второй ступени. Я сказал:

— Ладно, как учит учитель, ты знаешь. А вот врач. Как он живет? Трудно ему или легко — что ты можешь сказать?

— Он лечит. Потому что люди болеют и их надо лечить.

Коричневые паруса обогнули риф и направились к деревне. Они шли теперь прямо на нас. Ветер дул им в борт, и лодки сильно кренились.

— А рыбаком ты не хочешь стать? Пако покачал головой.

— Нет. В прошлом году у нас утонули двое. Они пошли в хорошую погоду, а потом разыгрался ветер. Из города приходил моторный катер. Он ничего не нашел.

— Но ты же храбрый.

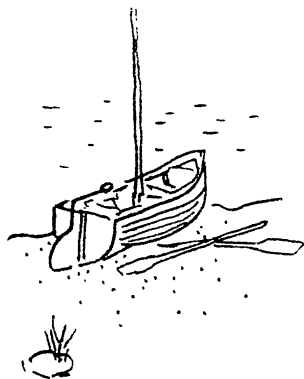
— Ну и что ж? Рыбаков много.

Первая лодка достигла берега. Не доходя метров десять, она уронила парус, нос лодки приподнялся и со скрипом вылез на песок. За ней косяком подошли другие.

— Эй, Пако! — крикнули с первой лодки. — Сбегай к председателю, скажи: у нас много рыбы. Нужна машина — в город везти.

Пако вскочил, поднял ласты и трусцой побежал к домам.

Перебегая дорогу, он остановился и, приложив руку дощечкой ко лбу, посмотрел вдаль. Вдоль берега по дороге, приближаясь к деревне, катилась белая точка.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Точка росла, приближалась и наконец превратилась в белый автомобиль.

Я ахнул: это был тот самый лимужин, который повстречался нам около старой крепости.

Машина, скрипнув тормозами, качнулась и стала. Из нее выскочил переводчик.

— Привет! — сказал я. — Какими судьбами?

Парень сначала обрадовался мне, потом махнул рукой.

— Ездим, — мрачно сказал он. — Вторую неделю ездим. Из машины не выходим.

Он вздохнул.

— Турист все молчит?

— Молчит.

В автомобиле опустилось боковое стекло и показалась красная физиономия с сигарой. Толстяк повертел головой, поднял было фотоаппарат, опустил его и исчез.

— Всё снимает?

— Бензоколонки. Остальное — мимо. Кактусы — мимо. Замок времен Колумба — мимо. Праздник урожая в деревне — мимо.

Теперь вздохнул я.

— Трудно вам. Но вы-то на высоте? Объясняете ему все, рассказываете?

— Объясняю.

— По-итальянски?

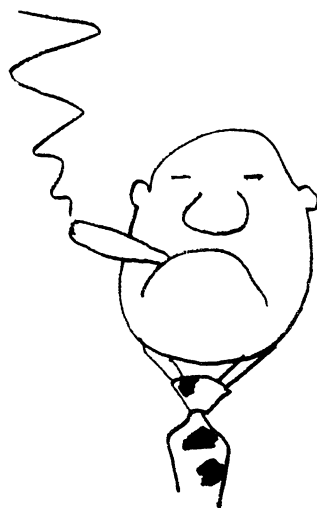
— По-итальянски.

— И то хорошо, хоть один не молчит. Да, — вспомнил я, — а шофер?

— Глухонемой. Он с нами жестами «разговаривает».

— Н-да... Поездочка!

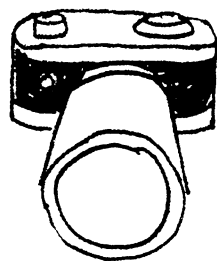
Из машины высунулся шофер и вопросительно посмотрел на переводчика. Тот с тоской оглядел нашу деревню, дома, лодки.

— Хорошо тут у вас, — сказал он. — Люди. Разговаривают. Шутят. — Он тоже влез в автомобиль и закрыл дверцу. — Кстати, по радио обещают шторм. Прощайте!

— Пока!

И они умчались.

УРАГАН «КЛАРА»

В деревне было три радиоприемника. Их почти никогда не включали днем и редко — вечером.

Теперь работали все три.

Они были включены на полную громкость, и среди дощатых хижин несло: «Клара»! «Клара»!»

К острову приближался ураган. Какой-то весельчак много лет назад придумал давать ураганам женские имена. Сейчас вслед за радио все жители поселка повторяли шепотом: «Клара»!»

Сначала в небе появились изогнутые облачные нити. Они, как коготки, царапали голубой свод и медленно смещались к северу. Потом напозла хмарь — серые слоистые тучи заслонили солнце, протянулись до горизонта. Тонко завыл ветер.

В деревне закрылись окна и двери. Торопливые женщины волоком тащили под навесы снятые с веревок связки белья.

Небо потемнело. Ниже темных, насыщенных влагою туч появились обрывки тумана. Они неслись уже над самой землей.

Clara!

Clara!

Clara!

Тонкий свист ветра превратился сначала в завывание, а потом в рев. Хлынул дождь.

Потоки воды не успевали достичь земли — их подхватывал вихрь. Белые струи изогнулись и помчались почти параллельно земле. Дождь лил не на крышу — сноп водяных брызг обрушивался на стену дома. Дождевые капли неслись над лужами, ударяясь о воду, подпрыгивая и улетая прочь. Лужи слились в одно большое болото. Дома очутились в воде. Там, где недавно была дорога, бушевал коричневый мутный поток.

Ветер отжал от берега воду, и море, тусклое, кофейного цвета, все в ореоле брызг, отступило, обнажив каменные клыки рифа...

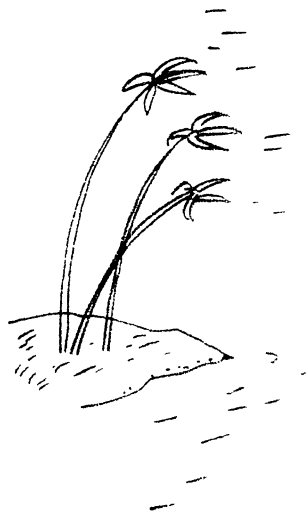
Наш берег «Клара» задела крылом. Отбушевав, к вечеру, она ушла. Притихшая, почерневшая от воды деревянная молча встретила ночь.

Вызвездило. Небо очистилось от туч, и замысловатые, похожие на старинные испанские гербы, созвездия яркими огнями вспыхнули над островом.

Море вернулось. Невидимые в темноте водяные валы равномерно, как удары часов, обрушились на берег.

Даже редкие в этих местах москиты исчезли, но сна не было. Я лежал на влажной от дождя постели и широко открытыми глазами смотрел в окно на огромные разноцветные звезды.

Утром, чуть свет, мы с Родольфо отправились на берег. Там уже собралось чуть ли не все население деревни.

Люди кричали что-то друг другу и показывали на море.

Среди коричневых водяных валов к берегу двигалось блестящее черное пятно.

— Кит! — крикнул Родольфо. — Кит идет.

СЕКРЕТ ГИБЕЛИ

Животное было обречено.

Каким-то чудом ему удалось миновать рифовый барьер, и теперь кит, находясь на мелководье, двигался вместе с волнами к берегу. Он то останавливался, то ударял по воде хвостом. Временами кит оказывался на камнях и замирал до тех пор, пока высокий вал не снимал его.

Волны несли животное к тому месту, где песок подходил к самым хижинам и где были вытащены на берег лодки.

— Готов! — сказал Родольфо, когда синяя туша оказалась в полосе прибоя. — Бежим?

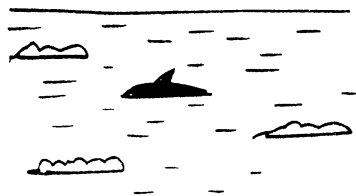
Люди наперегонки мчались к киту.

Еще несколько ударов волн, и он очутился у самого берега.

Это было не очень большое животное, иссиня-черного цвета, с высоким спинным плавником и выпуклым большим лбом.

Нижняя челюсть кита выдавалась вперед, и на ней белели два больших зуба.

— Бутылконос! — сказал Родольфо и побежал к рыбакам просить, не

Бутылконос

стащат ли они животное назад в воду...

Песок под бутылконосом медленно окрашивался в алый цвет.

— Он ранен, Родольфо! Ранен! — крикнул я.

Рыбаки, которые уж начали было суесться около лодок и принесли канат, чтобы накинуть на хвост животного петлю, вернулись.

Светлое брюхо кита было разорвано об острые края кораллов в то время, когда волны перебрасывали его через риф.

Животное истекало кровью.

Помочь ему уже было никак нельзя...

К нам подошел Пако и о чем-то горячо стал говорить с Родольфо. Я понял, что он спрашивает о ките: почему тот погиб?

— Это большой секрет, — сказал Родольфо. — Очень большой секрет. Многие ученые стараются разгадать его. Киты выбрасываются на берег даже стадами.

Пако было жалко кита.

Он зашел в воду по пояс и, стоя в пене и брызгах около огромного животного, гладил скользкий складчатый иссиня-черный бок.

Вода то окатывала их с китом, то отступала, обнажая серый песок с розовыми, идущими от бутылконоса пятнами.

Вечером Родольфо рассказал мне историю, которая произошла на юге Американского континента.

КАТАСТРОФА НА ПЛЯЖЕ

Ночью бушевал шторм, а рано утром жители маленького аргентинского курортного городка Мардель-Плата были разбужены криками:

— Дельфины! Дельфины!

По мокрым от дождя улицам, засыпанным сорванными с деревьев листьями, бежали по направлению к пляжу сотни людей.

Странное и пугающее зрелище представилось их глазам.

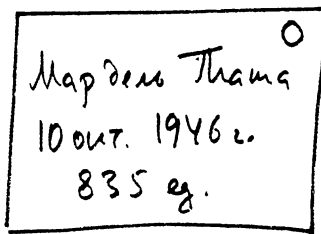
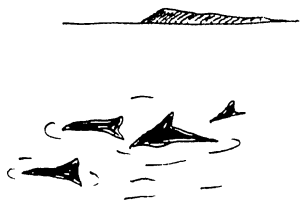
Вдоль всего пляжа, повсюду в воде чернели туши животных. Это были малые косатки. Несколько сотен. Люди, пораженные размером катастрофы, шумели на берегу.

Мутные, желто-белые валы медленно накатывались на блестящие тела.

Большинство животных уже было недвижимо. Оставшиеся слабо шевелили хвостами. Изредка какая-нибудь косатка пробовала подпрыгнуть.

Ветеринарный врач, очутившийся тут, предложил стаскивать с мели туши погибших животных и катерами буксировать их в океан. Если тела оставить на берегу, пляж окажется заваленным тоннами разлагающегося мяса...

Ученые, узнав об этой катастрофе, не очень удивились. Лишь на специальных карточках, в которые заносились сведения о случаях массовой гибели китов, была сделана пометка: «Мардель-Плата, 10 октября 1946 года, 835 единиц».

Голландский биолог Ван Хил Дудок собрал все известные факты обсыхания (гибели) китов. В его картотеке оказалось сто тридцать три случая.

Сев на мель или очутившись вне воды, китообразные начинают сильно бить хвостом, впадают в панику и, как правило, погибают через какое-то время либо от перегрева тела (теплового удара), либо от удушья, после того как в их легкие попадает много воды.

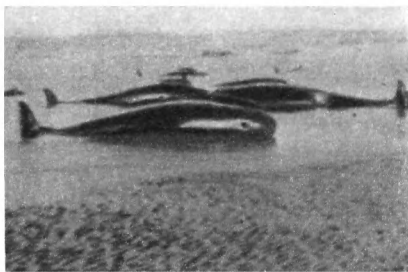
Попавшие в беду животные издают громкие крики.

В марта 1784 года в гавань Одьерн на северо-западном берегу Франции во время сильного прилива и при юго-западном нагонном ветре вошло стадо мелких кашалотов. Всего на песчаный берег были выброшены тридцать два животных. Они оставались живыми несколько дней. Их рев слышали даже жители деревень, расположенных в четырех километрах от гавани.

В конце февраля 1911 года на обширный песчаный пляж острова Перкинс выбросились 36 кашалотов самцов и одна самка. Во время отлива стадо обсохло.

Кашалоты неоднократно заходили в устья рек и там погибали: Темза — группа из двенадцати самцов, Эльба — стадо в семнадцать голов, Луара — пять кашалотов...

В 1922 году огромный синий кит длиной около тридцати метров проник из Карибского моря в горло Панамского канала и задержал там на несколько часов всю навигацию.

Обсохшие дельфины-гринды.

В реку Енисей в сентябре 1950 года вошел по ошибке пятнадцатиметровый финвал. Он добрался до города Дудинка в четырехстах километрах от устья и только там погиб.

В от еще несколько случаев из картотеки Ван Хила:

«1934 год — остров Цейлон — 97 малых косаток».

«1955 год — Оркнейские острова — 53 гринды».

И снова гринды, обыкновенные дельфины, косатки... Берега Шотландии — стадо косаток в сто двадцать семь голов, Чатэмские острова — несколько сот косаток, Южная Африка близ Мамбре — двести косаток. Берега Средиземного моря, Голландии, Мексики, Калифорнии...

Условия, при которых происходят катастрофы с китами, оказались очень похожими. Почти во всех случаях местами массовой гибели дельфинов и других китов были пляжи, илистые отмели, низменные берега. Обычно катастрофам также сопутствовали непогода, сильный, направленный к берегу ветер, зыбь после шторма.

Плавник обсохшего кашалота.

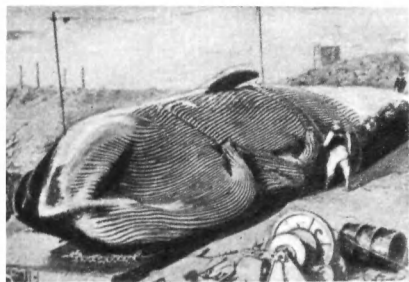
Ученые нанесли на карту места катастроф. Точки сгруппировались около устьев рек и пляжей. Настоящими ловушками, например, оказались устья рек Охотского моря — Уды и Алы.

Из возможных причин, вызывающих гибель китов, первым был отброшен шторм: любое морское животное может при его приближении своевременно уйти от берега. Так поступают даже слабые студенистые медузы. Зыбь и любые ветровые волны тоже не мешают киту для плавания — это видят каждый год китобой в «ревуущих сороковых широтах» Южного полушария.

В древности причиной массовой гибели китов (о ней хорошо знали, например, греки) считали самоубийство.

В средние века, когда возникла медицина и стали известны виды психических болезней, было предложено такое объяснение — помешательство вожака. Следуя за помешанным, все стадо попадает на мель и гибнет.

Грин, исследователь из Кейптауна, объясняя в 1945 году частые случаи обсыхания малых косаток на берегах Южной Америки, выдвинул предположение, что они являются следствием стремления животных отыскать предполагаемый исторический пролив из Атлантического в Индийский океан, которым якобы животные пользовались в далеком прошлом.

Синий кит на берегу.

Английский зоолог Фрейзер объяснял случаи обсыхания китов на английских берегах сильными ветрами, которые подгоняют рачков — пищу китообразных — к самому берегу. Преследуя их, считал ученый, в опасной зоне оказываются и киты.

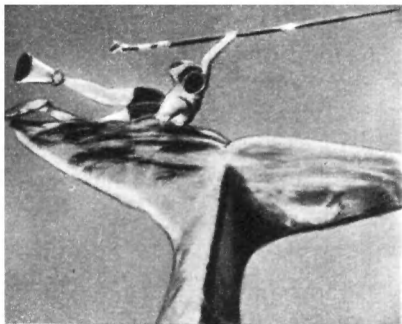
Работа Ван Хил Дудока закончилась выводом, который принят в настоящее время всеми учеными. Его объяснение базируется на открытии и изучении в последние десятилетия факта применения китообразными подводной эклокации.

Ученые считают, что катастрофы с китами происходят из-за отказа этой системы навигации животных. Во время шторма в воде появляется масса воздушных пузырьков, частиц песка и ила. Ветер и волны особенно сильно взмучивают илистое или песчаное дно

на мелководье. В такой воде гидролокатор животного начинает давать «осечки».

Ван Хил Дудок объяснил причину, по которой может погибнуть одиночное животное. Однако загадкой еще оставались факты, напоминающие массовое сумасшествие, когда десятки животных одно за другим, не пытаясь спастись, упорно шли на берег, где уже подавали сигналы бедствия их товарищи.

Советский ученый А. Г. Томилин объясняет массовые случаи гибели тем, что у китообразных чрезвычайно сильно развит инстинкт сохранения вида. Услыхав сигналы бедствия нескольких попавших в беду (обсохших) особей, все стадо устремляется им на выручку. Киты, дельфины идут оказать помощь товарищам, забывая о какой-либо осторожности, и... гибнут сами.

Аквалангист и кашалот.

Шторм только что отгрохотал. Но плыть на риф было рано.

Вода за ровной линией песчаного пляжа была мутная, серая. Горбатая зыбь лезла на берег.

И все-таки я поплыл.

Ничего глупее предпринять я не мог. То поднимаясь, то опускаясь на пологих водяных холмах, я удалялся все дальше и дальше в море, ничего не видя под собой, не зная, как далеко до рифа.

Я рассчитывал, что место его выдадут буруны. Но, отплыв, понял, что сейчас среди коралловых глыб — водовороты, толчая и плавать там невозможно.

Правда, чем дальше я удалялся от берега, тем вода становилась менее мутной. Несколько раз подо мной мелькало черное дно, поросшее травой.

Я нырнул. Серая, кипящая вода. Тысячи пузырьков, мельчайшие песчинки и обрывки водорослей — все это приближалось, проходило у самого стекла маски, уносилось прочь. Глубже, глубже... Вода стала прозрачнее, прояснились, словно выступили на проявляемой фотопластинке, ряды черепашьей травы, проплешины на подводном лугу.

Надо мной волновалось серое облако. Оно клубилось, опускалось, поднималось снова. Оно смещалось, удалялось от дна, и казалось, что это ветер гонит над полем осеннюю, полную дождя тучу.

Бок о бок плывут лимонная акула и акула-нянька.

Горизонт сузился. В двадцати метрах ничего не было видно: ни одной рыбы. Хмурое безжизненное дно.

Прежде чем вынырнуть и повернуть назад к берегу, я посмотрел еще раз вперед. В той стороне, где, по моим расчетам, находился риф, в лиловой дымке бродили тени. Длинные и горбатые, они беззвучно появлялись и исчезали. Что это? Обман зрения?.. Сорванные штормом водоросли?.. Акулы?

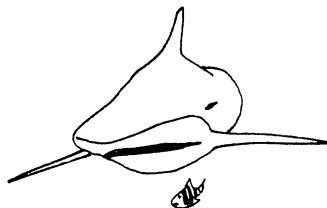
Скорее всего, это были они.

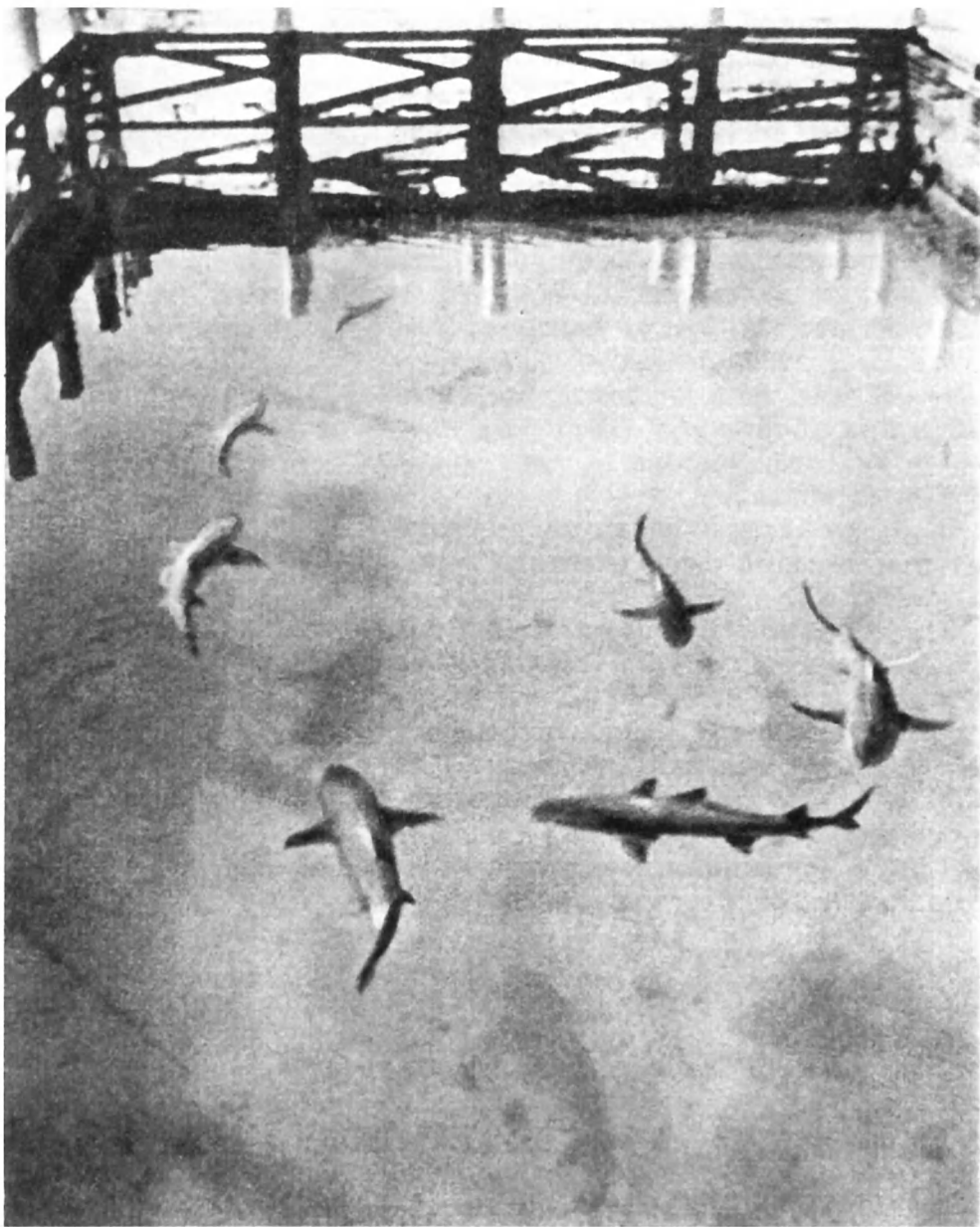
ПЕРВЫЕ АКУЛЫ

Первых акул я увидел не на рифе, а в бассейне в городе. Мы с Родольфо поехали туда, чтобы достать немного фотопленки, муки и консервов, и он отвел меня в институт, где был большой бассейн с проточной морской водой.

Мы пришли неудачно. Трое рабочих только принялись чистить его. Они спустили из бассейна почти всю воду и теперь бродили по дну, изо всех сил шаркая по бетону щетками на длинных палках. Щетки были с привязанными железными грузами. Рабочие терли щетками позеленевшее бетонное дно, оставляя на нем светлые полосы.

Огромные розовые туши лежали на дне бассейна. Люди, обутые в старые, размочаленные резиновые тапочки, деловито перешагивали через рыбы тела и продолжали уборку.

В загон поместили с десяток акул, беспокойных и прожорливых.

Над каждой тушей возвышался чуть отклоненный назад косой плавник.

— Мадре миа, да это же акулы! — сказал я.

И Родольфо подтвердил:

— Тибуронес!

Акулам, видно, было не до людей. Они жадно разевали кривые рты и глотали мутную воду, которая едва покрывала их затылки.

— И как они не боятся? — спросил я про уборщиков.

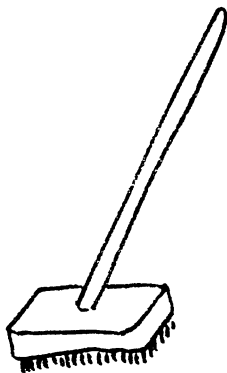
— Трабахо. Работа.

Мы торопились.

Я не дождался, когда уборка кончится и бассейн снова нальют водой до краев.

На обратном пути, трясясь в машине, которая с трудом пробиралась вдоль моря по разбитой, заброшенной дороге, я все время вспоминал огромных красноватых рыб, их жадно раскрытые рты и людей, озабоченно трущих щетками бассейн.

Еще я вспоминал все, что читал о нападениях акул на людей.

ВОПРОС НОМЕР ОДИН

Когда я собирался ехать в путешествие, все друзья в Ленинграде наперебой спрашивали меня:

— Что ты думаешь делать с акулами?

— Акул ты учел?

Акулы превратились для меня в вопрос номер один.

— В общем-то, они на людей не нападают,— утверждали одни.— Вон в Калифорнии есть даже клуб «Верхом на акуле». Членом его может быть всякий, кто хоть раз проедет на хищнице.

— И много таких «наездников»?

— Несколько сот!

— В Австралии, чтобы спастись от акул, сетями огородили все пляжи,— напоминали другие.— Создана комиссия по акулам. Ею собрано полторы тысячи карточек— все случаи нападения акул на человека. Белая акула перекусывает человека пополам, как редиску.

Я не знал, что и подумать.

Кончилось тем, что я составил себе таблицу— опасные и неопасные акулы. Против названия каждой был нарисован квадратик. Квадратики я закрасил в красный или желтый цвет. Красный— акула нападает, желтый— нет.

Нарисовав эту таблицу, я почувствовал себя спокойнее. В конце концов, встретив акулу, всегда можно вспомнить: как она относится к человеку?

— Интересная табличка,— сказали в один голос мои знакомые.— Что-то у тебя мало красных квадратиков.

— А это составлено для подводного пловца,— объяснил я.— Подводным легче. Акула видит большое существо с лапами и думает: не новый ли это хищник? Чаще всего нападать воздерживается.

— Ну-ну...

Эту таблицу я привез с собой.

нападает

не нападает

С утра стояла отличная погода. Был штиль. Даже у внешней океанской кромки рифа, где всегда толклись волны, на этот раз вода словно остекленела.

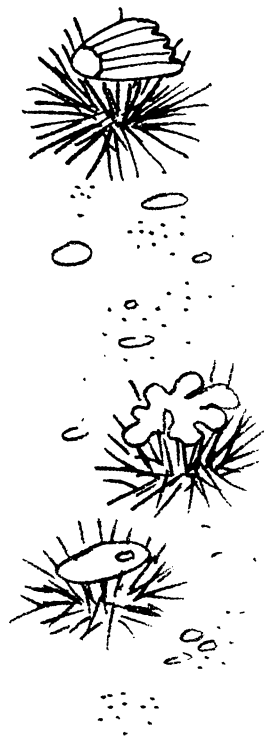
Мы с Пако плавали у внутренней кромки, где кораллы погибли и где песок чередовался с зарослями черепаховой травы.

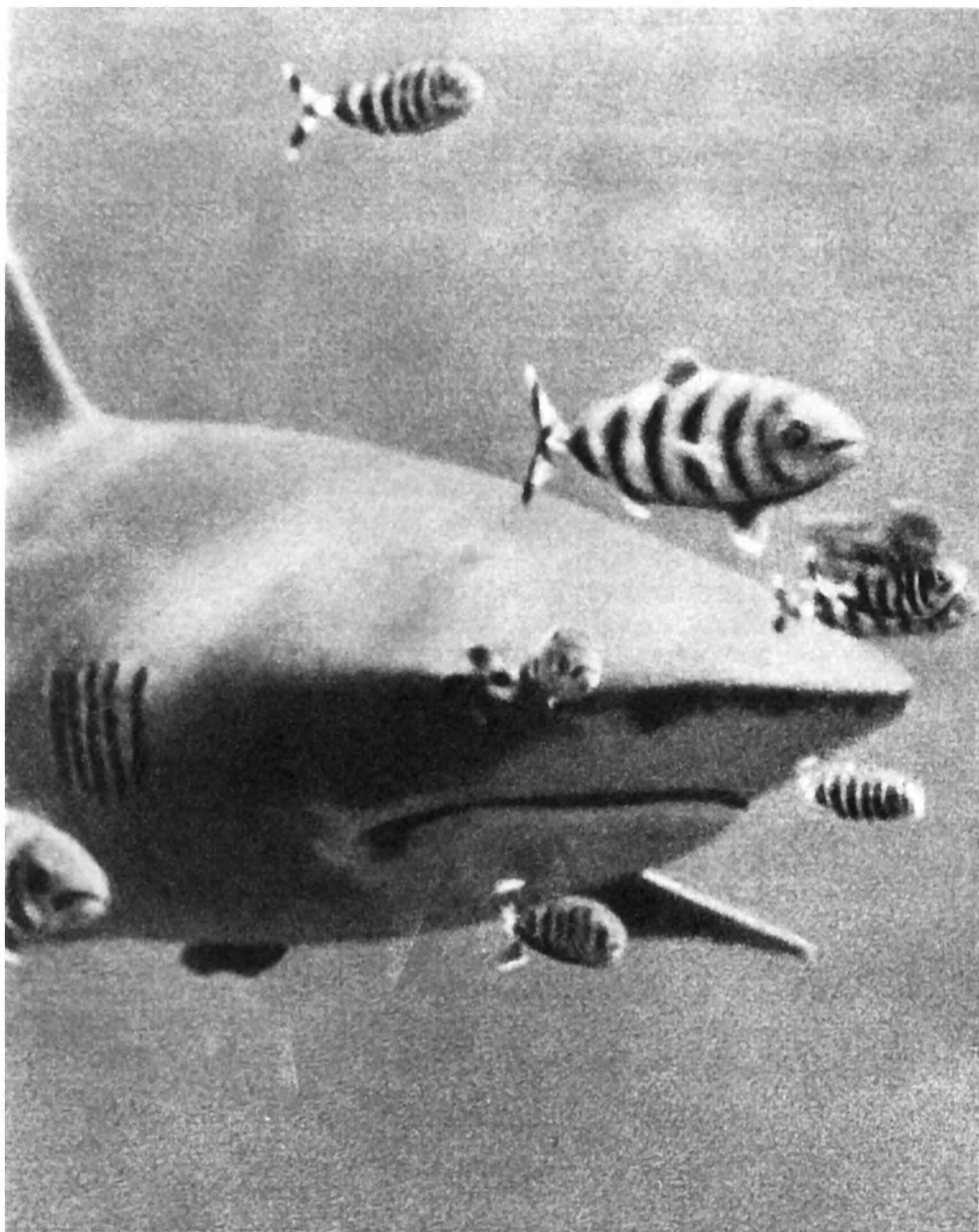
В траве сидели коротконогие ежи. Кончики их иголок были высветлены, и поэтому казалось, что ежи поседели. На макушках у них шевелились осколки раковин, листочки горгонарий, плоские камешки. Тонкими, нитевидными ножками ежи поддерживали свои украшения.

Резкие движения воды достигли меня. Я оглянулся. От рифа плыл Пако. Лицо его было искажено. Подплыв ко мне, он повернулся и вытянул руку по направлению к большой песчаной осыпке, на которой только что выслеживал камбал.

Почти касаясь брюхом песка, над самым дном медленно плыла тупоголовая, с человека величиной, рыба. Узкий кривой плавник, похожий на флаг... Такой же изогнутый хвост... Акула! Красноватая, с поросячьими глазами хищница неторопливо плыла к нам.

Это была песчаная акула. Точно такая, каких я видел в бассейне. Я начал судорожно вспоминать свою таблицу. Святое небо, что за квадратик стоит против нее? Кажется, желтый...

Неторопливо плывет акула, окруженная полосатыми рыбами-лоцманами.

Ну конечно, желтый! Я облегченно вздохнул и жестом показал Пако: «Ерунда!»

Акула плыла, то и дело тыча мордой в песок. Она что-то искала и не обращала внимания на то, что делается наверху.

Мохноногий краб не успел удрать, и акула, сделав едва заметное движение головой, сглотнула его.

Она обогнула бугристый зеленый коралл и очутилась под нами. Пако прижался ко мне. Я еще раз жестом успокоил мальчика. Колебания воды, вызванные моей рукой, достигли акулы, она остановилась и, изогнув шершавое, складчатое тело, посмотрела на нас красным, поросычьим глазом. Что-то шевельнулось у меня в желудке.

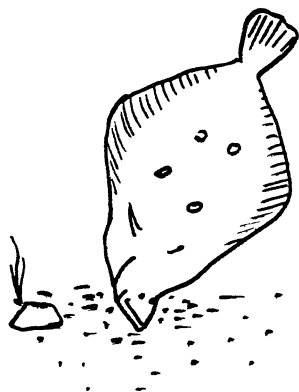
«Пустяки! Раз пишут — не нападает, значит — не нападает. Это точно. Не нападет!»

Акула опустила голову и продолжила свой путь. Когда она достигла песчаной поляны, подбросив вверх облако песка, со дна подскочила и пустилась наутек камбала. Акула заметила ее и стремительно кинулась вдогонку.

Они исчезли за нагромождением каменных глыб, а мы с Пако поспешили домой.

Достигнув берега, я тотчас побежал в дом, из чемодана, лежавшего под кроватью, торопливо достал таблицу.

Против песчаной акулы стоял красный квадратик.

Камбала

Больших акул я видел на рифе всего раза два. Зато маленьких там было предостаточно.

Чаще всего встречались песчаные акулы и акулы-няньки. За что их прозвали няньками, я так и не понял. Разве что за привычку лежать парами на солнышке: большая и маленькая — как нянька с ребенком...

Однажды я разглядывал скользкую, лиловую, похожую на огурец голотурию, которую принес мне Пако, когда заметил, что на меня из-под кораллового уступа смотрит, вытаращив плоские глаза, рыба-белка.

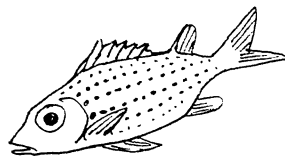
Рыбка выплыла было из укрытия, как вдруг испуганно повернула и скрылась.

Я оглянулся — к нам приближалась небольшая песчаная акула. Она плыла, уставив глазки на пещеру, где скрылась рыба.

Пещерка была узкой, последовать за рыбой акуленок не решился и поэтому отплыл в сторону.

Рыба вновь показалась на пороге своего дома. Акуленок бросился к ней, рыба — в нору. Так повторилось несколько раз. Маленький хищник понял: надо хитрить. Отплывает подальше и тотчас со всех плавников мчится к пещерке. Подлетит, а рыбы уже нет — спряталась.

Тогда акуленок решил изобразить, будто он совсем покинул место охоты. Быстро работая хвостом, он исчез из виду.

рыба-белка

Но красная рыбка оказалась не проста: стоило акуленку скрыться, как она стрелой вылетела из норы и бросилась к груде камней. Мгновение — и она исчезла.

Не успел ее раздвоенный хвост пропасть в камнях, как снова появился акуленок. Стараясь застать рыбу врасплох, он мчался изо всех сил к пещерке.

Вот и пещерка... А где же рыба? Он остановился как вкопанный.

«Взять добычу измором? Ну конечно!» И все время, пока мы с Пако бродили по рифу, он стоял перед пустой норой, алчно поблескивая круглыми, стеклянными глазами.

АКУЛЬЯ ОХОТА

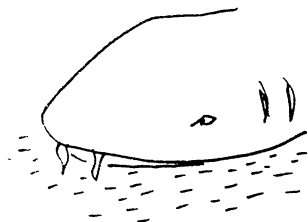
Я все ждал, когда акулы удивят меня своей охотничьей сноровкой.

Всякий раз плыву, присматриваюсь.

Вот на песчаной полянке греется их стайка — шесть штук, коричневые, с пестрыми спинами. Небольшие акулы-няньки. Лежат бок о бок. Одна шевельнется, столкнет с места соседку, та — следующую... Повернутся и опять замрут. Дреmlют голова к голове, только у каждой около рта шевелится песок — дышат.

Надоело одной акуле лодыря гонять, привсплыла, пошла прямо на меня. Свернула, идет по краю рифа — слева кораллы, справа песок.

«На охоту? Куда же еще!»

Вижу, выплывает из-под скалы стайка щетинозубов.

«Сейчас, — думаю, — акула им задаст. Только брызги полетят!»

Нет. Плывет акула дальше, щетинозубов словно не замечает.

«Ага, значит, они для нее — мелочь! Ей подавай покрупнее».

Вот и покрупнее: три рыбы-ангела, черные в золотую крапинку. Каждый с тарелку. Эти — пожила.

Но и на них акула ноль внимания.

«Неужели ищет с себя ростом?»

Дернула акула хвостом, изменила путь. Плывет теперь над песком. Мордой у самого дна водит. С нижней челюсти усики свешиваются. Эти усики она по песку и волочит.

Вдруг — раз! — копнула мордой песок. Вылетела из него раковина. Акула ее на лету раскусила — хрусь! Глотнула — нет раковины!

Плывет дальше.

На песке два бугорка — два ежа с короткими иглами. Прошла над ними акула — ежи исчезли.

Долго я за ней наблюдал. В песок, в траву, в камни — повсюду свой нос сунула.

Моллюски, крабы, ежи, креветки — все ей сошло, все ей в пищу сгодилось.

Так и не удалось мне увидеть акульей охоты — настоящей, с кровью, с отчаянными схватками, какую описывают в книгах и показывают в кино.

Оказывается, и акулы бывают разные.

Отца Пако тоже звали Франциско. Он раньше ловил акул.

Все началось с перчатки. Отец Пако нашел ее в порту, куда он ездил за новым движком для электростанции.

Перчатка была на правую руку, ладонь — из кожи толщиной в палец.

— Это перчатка — ловить акул, — объяснили ему.

Франциско был молод, и глаза его загорелись. Он смастерил снасть и стал выходить в свободные часы в море. Ловил он по одной-две акулы и привык, что это дело нехитрое, требует только сноровки и осторожности.

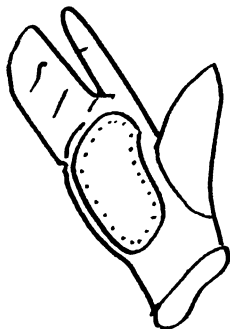
В тот день он выехал с вечера, после захода солнца заглушил мотор и положил лодку в дрейф.

На корме у него валялась задняя нога овцы, а на крючки — Франциско ловил на нейлоновый трос с цепочкой и двумя крючками — была насажена овечья печень.

Не успел он забросить снасть, как лодку тряхнуло и он очутился на досках. В нескольких метрах за кормой кто-то шумно бился о воду.

Франциско встал на четвереньки и подобрался к мотору. Овечья нога с кормы исчезла, а за кормой что-то большое и черное колотилось о воду.

«Эге! Вот куда делась нога, — подумал Франциско, разглядев белый бурун и плавник, который то показывался над водой, то скрывался. — Ну, берегись!»

Когда стачиваются эти страшные зубы, на смену им из глубины
пасти тотчас же поднимаются новые, запасные.

Он подумал так и забросил приманку поближе к акуле.

Та уже покончила с овечьей ногой и кружила около лодки. Франциско водил приманку около акулы, но акула плавала взад-вперед и не торопилась хватать крючки.

Наконец она решилась. Короткий бросок — проглочены и наживка и половина цепочки. Акула совершила прыжок и рухнула в воду, окатив Франциско с головы до ног. Он придержал снасть, и крючки намертво впились в акулю глотку.

«Теперь не плошать!» Правой, одетой в перчатку рукой Франциско полвчее перехватил нейлоновый шнур и стал потихоньку strangling его.

Леса, натянутая как струна, поползла по коже, все глубже врезаясь в перчатку. Франциско уперся ногой в борт лодки и, держа шнур двумя руками, сдавал акуле с боя каждый сантиметр.

Почувствовав, что леса ослабела, он начал понемногу подбирать ее.

Вода у борта качнулась, и при слабом свете звезд Франциско увидел около лодки длинную черную тень. Акула казалась неподвижной. Франциско вздохнул и на мгновение ослабил лесу. И тотчас же тень исчезла, шнур врезался в ладонь. Рассекая кожу перчатки, он стремительно скользил — акула уходила на глубину.

Франциско вцепился в него обеими руками. На ладони горячей картошкой вздулся и лопнул пузырь, перчатка наполнилась кровью. Ногу све-

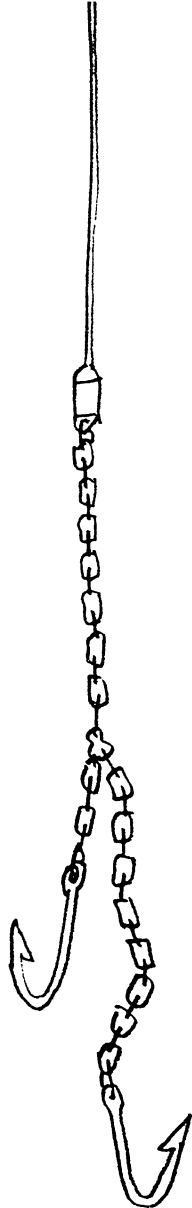
ла судорога. От напряжения мышц спина и шея стали деревянными.

Наконец леса стала дрожать, и Франциско понял: акула устала.

Зачерпнув левой рукой воды, он смочил лицо и принялся сматывать лесу. Теперь он вел акулу, и та покорно уступала его воле. Вот знакомая тень снова появилась под лодкой. Из воды показался косой плавник. Франциско нащупал рукой стальной болт — один из четырех, которыми мотор был прикреплен к днищу. Свернув шнур петлей, он набросил его на болт.

Когда из воды показался плавник, Франциско нагнулся, чтобы вытащить из-под скамейки веревку. Он решил привязать акулу к лодке за хвост. И тогда из воды вырвалось черно-белое тело, акула перевернулась в воздухе и стремительно пошла головой вниз... Франциско не успел сбросить петлю с болта, послышался звук, похожий на выстрел, — шнур лопнул. Освобожденная от тяжести лодка свободно закачалась на воде.

Когда Франциско пришел в себя и смотал снасть, он недосчитался сорока метров — их унесла акула вместе с крючками и цепочкой. Замотав тряпкой кровоточащую ладонь, Франциско присел около мотора и поднял лицо. Небо над ним было уже серовато-розовым: он возился с рыбой около пяти часов. Потом он утверждал, что акула была не очень велика — метра три с половиной, не больше, но у нее был характер, а это, говорил он, кое-что значит...

Аллан Купер, сотрудник биологической станции на Багамских островах, издал брошюру «Как держать акулу-людоеда». По мнению Купера, аквариум для акулы должен быть в диаметре не менее двадцати пяти метров. Он должен снабжаться чистой морской водой. Акулу надо хорошо кормить. В среднем акула весом в четыреста килограммов, как пишет Купер, съедает в день до сорока килограммов мяса. Любимая пища тигровых акул — морские черепахи и морские львы, но акулы пожирают даже собак и лошадей. Белая акула закусывает всем, что попадетсся «на зуб».

Сытые акулы, по утверждению Купера, очень миролюбивы. «Однако не вздумай-

Песчаная акула.

те проверять температуру воды в бассейне ногой!» — предупреждает в своей книге ученый.

Фильм об акулах снял кинооператор и режиссер Питер Джимбелл. Съёмки он производил из клетки, прутья которой были изготовлены из алюминиевого сплава. Акул он приманивал, беря с собой под воду ящик с дохлыми камбалами.

Постепенно привыкнув к обстановке, оператор стал выплывать из клетки и снимать хищниц на свободе.

Однажды, когда он покинул клетку, туда забралась большая акула. Аквалангисты стали выгонять непрошеную гостью. Они тыкали в акулу палками и всячески шумели. Перепуганная акула стала кидаться на стенки клетки и в конце концов, не обращая внимания на открытую дверь, протиснулась между прутьями, погнув их и отполировав кожей до блеска.

Несмотря на то что аквалангисты некоторые кадры снимали прямо в косяке акул, их подводные приключения завершились благополучно. «Наши пленки кончились раньше, чем наше везение...» — с удовлетворением отмечает в своих воспоминаниях Джимбелл.

Фильм, снятый им, назван «В мире акул».

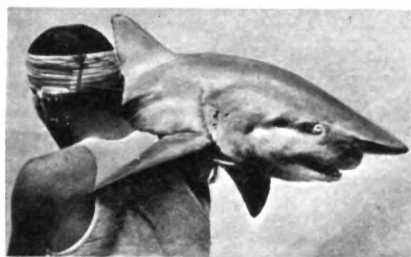
Пасть акулы мако.

В озере Никарагуа (Центральная Америка) водится разновидность бычьей акулы. Другую пресноводную хищницу ученые обнаружили в озере Синтани на Новой Гвинее. Появление акул в пресной воде объясняется просто: ранее оба эти озера были морскими заливами.

Рыбакам Бимини (Багамские острова) попала в сеть рыба. Ее удалось вытащить на берег только после больших трудов. Добыча весила двадцать тонн! Ею оказалась китовая акула.

Как считают, немецкий натуралист, путешественник и писатель Ганс Хасс был первым, кто начал снимать акул под водой фото- и кинокамерами. Одна из лучших фотографий Хасса — его жена Лотта плавает, держась за плавник огромной китовой акулы.

В Нью-йоркском музее естественной истории выставлена модель пасти гигантской ископаемой акулы кархародон. Высота пасти около трех метров. Длина зубов пятнадцать — двадцать сантиметров. Общая длина акулы, полагают ученые, была не менее двадцати пяти метров.

С добычей.

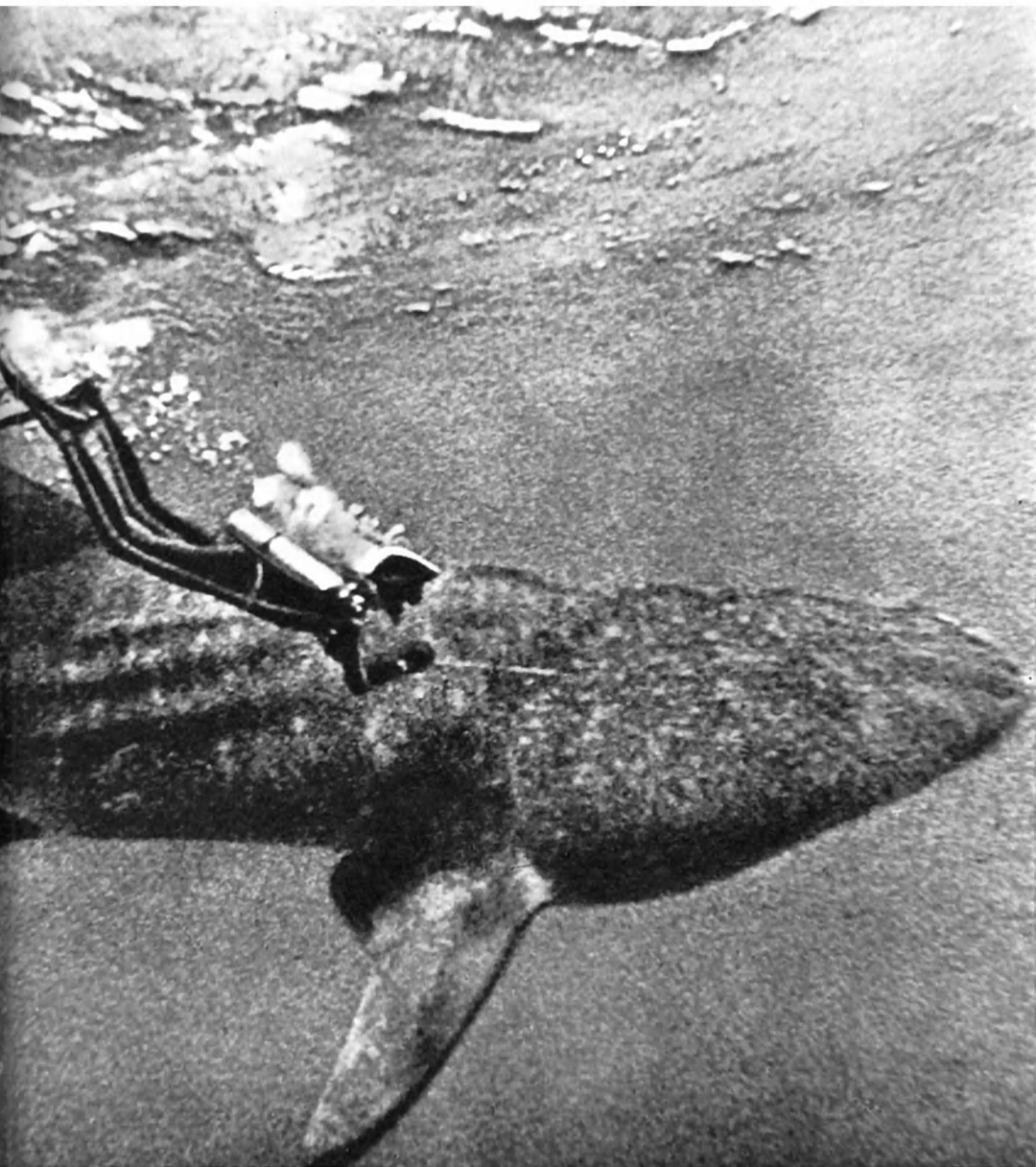
На территории СССР найдены остатки ископаемых акул. Самые большие «акульи кладбища» обнаружены в Поволжье (Камышин и Саратов), а также на полуострове Мангышлак. Основную массу находок составляют акульи зубы.

Итальянские операторы во главе с Фолько Квиличчи сняли в Красном море фильм «Голубой континент». Одна из лучших сцен фильма — подводные пловцы среди акул. Люди, вооруженные простенькими гарпунными ружьями, плавают среди четырех-пятиметровых хищниц и охотятся на них. Ни одной попытки напасть на пловцов акулы не предпринимали.

Австрийский хирург доктор Коплсон считает, что на людей нападает далеко не каждая акула. Подобно тиграм-людоедам, врагами человека становятся только те особи, которые, однажды убив или искалечив человека, пристрастились к этой добыче.

Австралийское побережье издавна пользуется дурной славой места, где чаще всего на земном шаре акулы нападают на людей. Городские власти Сиднея решили начать борьбу с хищницами. В 1937 году на городских пляжах были установлены ставные сети. Их поставили перпендикулярно берегу через равные промежутки. Сторонники применения сетей утверждали, что таким образом будут перекрыты пути движения акул вдоль берега. Противники попросту смеялись, так как сети не защищали пляжи со стороны моря.

На буксире у гигантской китовой акулы.

У акул, вероятно, на этот счет есть свое собственное мнение: с 1937 года до настоящего времени случаев нападения акул на людей близ Сиднея нет.

В защитных сетях, которые регулярно осматривают рыбаки Сиднея, то и дело находят погибших акул. Причина гибели — вынужденная неподвижность, и как следствие — недостаток кислорода.

Биологи утверждают, что боль в том смысле, как мы ее понимаем, неизвестна акулам.

Поймали акулу.

Описаны случаи, когда выпотрошенная и брошенная за борт акула снова хватала крючок с приманкой или пробовала плыть за кораблем как ни в чем не бывало.

Наблюдения над новорожденными акулятами показали, что, независимо от того, рождены они матерью или «выключнулись» из яиц, они тут же становятся в один ряд со взрослыми акулами. Маленькие зубастые хищники не знают детства, не ведают родительских забот, с первой же минуты они готовы драться за жизнь.

У акул есть спутники: рыба-прилипала и рыба-лоцман. Прилипала прикрепляется к брюху акулы и плавает с ней «бесплатным пассажиром». Когда акула ест, прилипала «отклеивается» (расслабляет мышцы — присоски), отделяется от акулы и начинает шнырять у пасти хищницы, подбирая крошки.

Рыба-лоцман, полосатая, как зебра, плавает впереди акулы или около ее грудных плавников.

Она тоже кормится крошками со стола хозяйки.

Однако до сих пор неясно: извлекает ли акула какую-нибудь пользу от соседства этих спутников?

Пляж в Сиднее.
Наблюдают за акулами.

На конференции 1958 года, посвященной акулам, было названо число известных науке видов акул — 350. Однако даже среди специалистов нет до сих пор единого мнения, как классифицировать — делить на семейства и виды — это огромное и своеобразное зубастое общество.

Доктор Евгения Кларк упорно занималась дрессировкой акул.

Через семь недель ей удалось научить акулу «просить» пищу.

Акула нажимала носом на белый фанерный диск, соединенный со звонком.

Описан случай, который показывает, что кошачьи акулы — злейшие враги сельди. Рыбаками в Северном море был выставлен перемет на 4000 крючков. Когда через полчаса он был выбран, пойманными оказались 4000 кошачьих акул. Осмотрев перемет и сняв хищниц, рыбаки убедились, что на каждый крючок сперва попала маленькая селедка, а уже потом акула.

Натуралист Бенет описывает свечение колючей акулы: «Когда сделалось темно, эту рыбу поймали сетью. Она была похожа на огненный волчок и излучала фосфорический блеск. Ее посадили в аквариум и наблюдали: вся нижняя часть тела испускала яркий зеленоватый свет. Когда через три часа акула умерла, свет погас».

Среди моряков бытуют рассказы о сражениях акулы-лисицы с китами, рыбой-пилой и меч-рыбой. Вероятно, это все плод недоразумения. Фактически, скорее всего, наблюдались схватки китов с косатками, чей треугольный плавник — «косу» — издали можно спутать с хвостом акулы-лисицы. То же относится и к сражениям с рыбой-пилой и меч-рыбой. Акула-лисица не в состоянии сражаться с этими гигантами — ее зубы имеют длину всего три миллиметра.

Писатель Уэбстер, написавший книгу «Акулы-людоеды» и сам в конце концов погибший во время ловли акул, рассказал историю, как один аквалангист, плывя над дном, увидел чей-то торчавший из песка кончик хвоста. Решив, что это небольшой скат, пловец схватил хвост рукой. Через мгновение он очутился на буксире у разъяренной акулы-ангела. Таща за собой человека, акула все время изгибалась и пыталась его укусить. В конце концов аквалангист бросил хвост и скрылся на берегу.

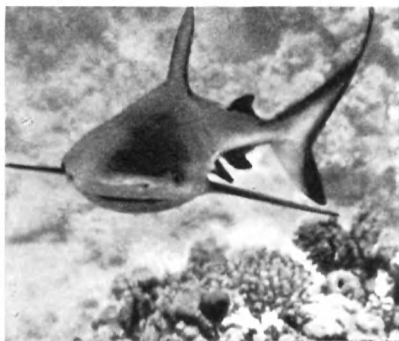
Новозеландский журналист отмечает: «Пока ученые спорили, насколько акулы опасны для человека, рыбаки доказали, что кто-кто, а уж человек опасен для акул по-настоящему. С 1938 года по 1963 год добыча акул во всем мире возросла со 177 тысяч тонн до 277 тысяч тонн ежегодно.

На первом месте среди ловцов акул идут рыбаки Японии и Норвегии».

Акула — важный объект промысла, утверждают специалисты. Мясо ее нестойко (требует быстрой обработки), но вкусно, печень содержит ценные жиры, а в них — витамин «А». Кожа идет на различные поделки, из нее, например, изготавливают шагрень.

В телеграфном кабеле, лежавшем на дне Индийского океана, на глубине 1400 метров, оказался обрыв. Когда кабель подняли на поверхность, выяснилось, что он поврежден зубами акулы. Несколько зубов извлекли из обмотки кабеля. По ним установили виновницу аварии. Ею оказалась акула-носорог. Можно только гадать, за какое животное приняла акула кабель, похожий и на змею, и на щупальце гигантского кальмара.

Ученые, занимающиеся акулами, — пишут авторы книги про акул «Тени в море» ученый-океанолог Мак-Кормик, журналист Аллен и профессиональный охотник на акул Янг, — считают, что не существует ни одного достаточно веского объяснения тому, что делает и чего не делает акула. Мы слишком плохо знаем акул.

Акула над рифом.

Иногда мы хватаемся за одну ниточку, иногда — за другую. В одном случае в воде есть кровь, и все же акула не нападает на плывущего человека. В другом — нет никаких явных причин, которые могли бы спровоцировать нападение, и все же оно происходит. Каждое нападение представляет собой парадокс».

Верхом на китовой акуле.

В картотеке Международной комиссии изучения акул (КИА) собрано несколько десятков ящиков с карточками.

Это все известные случаи нападения акул на человека, начиная с 1958 года. К середине 1964 года карточек было уже 1251.

Доктор Джилберт из КИА сделал заявление для печати:

«Казалось бы, нет необходимости говорить людям, что-

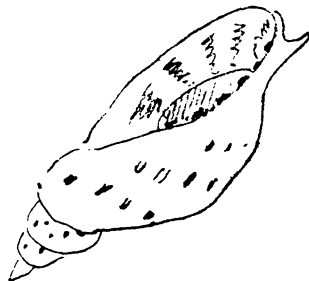
бы они не хватали акулу за хвост и не катались на ней. Однако, как ни странно, это приходится делать. В Калифорнии существуют спортивные клубы аквалангистов, попасть в которые можно лишь прокатившись сперва верхом на акуле. Мы решительно против этого!»

Возражая доктору Джилберту, представители упомянутых им клубов напомнили, что не известен еще ни один случай нападения акулы на аквалангиста.

ХОЗЯИН КАМЕННОЙ НОРЫ

Однажды Пако сложил на дне в кучку пять раковин.

Не помню, для чего они понадобились ему — скорее всего, кто-то из рыбаков попросил принести их как наживку. Пако надрал раковин и, сложив их, сам поплыл охотиться.

Я работал неподалеку — фотографировал кораллы — и то и дело проплывал около этой кучки.

Я запомнил, что когда Пако положил раковины, их было ровно пять. Четыре внизу и пятая сверху.

Проплывая мимо, я вздумал сосчитать раковины. Четыре! Одна пропала.

Каменная плита, на которой они лежали, ровная — раковина не могла упасть. Ее не могла утащить и какая-нибудь рыбина — ни одной большой рыбы поблизости я не видел. А своим ходом моллюск далеко уйти не мог.

Очень странно!

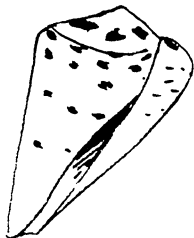
Плыву опять мимо кучки, а в ней уже три раковины!

Тогда я отплыл в сторону и стал караулить вора. Раковины лежали около щели в камне.

Вижу — из этой щели показалась черная ниточка. Вертится ниточка, тянется к раковинам. Высунулась побольше, превратилась в веревочку, веревочка — в гибкий толстый прут. Коричневый, с нижней стороны розовые колечки — присоски.

Осьминог!

И верно, он. Вот и глаза-бугорки показались. Поднялась голова над краем щели. Зырк вправо, зырк влево. Второе щупальце выпросталось, протянулось к раковинам — хватить еще одну! Скрылся осьминог. Потекли следом за хозяином щупальца, волокут раковину; до края щели доволокли и пропали.

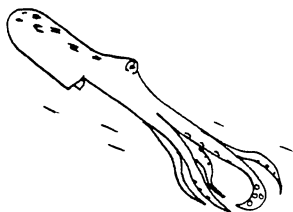
Осталось в кучке две раковины.

Когда Пако вернулся, я рассказал ему о краже. Мы решили не отбирать раковины у осьминога. Наверно, они ему нужней. Может, он запасы делает. Может, в гости кого ждет — надобно угощение. Впрочем, какие там гости! Маленькому осьминожку всякий враг. Попадется здоровенному собрату — и тот съесть может...

На берегу я рассказал Родольфо об этой встрече.

— Их стало меньше. — Мой приятель задумался. — Говорят, у осьминогов, как у других животных, бывают разные времена: то они кишат, лезут из каждой щели, то вдруг пропали, словно вымерли. Еще они иногда уходят. Я сам видел.

И он рассказал об одной удивительной встрече.

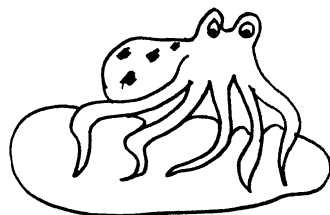
НАШЕСТВИЕ ОСЬМИНОВ

Это случилось июньским днем 1950 года, когда Родольфо погрузился с ластами и маской в холодные воды у восточного берега острова.

В руках у него был новый бокс для подводных фотосъемок, и ему не терпелось испытать его.

У скал, где он нырнул, в камнях, всегда можно было встретить черную ангел-рыбу, или пятнистого морского окуня, или, на худой конец, безобразного, губастого ерша.

Держа бокс перед собой и неторопливо работая ногами, Родольфо плыл

вдоль берега, высматривая: кого бы снять?

Дно было странно пустынным. Даже крабы, которые водились здесь в изобилии, в этот раз не сидели на поросших редкими водорослями песчаных полянках.

И ни одной рыбы!

Ничего не понимая, он повернул в море, отплыл метров двадцать и, когда на фоне сине-зеленого дна перестали различаться отдельные камни и дно превратилось в темную равнину, набрал в легкие воздуха и нырнул.

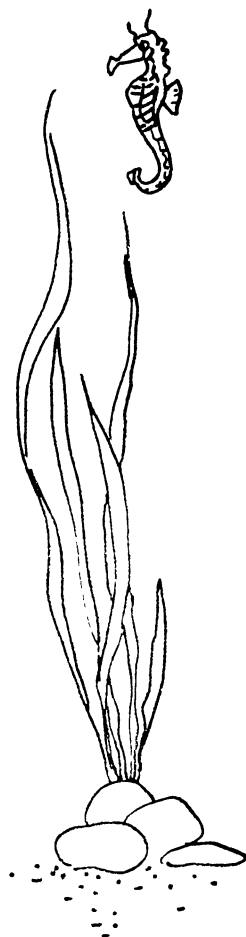
Дно стремительно приблизилось, на нем снова стал различим каждый камень.

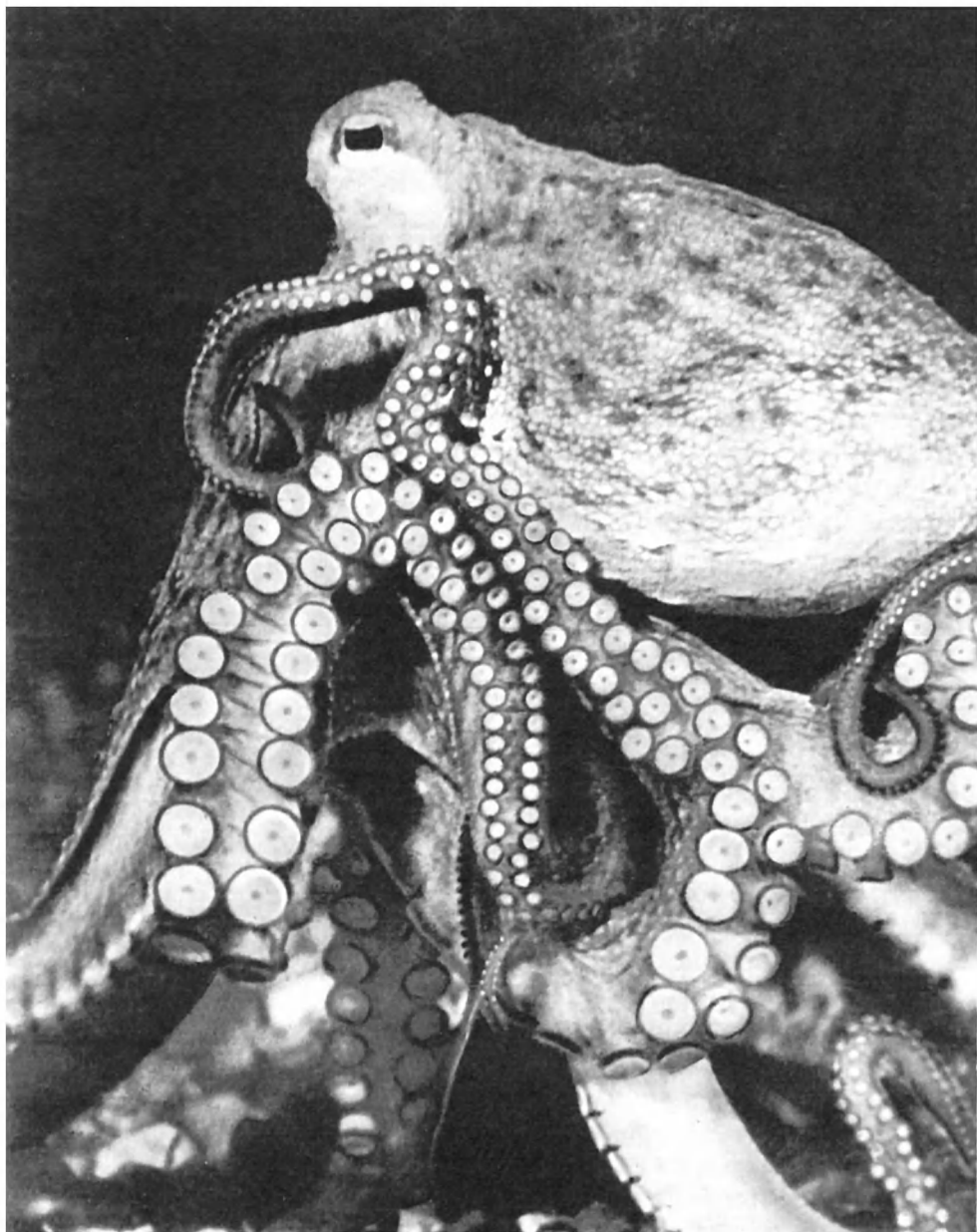
Но что это? Родольфо вздрогнул, опрометью бросился вверх и вылетел на поверхность воды. Там он вырвал изо рта загубник, судорожно глотнул обжигающий легкие воздух и, колотя изо всех сил ластами по воде, помчался к берегу.

Он готов был поклясться под присягой, что камни смотрели на него тысячами глаз и... шевелились!

Только достигнув берега, Родольфо пришел в себя. Но он был не робкого десятка. Кликнув на помощь какого-то купальщика, Родольфо осторожно поплыл к тому месту, где видел живое дно.

То, что он разглядел на этот раз, было поразительным: все камни, все промежутки между камнями покрывали осьминоги. Животные ползали взад-вперед, свивали и развивали щупальца. Увидев приближающегося

Причудливый многорукий обитатель морского дна — осьминог.

человека, они беспокойно завозились. Ни один не бросился наутек.

Плавая над этим живым ковром, Родольфо заметил, что в хаотическом, на первый взгляд, движении животных была какая-то цель. Вся шевелящаяся масса медленно смещалась вдоль берега.

Замерзнув, Родольфо вернулся на камни, где его ждал купальщик.

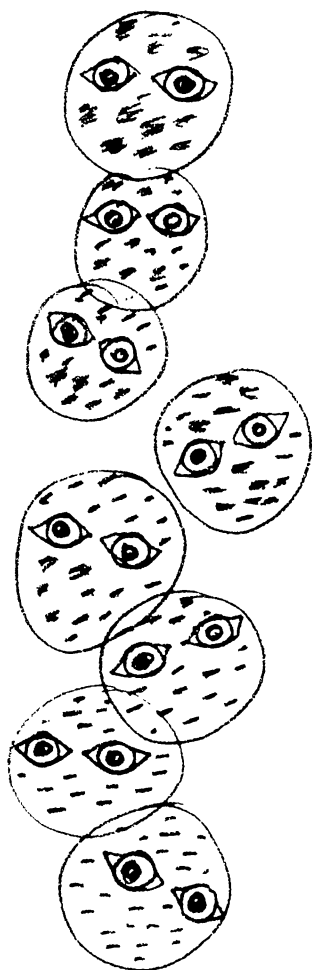
— Понимаете, — сказал ему Родольфо, — самое удивительное, что они все одного размера. Вот такие, с футбольный мяч, — он развел ладони, — видно, чуть-чуть подросли и пришли сюда. Но откуда? И что им надо?

Купальщик равнодушно пожал плечами. Он видел осьминогов только на блюде, разрезанных на аккуратные дольки, и рассказ не взволновал его.

Домой Родольфо отправился не обычной дорогой, а вдоль берега. Он шел, обгоняя скрытое водой полчище головоногих. Его догадка оказалась правильной. Скоро он достиг мест, где осьминогов еще не было, но на дне уже царил беспокойство. Сотни крабов, пощелкивая и царапая крючковатыми ногами скользкую поверхность камней, отступали вдоль берега. Они бежали, предупрежденные неслышным, недоступным человеку «голосом». «Бегите!» — говорил он им.

В море послышался шумный плеск.

Стаи крупных рыб шли навстречу отступающим крабам. Они торопились: огромные голубоватые рыбыны

то там, то здесь выбрасывались из воды — «голос», который предупредил крабов об опасности, звал их на пир.

ПОЛ-ОСЬМИНОГА

На ровной поверхности дна возвышался какой-то холмик. Он не отличался по цвету от окружающего песка, но чем-то привлек мое внимание.

Я долго не мог понять — чем. И наконец понял: холмик шевелился! Он едва заметно поднимался и опускался. Словно внутри него кто-то дышал.

Оставив на большом мозговике бокс с фотоаппаратом, я поплыл к холмику.

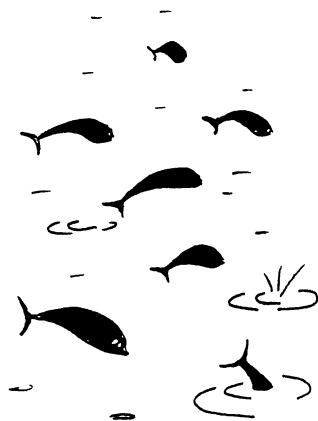
Подо мной песок: вперемишку черные и желтые точки, светлые полосы, черточки. Вот и холмик, на нем — два бугорка.

Неожиданно один бугорок дрогнул, и посреди него блеснуло черное пятнышко, раздвинулось веко — показался глаз.

«Э-эа, да это мой старый знакомый — осьминожек. Ишь куда его занесло!»

Блеснул второй глаз, дрогнули и выпростались из-под тела щупальца, осьминожек приподнялся и покатился в сторону рифа. Под ним оказались створки большой разгрызенной раковины. Вот что он тут делал!

Животное катилось по песку, как клуб серого дыма, словно ветер гнал по пустыне песчаный вихрик.

Впереди — риф, темный, густо-коричневый камень, припорошенный темным илом.

Интересно, что осьминог будет делать там? Его, светлого, на камне он как хорошо будет видно!

Но, докатившись до основания рифа, осьминожек совершенно перестал торопиться. Поглядывая вверх на меня, он брел по границе песка и камня, свивая и развивая щупальца, чего-то выжидая.

Чего?

И вдруг я заметил, что половины осьминога нет. Четыре щупальца есть, четырех нет. Один глазной бугорок тут, второго след простыл. Половина живота есть, вторая пропала.

Пол-осьминога!

Куда же девалась вторая половина?

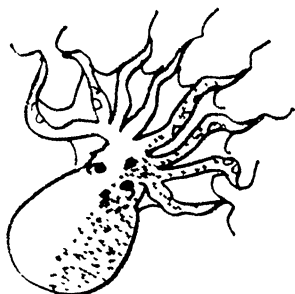
Присмотрелся и ахнул: тут она, никуда не делась. Просто, пока осьминог по кромке рифа шел, половина его успела в другой цвет перекраситься: теперь она коричневая с черными пятнышками.

Пока я ахал, осьминожек весь покоричневел и подался на камень. Снова пропал: коричневый на коричневом — его и не видно. Торопится, щупальца-змеи то вперед выпускает, то подбирает.

Течет, к своей норе тянется.

Добежал до норы, сунул в нее одно щупальце, второе, сплющился — и пропал, словно затянуло его, засосало в нору.

Ишь ведь какой!

Я решил сфотографировать, как осьминог меняет цвет.

Для этого пришлось попросить у Родольфо катушку цветной пленки.

Давать ее Родольфо страшно не хотелось.

— Фин, конец, больше нет. — Он вертел в пальцах баночку с пленкой. — Цветы хотел снять. Женщин. Очень женщины просили их сфотографировать.

— Ничего! — уговаривал я. — Не пропадут ваши цветы. Еще снимете. Вы ведь сюда приедете?

— Приеду.

— Ну вот!

Родольфо вздохнул и расстался с баночкой.

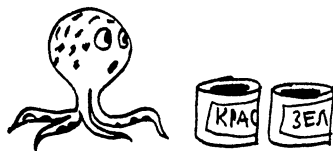
Я зарядил аппарат, засунул его в бокс, и мы с Пако отправились в лодке на риф к осьминогу.

Наш маленький знакомый был на месте. В каменной щели виднелась его бугорчатая зыбкая кожа.

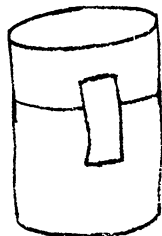
В лодке у нас лежал лист железа, выкрашенный в три цвета. Один край я покрыл густо-зеленой эмалью, второй — чернью, а третий разрисовал пятнами. Очень получился веселый край — как ситчик: желтый и красный.

Пако отодрал от скалы раковину и, раздавив, мы бросили ее неподалеку от щели, где сидел осьминог.

Желтое нежное мясо моллюска курилось, и животное сразу же почуяло его запах. В глубине щели замелькали

fin

темные точки — кожа осьминога пришла в движение, появились маленькие гибкие щупальца, за ними бугорки глаз, осьминожек выбрался на поверхность камня и устремился к добыче. Дальнейшее мы разыграли, как по нотам. Пако, нырнув, занял место у покинутой животным щели, а я кинулся на осьминога сверху. Тот метнулся было назад — Пако накрыл его ладонью. Заплетая щупальца вокруг пальцев и тараща на нас глаза, животное затихло.

Я бросил на дно лист и приготовился снимать. Пако бережно посадил осьминога на зеленый край.

Однако, вместо того чтобы принять зеленую окраску, наш осьминожек покрылся бурыми пятнами. Потом он съежился, прикидывая: «Куда бы удрать?»

«Видно, ему трудно быть зеленым. Не его цвет!» — решил я и перетащил животное на черное.

Этот край листа ему понравился еще меньше. Число бурых пятен увеличилось, и осьминожек стал похож на шапку-ушанку из рыжего каракуля.

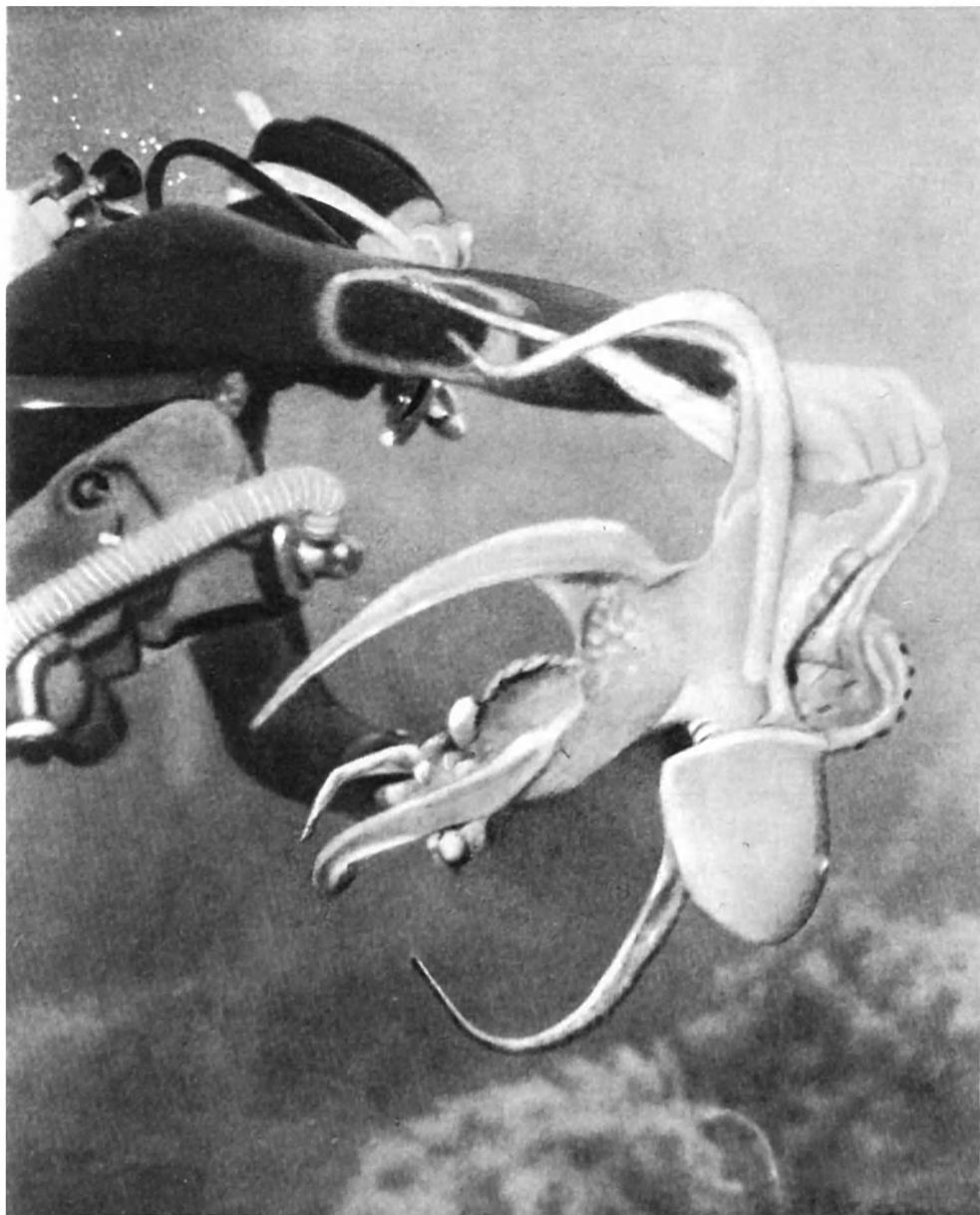
«Попробуем еще раз!»

На третьем месте у осьминожка голова совсем «пошла крúгом». Он ничего не понял в мелькании ярких пятен и весь налился красным. Он сидел на горошинах, раздувая и опуская бока и таращил глаза, пытаясь понять: что от него хотят?

Пако подплыл ко мне и с любопытством стал ждать, когда я начну фотографировать.

С осьминогом можно играть почти так же, как со щенком или кошкой.

«Пусть будет красный осьминог на пестром фоне. И вообще пускай перекрашивается как вздумает!» — решил я и стал, плавая вокруг листа, снимать.

Это, наверно, были очень хорошие снимки. Животное ярко выделялось на пестром фоне, и я потратил на него всю пленку. Потом осьминог перекатился через лист и, не спуская с меня глаз, поспешил домой, к своей щели.

Он двигался, принимая каждую секунду другую форму и ловко управляясь сразу со всеми ногами.

«Ладно получилось!» — подумал я и поплыл к лодке.

МУРЕНА И ОсьМИНОГ

Но коралловый риф тут же отомстил мне за вторжение в жизнь его обитателей.

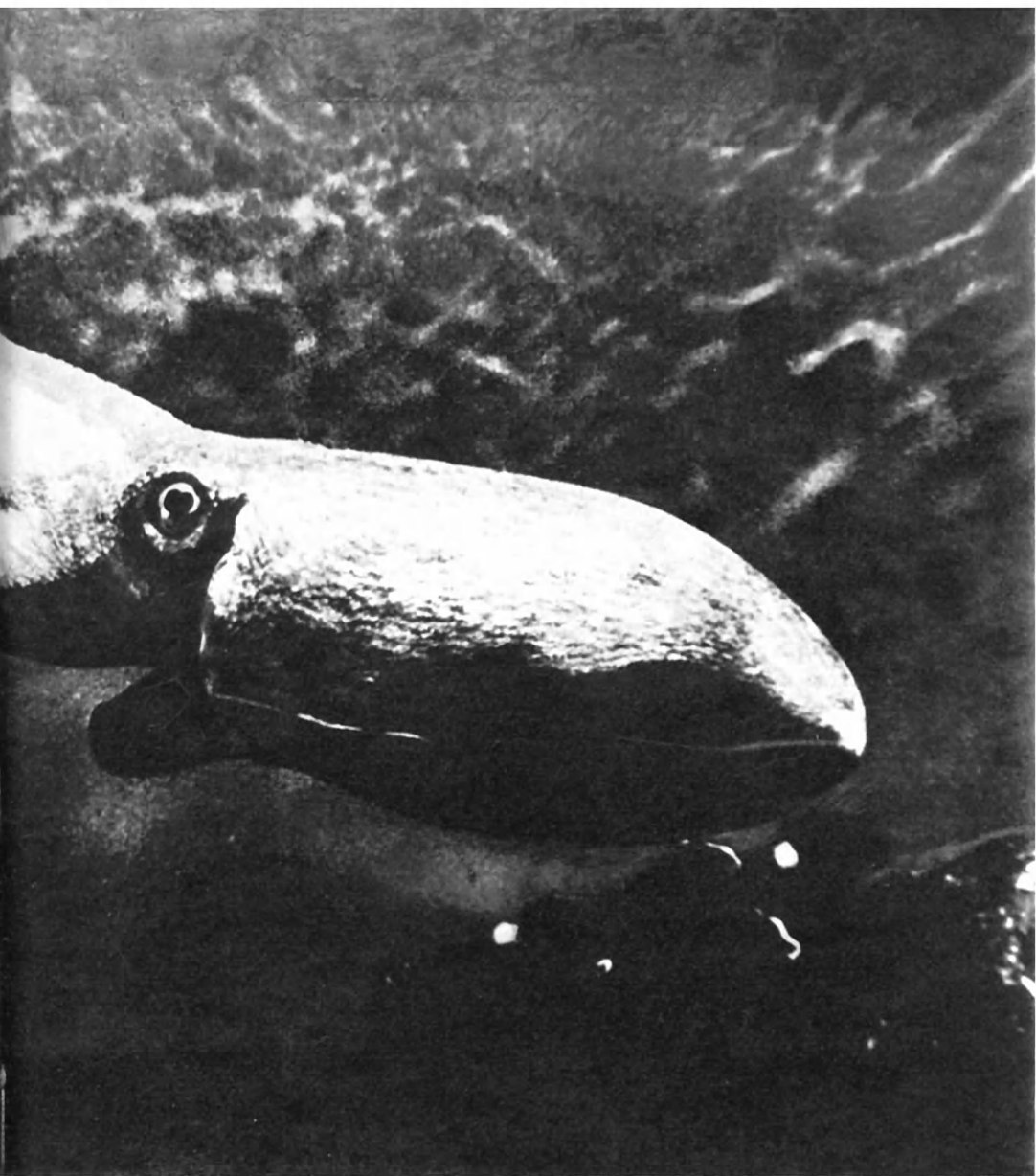
Не успел я всплыть, как Пако закричал, что появилась мурена.

Я снова нырнул. Осьминог еще торопливо полз, клубясь и переливаясь, по неровной поверхности камня, а зеленая голова рыбы-змеи уже приподнялась над расселиной. В каменной щели завертелись-замелькали черные пятнышки, и, как брошенная ловкой рукой лента, рыба вылетела из своего убежища.

Она плыла, совершая быстрые колебания всем телом, вытянув вперед голову с открытой зубастой пастью.

Осьминог поздно заметил опасность. Он заметался, привсплыл, но,

Осьминог обычно плывет задом наперед, сокращая тело, выталкивая из себя струи воды.

поняв, что уйти не удастся, снова сел на риф.

Увы! Здесь укрытия для него не было. Маленькое зыбкое животное покрылось от страха светлыми и бурыми пятнами, прижалось всем телом к камню и почти исчезло, стало частью рифа. Осьминог плющился и жался к поверхности камня так, что превратился в тонкий пятнистый блин.

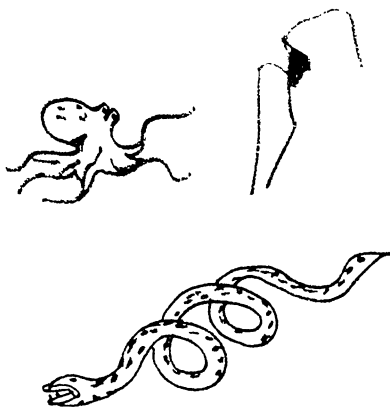
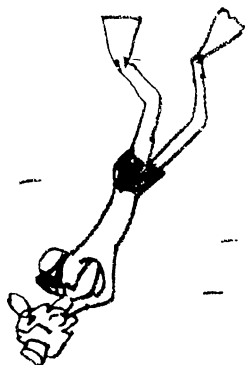
Но обмануть мурену было не просто. Не останавливаясь, она промчалась над осьминогом, изогнулась и бросилась назад, в атаку...

Я вспомнил фильм, как мурена расправляется с головоногими, как она рвет их на части, вцепляясь тонкими зубами в слабые, студенистые тела и поворачиваясь как штопор вокруг самой себя...

Я выпустил из рук фотоаппарат и нырнул. Место, где разыгрывалась маленькая драма, оказалось глубже, чем я предполагал. Резкая боль вошла в уши — сдавило грудь... Отчаянно болтая ногами, я погружался. Хитрая тварь заметила меня. Мало того, она поняла: человек не вооружен. Нехотя, словно раздумывая, она повернулась и, скользя над самым рифом, поплыла прочь.

Я не достиг дна, перед глазами пошли синие круги. Помогая руками, я стал торопливо подниматься.

Внизу, кувыряясь, падала моя камера. Она ударилась о выступающий край коралловой плиты, соскользнула с него, очутилась на крутом рифовом склоне и, подпрыгивая, плавно понес-

лась в лиловую темноту, в пропасть, унося — кто знает? — может быть, мои самые лучшие подводные снимки...

Когда я всплыл и отдышался, то снова посмотрел вниз. Осьминога не было. Он удрал к себе в щель...

Через два дня Пако застрелил мурену.

ЧЕРНИЛЬНОЕ ПЯТНО

Еще мне нужно было посмотреть, как плавают осьминог.

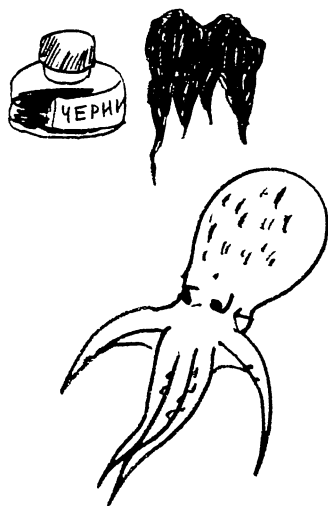
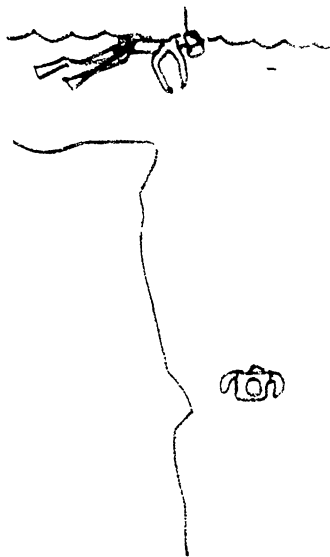
Я сказал об этом Пако, и мы несколько раз пытались, вспугнув, заставить его искать спасения от нас вплавь. Но упрямец ни за что не хотел отрываться от дна. Он упорно прижимался к камням, цеплялся за выступы кораллов, уползал в ближайшую щель.

— Знаешь что, Пако, — сказал я наконец, — давай поймаем его, поднимем и выпустим. Хочет не хочет — поплывет!

Так и решили.

Улучив момент, когда животное вылезло из своей норы, мы напали на него с двух сторон. Рассерженный осьминог побагровел и обвинил щупальцами наши руки. Втроем мы поднялись к поверхности воды.

Здесь мы с Пако стали избавляться от нашего спутника. Осьминог, сузив глаза и с шумом выбрасывая из дыхательной трубки струйки воды, продолжал цепляться за нас. Только поняв, что его не держат, он разом

отпустил наши руки, оттолкнулся, и... коричневое облако вспыхнуло в воде. Выбросив порцию чернильной жидкости, животное метнулось в сторону и скрылось за чернильной завесой.

Уплыло оно или просто погрузилось на дно? Ни я, ни Пако этого не заметили. Только на том месте, где выстрелил в нас чернильной бомбой осьминог, долго висело в воде причудливое бесформенное пятно, чем-то похожее на своего хозяина.

СОПЕРНИКИ

И все-таки мне довелось увидеть плывущего осьминога.

Это было под конец нашего пребывания в деревне, мурена давно погибла, и наш осьминогий знакомый чаще стал появляться днем из своего убежища.

Я плавал на рифе, собирая для Родольфо асцидий — странные пустотелые существа, похожие на бутылки с короткими горлышками. Сетка, куда я их складывал, была уже наполовину набита, когда мне показалось, что около норы, где прятался наш осьминожек, происходит какое-то движение.

Я присмотрелся. По коралловой плите ползал взад-вперед осьминог, значительно крупнее и темнее нашего, а из норы за его перемещениями следил хозяин. Он смотрел на пришельца, приподняв глазные бугорки и медленно поворачивая их, как перископы.

Потом над краем расселины засновали белые кольчатые присоски, приподнялась пятнистая спина, и вот уже оба осьминога сидели друг против друга, возбужденно свивая и развивая щупальца.

«Быть драке! — подумал я. — Драке за самое главное, самое святое для каждого обитателя морского дна — за охотничий участок, за дом».

Противники медленно покрывались бурыми пятнами. Что-то похожее на зелень вспыхнуло в коже прищельца и погасло. Потом начал бледнеть наш знакомый. Они так и сидели — глаз в глаз, нога в ногу, поочередно то наливаясь краской, то приобретая пепельно-серый цвет.

Но драки не произошло. Пришелец, видимо, понял, что насиженное место хозяин дешево не отдаст, неожиданно вздрогнул, потемнел, приподнялся над камнем и поплыл прочь.

Он плыл, раздувая и сокращая тело, набирая в себя воду и с силой выталкивая ее. Два щупальца он держал на отлете, как крылья, а шестью остальными, сложенными в плетъ, размахивал, как хвостом.

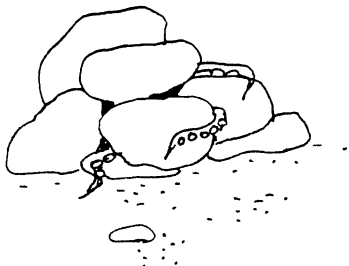
Проплывая подо мной, он уменьшил частоту и силу толчков, еще шире развернул щупальца-крылья и, планируя как птица, которая садится на землю, опустился на дно.

Он угодил прямо на кучу камней, не мешкая направил в щели между ними щупальца — и исчез, растаял, словно его увлек туда поток жидкости.

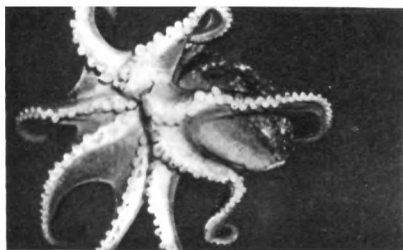

— Упрямая голова! — сказал я, обращаясь к его противнику. — Вот как надо плавать. А ты?

Маленький осьминог даже не удостоил меня взглядом. Раскинув щупальца по коралловой плите, он сгребал камешки, обломки раковин, подтаскивал их к норе — словом, был занят сооружением оборонительного вала на случай новой опасности.

Французские кинематографисты сняли фильм, в котором показано, как осьминоги выводят потомство. На экране — фильм снимался в аквариуме — хорошо видно, что осьминожиха приклеивает гроздь яиц к потолку своей норы, перебирает гроздь, очищая их от случайного мусора, и поливает яйца водой.

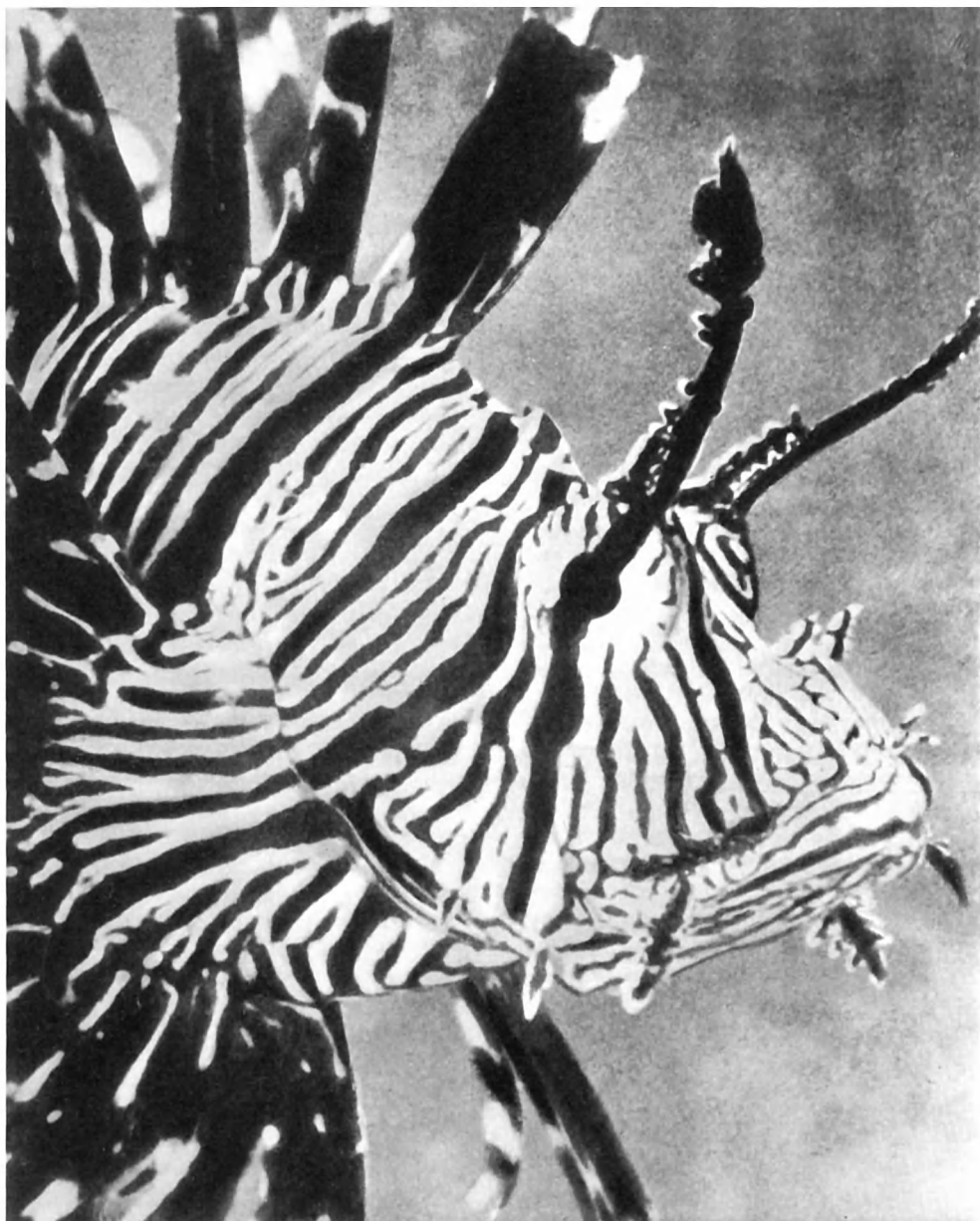
Осьминог.

По телевидению показан фильм, снятый на Дальнем Востоке ленинградскими кинематографистами, «К осьминогу в гости». Режиссер фильма Борис Генингс. Съемки проходили на острове Фуругельма, где из сетей у берега были сооружены садки и куда аквалангисты посадили осьминогов. Удачно сняты сцены, как осьминог меняет окраску, как он пьтится и «течет» в сторону, застигнутый в глубине пещеры лучом электрической лампы.

Посаженные в садки осьминоги быстро нашли подходящие камни, вырыли под ними убежище и с помощью щупалец соорудили перед входом в каждую нору защитный вал из песка.

В газетах нет-нет да появляются сообщения о леденящих кровь схватках водолазов с осьминогами. Это или выдумка, или плод досужего

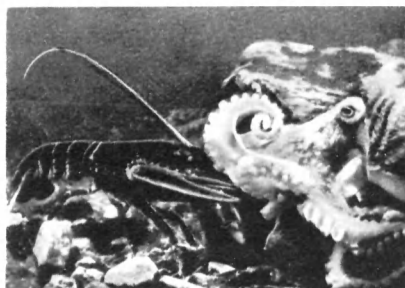
Распустив, как веер, длинные плавники, бродит у самого дна рыба-крылатка.

воображения. Осьминог ни на одно существо больше краба никогда не нападает, а водолаз, соединенный воздушным шлангом с поверхностью, очень уязвим и болезненно воспринимает близость любого крупного животного. При встрече самое лучшее для них — разойтись.

В связи с появившимися в печати сообщениями о том, что осьминоги якобы кусали людей, американский океанолог Мак-Гинти заявил: «В моих руках перебивало несколько тысяч осьминогов, и ни один меня ни разу не укусил!»

Выступая по радио в 1955 году, английский ученый Юнг, рассказывая об опытах по испытанию памяти осьминогов, которые он провел в Неаполитанском аквариуме, сказал: «Они (осьминоги) способны запоминать очень сложные вещи. Изучение их мозга позволяет получить весомые соображения о том, как в этом отношении работает наш собственный мозг».

Французские аквалангисты подняли со дна Средиземного моря, неподалеку от Марселя, груз древнегреческого судна, погибшего во время шторма около двух тысяч лет

Осьминог приближается к омару.

Прыжок — и омар подмят!

Но осторожно — клешни!

тому назад. Груз состоял из глиняных кувшинов — амфор, наполненных в свое время вином и маслом. Теперь амфоры были пусты, но... почти в каждой сидело по небольшому осьминогу.

Натуралист Вильмон Монард, работая в атоллах архипелага Туамоту, наблюдал, как осьминоги нападали на крупных устриц. Прежде чем моллюск успевал захлопнуть свою толстостенную известковую раковину, осьминог успевал вставить между ее створками коралловый обломок, после чего спокойно принимался за еду.

Однако ученые, которые пытались проверить сообщение Монарда на головоногих, живущих в аквариуме, потерпели неудачу.

В телевизионной передаче, посвященной очередному плаванию исследовательского судна «Калипсо», ученые Кусто и Дюма показали фотографии целого поселка осьминогов, обнаруженного ими на отмели к северо-востоку от Поркерольских островов. Типичная постройка представляет собой плоский камень длиной до полуметра, весом до восьми килограммов, который с одной стороны приподнят сантиметров на двадцать и подперт вторым камнем меньших размеров. Внутри каждого дома — выемка, где сидит животное,

перед домом — оборонительный вал из устричных створок, крабьих панцирей, морских анемонов и ежей.

Американский ученый Мак-Гинти взял пипеткой несколько капель воды из аквариума, где жила мурена, и пустил их в аквариум к осьминогу. Осьминог тотчас же впал в панику, задрожал и начал искать убежище в камнях. Отсюда Мак-Гинти сделал вывод, что моллюск очень тонко чувствует малейшие изменения химического состава, а следовательно, и вкуса воды.

Наблюдатели обнаружили, что не все руки-щупальца осьминога равнозначны. «Главной парой», по-видимому, является вторая сверху. Именно с ее помощью осьминог обычно хватается добычу. На этих же щупальцах он «ходит» по дну.

Это, пожалуй, уже победа.

Осьминог средней величины (метр-полтора в размахе щупалец) прокачивает через себя в час почти полтонны воды (четыреста — пятьсот литров).

В Неаполитанском аквариуме отмечено несколько случаев, когда осьминог жил в неволе более года.

Осьминогам для жизни нужна соленость не менее 3,3 процента.

Французский биолог Жак Верани, наблюдая спящего осьминога, задался вопросом: как разбудить животное? Все его попытки шуметь перед аквариумом и размахивать руками не привели ни к чему: но стоило тронуть воду рукой или прикоснуться палкой к сторожевым щупальцам животного, как осьминог моментально просыпался.

Что такое «сторожевые» щупальца? Эту роль выполняет нижняя пара. Во время сна одно или два щупальца медленно вытягиваются, покачиваются и даже кружатся над животным.

Пишут, что один рыбак с острова Самоа в течение нескольких лет водил дружбу с довольно крупным осьми-

ногом. Услыхав приближение лодки, осьминог якобы выползал из расселины в коралловом рифе, всплывал, приближался к лодке и позволял трогать себя руками. Получив всякий раз порцию крабов, животное погружалось и скрывалось на дне.

В книге Веллса «Мозг и поведение головоногих» описываются несколько сот опытов, проведенных автором. Как установил Веллс, осьминоги обладают хорошей памятью, способны различать геометрические фигуры, считать до шести и различать на ощупь тела разной формы.

В мире с каждым годом увеличивается добыча головоногих моллюсков. В 1963 году в морях всего земного шара было выловлено около миллиона тонн головоногих. На первом месте стоят кальмары — восемьдесят пять процентов улова.

Кальмар, вынутый из желудка кашалота.

ДО СВИДАНИЯ, ПАКО!

Приближалась осень — время дождей и ураганов. В деревне становилось все меньше жителей. Многие уезжали в город. Пора было в школу и Пако.

Машина туда отходила из соседнего поселка, и до него надо было еще добратся пешком.

Теплым утром меня разбудил камешек, со щелканьем покотившийся по оконному жалюзи.

Я вышел. На дороге перед домом стоял Пако. У ног его лежала туго набитая вещами и книгами сумка.

Я подошел к нему.

Пако нагнулся, вытащил из сумки свой огромный зазубренный нож и протянул его мне.

— Вот, — сказал он не улыбаясь, — возьмите. У вас маленький. А вам еще надо плавать. Я ухожу.

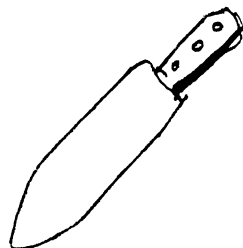
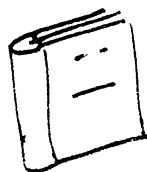
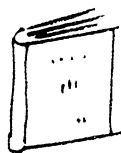
Я покачал головой:

— Я тоже уеду, Пако. Родольфо кончит работу, и мы уедем в Гавану. А потом я улечу к себе в Советский Союз. Буду лететь — увижу сверху твою школу.

— Я буду стоять возле нее, — серьезно сказал Пако. — Я на всех переменах буду выходить и стоять около школы. В этом году у нас будет география, мы будем изучать Советский Союз. Я буду хорошо учиться.

— Спрячь нож. Он тебе пригодится на следующий год. Ты ведь опять станешь плавать?

Пако кивнул и спрятал нож обратно в сумку.

— До свидания.

На дороге показался отец Пако — большой Франциско.

Он подошел к нам, поздоровался и сказал Пако:

— Пошли!

Мальчик поднял сумку и побрел следом за отцом. Они шли гуськом, друг за другом, оба в одинаковых клетчатых рубашках и потертых, выгоревших на солнце штанах.

— До свидания, Пако! — крикнул я.

Маленькая фигурка остановилась. Пако повернулся и помахал мне рукой. Он махал до тех пор, пока его отец не скрылся за поворотом. Тогда мальчик пустился догонять его.

НОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Последние дни перед отъездом я плохо спал.

Ночью кто-то ходил по дороге.

Сначала слышалось осторожное шуршание в кустах. Раздавался негромкий плеск, таинственный незнакомец вступал в воду — сотни маленьких лужиц сохранялись после дождя в лесу. Затем еле слышно поскрипывал песок — гость преодолевал последние метры, которые оставались ему до дороги. И наконец, слышалось приглушенное царапание и пощелкивание — он крался по асфальту.

Вот покати́лся задетый им камешек. Вот чавкнуло в канаве. Ночной посетитель перешел дорогу. Снова

В коралловых джунглях легко прятаться рыбам.

зашуршали сухие листья — шаги удалились в сторону моря...

Лежа в постели, я слушал эти звуки и в конце концов не выдержал: встал, оделся и крадучись вышел на дорогу.

Небо было затянуто облаками. Ни луны, ни звезд. Ни одного луча света. Чернильная тьма. Я сделал наугад несколько шагов, почувствовал босой ногой теплый неровный асфальт, присел на корточки и стал слушать.

Ночь была полна звуков. Ровно, как метроном, отбивало удары волн о берег море. Каждый удар был как пассаж музыканта. Звук медленно нарастал, превращался в рокот и обрывался.

В кронах деревьев мерно тенькали цикады. Они не заводили, как наши, долгой песни, а коротко, в одно касание, притрагивались каждый к своему колокольчику — тень! Крикнул и замолчал. С другого дерева ответное — тень!

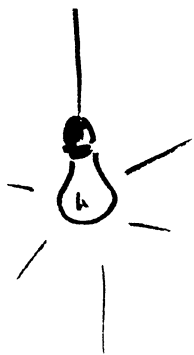
Подавала голос птица. Она вскрикнула жалобно, отрывисто.

На дороге слышалось осторожное постукивание. Кто-то в деревянных башмачках торопливо перебежал ее.

Я сделал несколько шагов, посмотрел, послушал... Никого.

Снова прислушался. Тихо.

Тогда я отправился по ночному черному асфальту прочь из деревни, на ощупь находя ногой продолжение дороги, спотыкаясь и едва не срываясь в канаву.

То и дело я останавливался и слушал. Невидимые путешественники не дали себя перехитрить. Они тоже притаились в кустах.

Сбив ноги и поняв бесполезность моих попыток, я повернул обратно.

На повороте дороги лежал похожий на бутылку обрубок ствола сейбы. Я присел на него.

Облачная пелена редела. Пассат растягивал ее и рвал на части.

В разрывах появлялись звезды. Слабый, неверный свет упал на дорогу. Она возникла из темноты, как река, покрытая островами: черные провалы ям и светлое течение асфальта...

За моей спиной послышалось осторожное шуршание. Кто-то пробирался через кусты. Шорох дошел до канавы, опустился в нее, превратился в поскрипывание и шум песчинок.

Я осторожно повернул голову.

На сером асфальтовом островке появилась тень. Она была причудлива и перекошена. Покачиваясь и постукивая, тень пересекла дорогу и неслышно скрылась в лесу.

Я сидел неподвижно.

И тогда шорохи стали возникать со всех сторон. Они приближались, на дороге появлялись призрачные тени. С легким стуком эти НЕЧТО перебежали асфальтовую реку и скрывались все в том же направлении — к морю.

Я видел тени, но не видел тел, которые отбрасывали их!

Чудеса?

У самых моих ног послышалось пощелкивание, и возникла очередная

тень. В слабом звездном свете я с трудом разглядел ее хозяина. Зеленовато-серый, под цвет асфальта, большой краб крался, осторожно переставляя ноги. Приседая, он выбрасывал вперед очередную пару, и при этом панцирь его задевал асфальт. Ритмично постукивая, краб плыл по асфальтовой реке.

Я вскочил, в два прыжка догнал животное и накрыл его ладонью.

Дома я разглядел добычу. Краб был бледного молочно-желтого цвета. Серым или зеленым он казался только при свете звезд. У него был массивный, толстый панцирь и длинные, приспособленные для пешего хождения ноги.

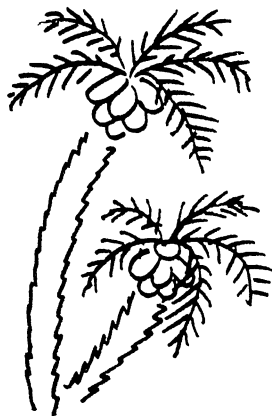
Я перевернул животное на спину и присвистнул. Так вот оно что! На брюшке, прижатая подвернутым хвостом, чернела гроздь влажной икры. Это была самка, которая направлялась к морю, чтобы оставить там свою ношу — тысячи икринок, которые должны дать продолжение ее роду.

Вот в чем разгадка упорного движения крабов через дорогу.

Я поднял крабиху, вынес ее на дорогу к тому месту, где поймал, и, положив на асфальт, отнял руку.

Животное приподнялось на суставчатых ногах и, не останавливаясь и не пытаясь скрыться, продолжило путь, прерванный полчасом назад.

Вся дорога была полна крабами. Постукивая панцирями и волоча за собой бесплотные тени, они торопились к морю.

Мы вернулись в Гавану, и я стал ждать самолета, чтобы лететь домой, в Ленинград.

Был сентябрь. Прохладный ветер свистел между каменными глыбами зданий. Он шуршал листьями баньяна и тоненько пел в деревянных жалюзи окон.

Около голубой, с фонтаном перед входом, гостиницы я увидел знакомый белый автомобиль. Около автомобиля стоял переводчик.

Вид у него был усталый и растерянный.

— Привет! — сказал я. — Ну, чем кончилось ваше путешествие?

Он махнул рукой:

— И не говорите.

— Что-нибудь случилось?

Переводчик вздохнул:

— Понимаете, какая неожиданность. Объехали мы весь остров. Месяц катались. И чего я ему только не показывал: и старину, и сегодняшний день, и завтрашний. От Колумба до автострад. Кооперативы, музеи. Рассказывал, рассказывал, а теперь выясняется, что он знает только по-голландски. Крупный фермер. Производство ветчины. Нет, каков?

— Но ведь слушал-то он вас внимательно?

— В том-то и дело, что внимательно. И кивал. А как я ему показывал картинную галерею: о каждой картине говорил минут пять!.. — Переводчик вздохнул.

— Вы так быстро мчались по острову... — неуверенно начал я. — Где уж тут уловить, понимает тебя человек или не понимает.

— Да уж конечно, такой век... — Переводчик снова вздохнул. — Век больших скоростей. Проносимся мимо всего. Лишь потом понимаем, что свалили дурака... Завтра он улетает. А вы?

— Я тоже.

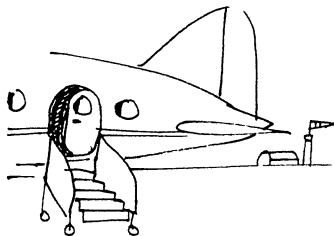
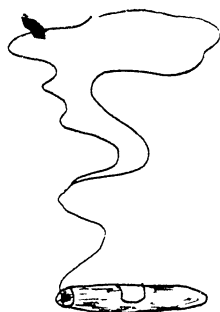
Мы стали прощаться. Из машины выглянул турист. Он сосал свою сигару и высматривал бензоколонку. Не найдя ее, он прицелился было фотоаппаратом в меня, но раздумал и опустил камеру. Переводчик вздохнул и сел в машину. Та плавно взяла с места, скрипнула шинами и скрылась в разномастном потоке автомобилей.

Когда я вернулся в институт, Родольфо сказал, что самолет прилетел и что билет куплен.

ЛЕЧУ НАД ОКЕАНОМ

Земля медленно ползла под крылом. Кубу сменила Гаити — легендарная Эспаньола Колумба. И только когда кончилась и она, внизу бирюзово запылал океан.

По нему были разбросаны пятна островов. Белые пляжи окаймляли их. Они были все только с одной — наветренной — стороны. Вечный пассат гнал по океану черные морщинки волн. Волны подходили к островам и замирали около них.

Теперь я знал: там неумолчный грохот прибоя. Столбами взлетает вверх пена. Океан выметывает длинные струи на серые камни себорукко. Между острыми каменными мысами — белый песок пляжей.

С подветренной стороны берега островов были черно-зелеными: это — царство мангров. Тут неподвижна вода, оглушающе звенят в душном, влажном воздухе москиты. Полчища крабов снуют между корнями деревьев, и ленивые черепахи, размахивая ластами, плывут над оранжевым, припорошенным илом дном.

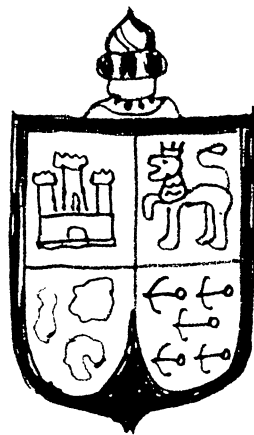
Самолет потряхивало. Мелко дрожало в такт приглушенному реву моторов круглое стекло иллюминатора.

Я чуть не свернул шею, заглядывая вниз. Где он, тот берег, на котором остались моя хижина, разбитая дорога, по которой ночью течет серая река крабов, лодки, вытащенные на белый песок? Где Пако — черномазый мальчишка с большим самодельным ножом, Пако, для которого, как и для меня, коралловый риф — самое удивительное место в мире?

Темные пятна островов медленно сваливались за горизонт. Самолет качнул крыльями и стал набирать высоту. Океан уходил вниз.

Первыми исчезли, стали неразличимыми ниточки волн, затем померкли белые пенные кружева около берегов и наконец стали неразличимы и сами берега.

Ровная синяя пустыня простиралась под нами.

Зеро Колумба

Я часто вспоминаю это море.
В полдень оно штилело,
становилось пустынным
и только у самого
горизонта
всегда торчал, как зубчик,
одинокий
рыбачий парус.

Снова Ленинград. Мы стояли с приятелем, с тем самым, что посоветовал мне составить табличку для акул, в музее около витрины. Коралловый риф, старательно раскрашенный художником, блестел за стеклом.

— Ну как твой риф? Не похож на этот? — Приятель показал на витрину.

— В общем, похож. Краски такие. Все так. И в то же время не похож. Все по-другому. Это как живой человек и его портрет.

Пятнистые осьминоги, разбросав щупальца, таращили на нас стеклянные глаза. Тщательно разрисованные рыбки покачивались под сухими ветвями кораллов.

Я закрыл на минуту глаза. Удивительное дело — разрисованные осьминоги и рыбы остались. Но возник шум — шум отдаленного прибоя. И легкий звон в ушах — оттого, что на уши давит вода. Так было всегда, когда мы с Пако ныряли.

Светло-коричневый осьминог оторвался от скалы и двинулся мне навстречу. Качнулся и расправил щупальца второй.

Они оживали, осьминоги за стеклом — виновники встречи с рифом, которую я ждал столько лет.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Куба — остров в океане	8	Бесконечная цепь	89
Коралловый риф?	9	Убивает и дает жизнь...	92
Сердитый камень себорукко	10	<i>Ящик письменного стола</i>	93
Не те рыбы	11	Похожая на птицу	98
<i>Ящик письменного стола</i>	14	Ссора	101
Родольфо	18	Краб-тряпичник	103
Манхуари	19	Теремок	104
Многоудобная машина	20	Бывает и так	107
Старая крепость	21	Белый песок	109
Белый автомобиль	24	Опять черепаха	112
Не подходи!	27	Находка	—
Странная ящерица	30	<i>Ящик письменного стола</i>	116
<i>Ящик письменного стола</i>	31	Кусочек камня	120
Деревня на воде	35	Кем ты будешь, Пако?	123
Ночь	37	Вторая встреча	124
Бенти бенти дос	40	Ураган «Клара»	126
В протоках	42	Секрет гибели	128
<i>Ящик письменного стола</i>	46	Катастрофа на пляже	130
Тут будем жить!	49	<i>Ящик письменного стола</i>	131
Скорей!	50	Тени в море	134
Похожие на игрушки	52	Первые акулы	136
Пако	55	Вопрос номер один	138
Диадемы	56	Акула на песке	140
Мои соседи	59	Хитрецы	143
Пассат	61	Акуля охота	144
Ночное небо	63	Акула на крючке	146
Старик с собакой	—	<i>Ящик письменного стола</i>	150
Толстяк	64	Хозяин каменной норы	157
Мурена	66	Шествие осьминогов	159
<i>Ящик письменного стола</i>	68	Пол-осьминога	163
Каждый день	72	Мастер маскировки	165
Рыба-курок	74	Мурена и осьминог	168
Качуча	75	Чернильное пятно	171
Рыбье облако	77	Соперники	172
Колючие пленники	78	<i>Ящик письменного стола</i>	174
Кто тут был?	81	До свидания, Пако!	179
Раковина на песке	84	Ночные путешественники	180
Ночной вор	85	Возвращаюсь	185
Дантисты и санитары	88	Лечу над океаном	186

ДЛЯ
СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

*Святослав Владимирович
Сахарнов*

ОСЬМИНОГИ ЗА СТЕКЛОМ

Ответственный
редактор
М. С. Брусиловская

Художественный
редактор
С. И. Нижняя

Технический
редактор
В. К. Егорова

Корректоры
Н. Е. Кошелева и Э. Л. Лофенфельд

Сдано в набор 25/VII 1974 г. Подписано
к печати 3/VI 1975 г. Формат 70×90^{1/16}.
Бум. тифдр. № 1. Печ. л. 12. Усл. печ. л.
14,04. Уч.-изд. л. 10,79. Тираж 75 000 экз.
A03850. Заказ № 3183. Цена 76 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Детская литература».
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени
фабрика «Детская книга» № 1 Росглав-
полиграфпрома Государственного ко-
митета Совета Министров РСФСР по де-
лам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. Москва, Свщевский
вал, 49.

Сахарнов С. В.

C22   **Осьминоги за стеклом. Научно-художественная литература. Оформление Э. Бенъяминсона и Б. Кыштымова. М., «Дет. лит.», 1975.**

191 с. с ил.

Автор книги — ученый, моряк, в своих познавательных новеллах рассказывает о Карибском море и его обитателях.

C   **70803—470**
М101(03)75   **441—75**

59

Цена 76 коп.

